

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 4 (137) /2025

**СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ**

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Лущинская (главный редактор),
А. А. Романовская (зам. главного редактора),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вестник
Минского государственного
лингвистического
университета
Серия 1 ФИЛОЛОГИЯ

Научно-теоретический
журнал

Выходит один раз в два месяца

№ 4 (137), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Карпук Г. В. Особенности выражения непрощения во внутренней речи	7
Медведева Н. Г., Яскевич В. В. Артикуляционно-перцептивная нагрузка при восприятии родной и иностранной аллофонии	15
Метлушки И. В. О некоторых семантических характеристиках презентации военных коммеморативных практик в новостном дискурсе	26
Палагина А. Н. Статистическая интерпретация актуальности концепта «богатство» в мультимодальных текстах	37
Поплавская Т. В., Сысоева Т. А. Типология коммуникативных стратегий: универсальное или специфичное?	47
Филимонова М. С. Семантическая обусловленность звучания китайских логограмм (на примере логограмм с инициалью «Q»)	56
Чеснокова Е. В. Сопоставительный анализ паремий с лексическим компонентом <i>книга</i> в итальянской и белорусской языковых картинах мира	69

Романское и германское языкознание

Бондарчук Л. Г. Новая парадигма во французской политической риторике	79
Петракова Ю. И. Производящие поля в системе имен существительных немецкого языка	86
Романкевич М. Н. Лексико-стилистические особенности газетного заголовка во французской публицистике	96
Чиркун А. Б. Экономические эвфемизмы в испанском языке сквозь призму истории	104

Исследования славянских языков

<i>Климкович О. А.</i> Лексические средства репрезентации императивности в уставных грамотах ВКЛ и русских земель XIV–XVII вв.....	112
<i>Маліцкі Ю. В.</i> Беларускія аナンімныя гутаркі XIX ст. у тэкстах прасторы дыскурсу масавай камунікацыі	121

Литературоведение

<i>Билал Махер Хамдалла.</i> Типы и функции аллегории в произведении Дж. Оруэлла «Скотный двор»	129
<i>Вербицкая Ю. С.</i> Путешествия во времени и смена ценностных парадигм в произведениях Дианы Гэблдон.....	138
<i>Данилович Т. В.</i> Роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и фильм С. Рая «Мир Апу»: любовь в судьбе художника	146
<i>Кислицына А. Н.</i> Трагедия Чернобыля и ее отражение в литературе	155
<i>Курылка М. А.</i> Распрацаванасць тэмы Другой Сусветнай вайны ў айчынным і брытанскім літаратуразнаўстве: параўналъны аспект	165
<i>Ли Цзя.</i> Мифологическая наррация в романе Мо Яня «Страна вина»	174
<i>Нестер А. И.</i> Стихотворения в прозе В. М. Гаршина: обновление жанровой традиции	181

CONTENTS**General and Typological Linguistics**

<i>Karpuk G.</i> Peculiarities of Expressing Unforgiveness in Inner Speech.....	7
<i>Medvedeva N., Yaskevich V.</i> Articulatory-Perceptual Load in the Perception of Native and Foreign Allophony	15
<i>Metlushko I.</i> On Some Semantic Regularities in Presentation of Military Commemorative Practices in News Discourse.....	26
<i>Palahina A.</i> Statistical Interpretation of “Wealth” Concept Relevance in the Multimodal Texts	37
<i>Poplavskaya T., Sysoyeva T.</i> Typology of Communicative Strategies: Universal or Specific?	47
<i>Filimonova M.</i> Semantic Conditionality of the Sound Characteristics of the Chinese Logograms (on example of logograms with the initial component “Q”).....	56
<i>Chasnakova K.</i> Comparative Analysis of Paremias with the Lexical Component <i>Book</i> in the Italian and Belarusian Linguistic and Cultural Traditions	69

Romance and Germanic Linguistics

<i>Bandarchuk L.</i> A New Paradigm in French Political Rhetoric.....	79
<i>Petrakova J.</i> Derivative Fields in the System of Nouns in the German Language	86
<i>Romankevich M.</i> Lexico-Stylistic Aspects of Newspaper Headlines in the French Publicistic Sphere.....	96
<i>Chyrkun H.</i> Economic Euphemisms in the Spanish Language through the Lens of History	104

Slavonic Languages

- Klimkovich V.* Lexical Means of Representing Imperativeness
in the Charters of the Grand Duchy of Lithuania
and Russian Lands of the 14th–17th Centuries..... 112

- Malitski Y.* Belarusian Anonymous Conversations of the 19th Century
in the Text Space of Mass Communication Discourse..... 121

Literary Studies

- Bilal Maher Hamdullah.* Types and Functions of Allegory
in G. Orwell's *Animal Farm*..... 129

- Viarbitskaya Y.* Time Travel and Value Paradigm Shifts
in the Works of Diana Gabaldon 138

- Danilovich T. I.* Bunin's Novel the *Life of Arseniev*
and S. Ray's Film *The World of Apu*: Love in the Artist's Destiny..... 146

- Kislitsyna H.* The Chernobyl Tragedy and its Reflection in Literature 155

- Kurypka M.* Exploring the Theme of World War II in Belarusian
and British Literary Studies: a Comparative Aspect..... 165

- Li Jia.* The Mythological Narrative in the Novel *The Republic of Wine*
by Mo Yan 174

- Nestser H.* Poems in Prose of Vsevolod Garshin:
Renovation of the Genre Tradition..... 181

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'276.2+159.942.5(045)

Карпук Галина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Беларусь

Galina Karpuk
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
halina-karpuk@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ НЕПРОЩЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

PECULIARITIES OF EXPRESSING UNFORGIVENESS IN INNER SPEECH

Статья посвящена изучению особенностей выражения чувства непрощения во внутренней речи в русскоязычных контекстах, взятых из произведений художественной литературы. Выражение непрощения характеризуется отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, использованием средств диалогизации, смягчения и интенсификации (из средств интенсификации особое значение имеют повтор и использование разговорной, просторечной лексики). Помимо собственно средств внутренней речи выражение непрощения сопровождается функционированием мимических, фонационных и физиологических средств.

Ключевые слова: непрощение; внутренняя речь; диалогизация; интенсификация; смягчение.

The article is devoted to the peculiarities of expressing unforgiveness in inner speech in Russian contexts. The expression of unforgiveness is characterized by a negative emotional and expressive connotation, the use of means of dialogization, mitigation and intensification (repetition and the use of colloquial words are of particular importance). The expression of unforgiveness is accompanied by the functioning of facial, phonation and physiological means.

Ключевые слова: unforgiveness; inner speech; dialogization; intensification; mitigation.

Различные аспекты внутренней речи вызывают у мыслителей-ученых, работающих в области гуманитарных наук (психологов, филологов, психолингвистов и т. д.), особый интерес. Проблематика внутренней речи рассматривалась такими исследователями, как Л. С. Выготский, А. Р. Лuria, С. Д. Кацнельсон, П. Я. Гальперин, А. А. Леонтьев, П. П. Блонский, Н. И. Жинкин, С. Л. Рубинштейн, М. М. Бахтин, Т. В. Ахутина и др.

Внутренняя речь – это «особое по своей психологической природе обование, особый вид речевой деятельности, <...> стоящий в сложном отношении к другим видам речевой деятельности» [1]. Она обладает самостоя-

тельностью, автономностью и самобытностью; в отличие от внешней речи, «речи для других», внутренняя речь «не предназначена для сообщения, это речь для себя», лишенная вокализации, однако не представляющая собой «речь минус звук» [1]. Код внутренней речи употребляется наряду с языком внешней речи [2, с. 38–39].

По своему происхождению внутренняя речь социальна: она и «протекающее в форме внутренней речи словесное, дискурсивное мышление отображают структуру речи, сложившуюся в процессе общения» [3, с. 457]. Внутренняя речь социальна и по содержанию, поскольку «по большей части обращена к собеседнику <...> посвящена размышлению, рассуждению, аргументации» [Там же], иными словами, является адресатоориентированной. Данная характеристика является одной из причин того, что внутренняя речь насыщена средствами диалогизации. Несмотря на монологическую форму, отрезки внутренней речи «сплошь диалогичны, сплошь пронизаны оценками своего возможного слушателя» [4, с. 539]. Субъект может вести воображаемую внутреннюю беседу с другим человеком, выражая то, что по какой-то причине он не мог сказать ему в реальном разговоре [3, с. 457]. Ярче всего диалогичность внутренней речи проявляется в ситуациях принятия решения, когда «сознание как бы разбивается на два независимых и противоречащих друг другу голоса» [4, с. 540].

Во внутренней речи главенствующую позицию занимает семантика, при этом смысл преобладает над значением: слово внутренней речи представляет собой «сгусток смысла», агглютинированное образование, которое «вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения» [1]. По этой причине внутренняя речь представляет определенные трудности при переводе на язык внешней речи, ведь возникает «внутренний диалект. <...> В сущности вливание многообразного смыслового содержания в единое слово представляет собой всякий раз образование индивидуального, непереводимого значения, т.е. идиома» [Там же].

Структурно и технически отражая внешнюю речь, внутренняя речь отличается от нее [3, с. 460]. «Психическая близость собеседников <...> создает у говорящих общность апперцепции, что в свою очередь является определяющим моментом для понимания с намека, для сокращенности речи. Но эта общность апперцепции при общении с собой во внутренней речи является полной, всецелой и абсолютной» [1]. В этой связи синтаксис внутренней речи носит фрагментарный, сокращенный характер: сокращению подвергается подлежащее (то, о чем идет речь) и его группа; однако сказуемое сохраняется и доминирует, т.е. наблюдается предикативность, в том числе в абсолютной степени [Там же]. Во внутренней речи сокращаются и сами слова, поскольку субъекту понятно, что он собирается сказать; она является «сокращенной, отрывочной, бессвязной, неузнаваемой и непонятной по сравнению с внешней речью» [Там же], иначе говоря, носит свернутый характер [5, с. 174].

По мнению А. Р. Лурии, внутренняя речь «является необходимым этапом подготовки к внешней, развернутой речи» [5, с. 248]. Л. С. Выготский не согласен с тем, что внутреннюю речь рассматривают «как то, что предшествует внешней, как ее внутреннюю сторону. <...> Внутренняя речь оказывается динамическим, неустойчивым, текущим моментом, мелькающим между более оформленными и стойкими крайними полюсами <...> речевого мышления: между словом и мыслью» [1]. Переход от внутренней речи к внешней представляет собой ее переструктурирование: это «сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь» [Там же].

Как писал М. М. Бахтин, без «внутренней речи нет сознания» [4, с. 534]. Развитая внутренняя речь субъекта свидетельствует о сформированном и развитом сознании. Внутренняя речь «надежно защищена от постороннего вмешательства, она осознается только самим субъектом и поддается лишь его контролю» [2, с. 38]. Данная недоступность внутренней речи для прямого восприятия и наблюдения является причиной того, что она представляет сложности в плане изучения.

В настоящей статье рассматриваются особенности выражения чувства непрощения во внутренней речи, в том числе впоследствии частично озвученной. Материалом послужили русскоязычные контексты, взятые из произведений художественной литературы.

В контекстах внутренней речи при выражении непрощения используются средства его интенсификации: местоименные слова, наречия, междометия, стилистические элементы и т. д. Из данных стилистических средств особое значение имеют повтор и использование разговорной, просторечной лексики (в отличие от внешней речи во внутренней речи в силу отсутствия социокультурных и других ограничений возможна большая свобода в плане использования разговорной, просторечной, дерогативной лексики).

В озвучивании имевших место в прошлом мыслей говорящего субъекта, связанных с чувством непрощения, может наблюдаться интенсификация посредством местоименного слова *так*:

(1) – <...> «Ладно, говорит, знаем мы, как вы привязываете. Пошел вон, свинья!» Ну, я, конечно, отошел в сторону, спрятался по-за корчу и стою. **Зло меня взяло, аж трясусь весь. «Нет, думаю, этого я тебе так не оставлю».**

– Понятно. Разве же можно простить? – уверенно подтвердил Бузыга.
– Я бы хоть через год, а увел у него коней (А. И. Куприн. Конокрады).

В анализируемом контексте (1) местоименное слово *так* привносит в речь экспрессию [6] (в сочетании с инверсией и двойным отрицанием): *Нет, думаю, этого я тебе так не оставлю*. В данном случае глагол *не оставлю* имеет значение ‘не прощу’. Непрощение, имевшее место в прошлом, сопровождалось кинесикой, связанной с отрицательными эмоциями (*аж трясусь весь*). В ее передаче разговорно-сниженная лексема *аж* имеет усилительное значение [7, с. 14] и призвана выделить невербальную реакцию.

Объект непрощения отсутствует, на озвученное непрощение адресанта реагирует присутствующее лицо и выражает свою солидарность с ним. Озвученный отрезок внутренней речи выполняет коммуникативную функцию: субъект непрощения делится с собеседником бытыми чувствами (*Зло меня взяло* – разговорно-сниженная, просторечная фразеологическая единица) и мыслями (используется глагол мыслительной деятельности (*думаю*)).

Целям интенсификации служат междометия и наречия. Как то подтверждает приведенный ниже внутренний монолог Родиона Раскольникова (2), контекст внутренней речи, содержащий выражение чувства непрощения, может быть эмоционально окрашенным. Степень данной, как правило, отрицательной эмоционально-экспрессивной окраски во многом зависит от интенсивности испытываемых субъектом эмоций. Эмоционально-экспрессивный заряд непосредственно в выражении чувства непрощения в контексте (2) создается повтором междометия (*O*) и наречия (*ни за что*), восклицанием:

(2) *Минутами он чувствовал, что как бы бредит: он впадал в лихорадочно-восторженное настроение.*

«Старушонка вздор! – думал он горячо и порывисто, – старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело! Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается... Принцип? За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил? Трудолюбивый народ и торговый, «общим счастием» занимаются... Нет, мне жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будет, я не хочу дожидаться «всеобщего счастья». Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить. Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании «всеобщего счаствия». «Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье и оттогощаю спокойствие сердца». Ха-ха! Зачем же вы меня-то пропустили? Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу... Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего, – прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный. – Да, я действительно вошь, – продолжал он, с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, – и уж по тому одному, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что я вошь; потому, во-вторых, что целый месяц всеблагое провидение беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель, – ха-ха! Потому, в-третьих, что возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику из всех вшей выбрал самую наибесполезнейшую и, убив ее, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию – ха-ха!)... Потому, потому я окончательно вошь, – прибавил он, скрежеща зубами, – потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это

уже после того, как убью! Да разве с этаким ужасом что-нибудь может сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, как я понимаю «пророка», с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся «дрожащая тварь! Прав, прав «пророк», когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясняться! Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!»

Волосы его были смочены потом, вздрагивавшие губы запеклись, неподвижный взгляд был устремлен в потолок (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В контексте (2) выражение непрощения начинается разговорным междометием *О*, которое используется для передачи разнообразных «чувств, душевных переживаний: изумления, испуга, негодования, укоризны, насмешки <...> с целью усиления эмоциональной выразительности высказывания, придания ему патетической приподнятости» [7, с. 1056], увеличения его экспрессивности [8, с. 517].

Повторяющийся интенсификатор *ни за что* – наречие разговорного характера, имеющее значение «ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах; никогда» [7, с. 1039]. Субъект, в сущности, зарекается простить когда-либо. Более того, посредством существительных *старушонка* и *арифметика* передается отрицательная оценка объекта непрощения (*старушонка* – разговорная уничтожительная форма к существительному *старуха* [9, с. 697]). Существительное *арифметика* метафорически характеризует объект непрощения (*арифметику из всех вшей выбрал самую наибесполезнейшую*). Присутствует повтор слов и словосочетаний: *старуха, старушонка, вошь, убил, принцип, переступить, хочу, жить, ха-ха, дрожащая тварь* и т. д. Следует отметить, что повтор ключевых слов и словосочетаний имеет в данном фрагменте магистральное значение: красной нитью проходит через весь контекст. Более того, используется прием кольца: внутренняя речь начинается и заканчивается лексемой *старушонка*. Наблюдается когнитивная эмпатия (*О, как я понимаю «пророка»*). Просматривается своеобразная антитеза (ее смысл заключается в том, что «я хочу что-то, но не должен этого хотеть»): *Я и сам хочу жить <...> Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу ... <...> Повинуйся, дрожащая тварь, и – не желай, потому – не твое это дело!..*

«Монологическое слово Раскольникова поражает своей крайней внутренней диалогизацией и живою личной обращенностью ко всему тому, о чем он думает и говорит. <...> Он не мыслит о явлениях, а говорит с ними. <...> обращается к себе самому (часто на ты, как к другому), убеждает себя, дразнит, обличает, издевается над собой» [10, с. 138]. Его внутренняя речь является драматизированной: «развертывается как философская драма, где действующими лицами являются воплощенные, жизненно-осуществленные точки зрения на жизнь и на мир» [10, с. 139–140] (например, в упомянутой выше антитезе из контекста 2).

Средства диалогизации рассматриваемого внутреннего монолога Раскольникова (2) представлены вопросами и ответами. Диалогическим потенциалом обладает трижды повторяющееся междометие *ха-ха*, сопровождающееся восклицательной интонацией. Данное разговорно-просторечное междометие, обозначающее громкий смех и хохот, используется для передачи неприятия [9, с. 927], «несогласия, сомнения, негодования (с оттенком иронии, презрения, насмешки)» [11, с. 590].

В контексте (2) присутствуют указание на отрицательное эмоционально-психологическое состояние Раскольникова (*он впадал в лихорадочно-восторженное настроение, думал он горячо и порывисто, с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней*), фонационные характеристики внутренней речи (*прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный*). Эмоции, испытываемые субъектом, помимо выражения при помощи средств внутренней речи частично передаются через невербальное поведение: мимику (*скрежеща зубами; вздрагивавшие губы запеклись; неподвижный взгляд был устремлен в потолок*), физиологические реакции, например потоотделение (*Волосы его были смочены потом*).

В рассматриваемых контекстах элементы интенсификации могут сочетаться с элементами смягчения, которые включают: мотивационные компоненты, речеэтикетные единицы, стилистические элементы и т. д.

В анализируемом фрагменте (2) присутствует отрицательная характеристика объекта непрощения, обладающая некоторым смягчающим потенциалом в силу оттенка мотивационности – в понимании субъекта непрощения убитый человек не представлял собой ценности: *старушонка вздор, ошибка, болезнь, не человека убил, убитая вошь*. В контексте также наблюдается отрицательная метафорическая характеристика субъектом непрощения самого себя через многократную аналогию с вошью – насекомым, к которому люди относятся отрицательно, поскольку оно паразитирует на людях и животных (внутренней речи «вообще свойственна метафоричность» [10, с. 346]): *Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего; Да, я действительно вошь; я окончательно вошь; сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь*. В данной метафорической характеристики используются интенсификаторы: *больше ничего, действительно, окончательно, еще сквернее и гаже*. Более того, привнесен оттенок оксюморона в сочетании с инверсией: *эстетическая я вошь* (эстетика и вошь не совместимы, находятся на разных полюсах, в частности по критерию позитивности/негативности восприятия людьми).

В роли смягчающих средств могут выступать, например, речеэтикетные элементы, а именно обращение по имени и отчеству:

(3) <...> *Почему про этого проклятого «рыцаря бедного» в этом анонимном письме упомянуто, тогда как она письмо от князя даже сестрам не показала? И почему... зачем, зачем я к нему, как угорелая кошка, теперь прибежала, и сама же его сюда притащила? Господи, с ума я сошла, что я теперь наделала! С молодым человеком про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такие секреты, которые чуть не самого его касаются!*

Господи, хорошо еще, что он идиот и... и... друг дома! Только неужели ж Аглай прельстилась на такого уродика! Господи, что я плету! Тыфу! Оригиналы мы... под стеклом надо нас всех показывать, меня первую, по десяти копеек за вход. Не прощу я вам этого, Иван Федорыч, никогда не прошу! И почему она теперь его не шпигует? Обещалась шпиговать, и вот не шпигует! Вон – вон, во все глаза на него смотрит, молчит, не уходит, стоит, а сама же не велела ему приходить... Он весь бледный сидит. И проклятый, проклятый этот болтун Евгений Павлыч, всем разговором один завладел! <...> (Ф. М. Достоевский. Идиот).

В контексте (3) в выражении непрощения присутствует обращение на «вы» и по имени и отчеству (Лизавета Прокофьевна угрожает супругу, что никогда не простит его): *Не прощу я вам этого, Иван Федорыч, никогда не прошу!* Сдержанность характера речеэтикетного оформления выражения непрощения свидетельствует о смягчении данного действия. С одной стороны, в эпоху контекста (3) подобное обращение было нормой, с другой стороны, отсутствие отступления от нормы во внутренней речи в определенной степени свидетельствует об эмоциональной сдержанности и дистанцировании субъекта непрощения (супруги) от объекта непрощения (супруга).

Фрагмент (3), являясь, с одной стороны, внутренним монологом, с другой стороны, представляет собой внутренний диалог Лизаветы Прокофьевны с самой собой (на протяжении контекста) и супругом (в угрозе непрощения), в связи с этим фрагмент содержит средства диалогизации. В их роли выступают вопросительные конструкции и угроза, адресованная супругу (содержит единицу речевого этикета «обращение»).

В контексте (3) в выражении непрощения присутствуют средства, интенсифицирующие его передачу и участвующие в создании стилистического приема кольца: инверсия, наречие времени (*никогда*), повтор иллоктивного глагола с отрицанием (*не прошу*): *Не прошу я <...> никогда не прошу!*.

Отрицательная эмоциональная оценочность в речи субъекта непрощения проявляется через повтор прилагательного *проклятый* и междометия *Господи*, сравнение (*как угорелая кошка*), преобладание восклицательных конструкций и присутствие элементов в переносном значении, в том числе имеющих разговорно-сниженную, просторечную окраску (*притащила, плету, не шпигует*). Глагол *шпиговать* имеет значение «перен. разг. снабжать в изобилии какими-либо сведениями (обычно с оттенком неодобрительности); перен. устар. внушать что-л.» [9, с. 1025]; «прост. укорять, попрекать, донимать» [11, с. 728]. Междометие *господи* служит выражению «удивления, досады, нетерпения» [12, с. 339]. Прилагательному *проклятый* свойственна разговорно-сниженная окраска со значением ‘выражать сильное недовольство, возмущение’ [9, с. 356]. Как и в контексте (2), в данном фрагменте (3) повтор ключевых слов и словосочетаний является доминирующим.

Таким образом, выражение непрощения в русскоязычных контекстах внутренней речи характеризуется отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, преимущественно обусловленной отрицательным характером

данного чувства. Используются средства интенсификации (местоименные слова, наречия, стилистические элементы и т. д.), из которых особое значение имеют повтор и функционирование разговорной, просторечной лексики (в силу отсутствия ограничений возможна большая свобода в плане ее употребления). Средства интенсификации могут сочетаться с элементами смягчения (мотивационные компоненты, стилистические элементы и т. д.) Контексты внутренней речи богаты средствами диалогизации (вопросительные и ответные конструкции, речеэтикетные элементы и т. д.). Выражение непрощения сопровождается использованием фонационных, мимических и физиологических средств. Иными словами, выражение такого отрицательного чувства, как непрощение осуществляется через комплекс разнообразных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – URL: <https://psychlib.ru/mgppu/vmr-1934/vmr-001.htm#hid13> (дата обращения: 28.02.2022).
2. Львов, М. Р. Основы теории речи / М. Р. Львов. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 248 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн : в 2 т. – Т. I. – М. : Педагогика, 1989. – 488 с.
4. Волошинов, В. В. Стилистика художественной речи // М. М. Бахтин (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. – С. 517–572.
5. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 1998. – 416 с.
6. Лабзина, С. В. Слова «так» и «такой» в современном русском языке – их синонимика и изофункциональность : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Лабзина; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. – URL: <http://cheloveknauka.com/slova-tak-i-takoy-v-sovremennom-russkom-yazyke-ih-sinonimika-i-izofunktionalnost> (дата обращения: 23.02.2023).
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. – Т. 1. – 2001. – 1232 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 1982. – 736 с.
9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 2001. – 1088 с.
10. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. – М. : Русские словари, 2000. – 799 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 4. – 1984. – 794 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 1. – 1981. – 698 с.

Поступила в редакцию 13.02.2025

Медведева Наталья Георгиевна
аспирантка кафедры фонетики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Medvedeva
PhD Student of English Phonetics
Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natalia7medvedeva@gmail.com

Яскевич Виталий Валерьевич
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitali Yaskevich
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitvalyas@gmail.com

АРТИКУЛЯЦИОННО-ПЕРЦЕПТИВНАЯ НАГРУЗКА ПРИ ВОСПРИЯТИИ РОДНОЙ И ИНОСТРАННОЙ АЛЛОФОНИИ

ARTICULATORY-PERCEPTUAL LOAD IN THE PERCEPTION OF NATIVE AND FOREIGN ALLOPHONY

Настоящее исследование посвящено анализу влияния артикуляционной и перцептивной баз родного и иностранного языков на восприятие аллофонического варьирования. В результате перцептивного эксперимента с использованием окулографического метода были получены данные, свидетельствующие о большей когнитивной нагрузке, возникающей при восприятии иноязычного аллофонического варьирования по сравнению с русским языком. Установлены наиболее надежные артикуляционные признаки звуков, способствующие успешному распознаванию аллофонического варьирования в родном и иностранном языках.

Ключевые слова: *аллофоническое варьирование; артикуляционная и перцептивная базы языка; ай-трекинг; механизмы восприятия речи.*

The present study investigates the influence of the articulatory and perceptual bases of native and foreign languages on the perception of allophonic variation. A perceptual experiment utilizing the eye-tracking method provided data indicating a greater cognitive load during the perception of foreign allophonic variation compared to native realisations. The study identified the most reliable articulatory features of sounds that contribute to the successful recognition of allophonic variation in both L1 and L2.

Ключевые слова: *allophonic variation; articulatory and perceptual language bases; eye-tracking; speech perception mechanisms.*

Восприятие и продукция иноязычной речи всегда подвергаются влиянию звуковой системы родного языка. В памяти носителя данная система представлена артикуляционной и перцептивной базами. Артикуляционная база языка представляет собой систему произносительных навыков, так называемых «произносительных инструкций», бессознательно используемых говорящим при воспроизведении звуков речи. Под перцептивной базой принято

понимать «систему эталонов фонетических единиц» родного языка, используемую для сравнения с воспринимаемыми речевыми сигналами [1, с. 14–15]. При изучении иностранного языка его артикуляционная и перцептивная базы формируются на фоне уже существующих аналогичных баз родного языка, которые, являясь доминирующими, приводят к продуктивной и перцептивной интерференции, проявляющейся в неправильном произнесении звуков и некорректном использовании интонационных структур изучаемого языка, а также в трудностях понимания иноязычной звучащей речи [2, с. 37]. Некоторые исследователи отмечают, что проблемы с артикуляцией звуков изучаемого языка в первую очередь обусловлены влиянием перцептивной базы родного языка на восприятие звуков иноязычной речи. Так, согласно пересмотренной модели усвоения речи (Revised Speech Learning Model) Дж. Э. Фледжа, вероятность возникновения сложностей с корректной имитацией и восприятием звуков иноязычной речи зависит от степени их близости и дистантности по отношению к перцептивной базе родного языка: чем больше иноязычные звуки воспринимаются как схожие по своим характеристикам со звуками родного языка, тем тяжелее категоризировать данные звуки для включения их в новую формирующуюся перцептивную базу, в то время как звуки иностранного языка, воспринимающиеся как наиболее непохожие на звуки родной речи, вероятнее будут способствовать формированию новой фонетической категории в перцептивной базе иностранного языка и, следственно, будут лучше усваиваться изучающим [3, р. 33, 65].

Как известно, перцептивная и артикуляционная базы языка не поддаются прямому наблюдению, что делает их изучение затруднительным. Тем не менее результат их функционирования – артикуляционные жесты и понимание воспринятой звучащей речи – может быть изучен [1, с. 14–15]. С применением современных экспериментальных методов, таких как электроэнцефалография, фМРТ и ай-трекинг, становится возможным более непосредственное наблюдение за процессом восприятия звучащей речи для получения более точных выводов о функционировании артикуляционной и перцептивной баз родного и иностранного языков.

С целью исследования особенностей взаимодействия перцептивной и артикуляционной баз родного языка (русского/белорусского) и изучаемого иностранного языка (английского) нами проводился эксперимент с использованием окулографической технологии в рамках так называемой «Парадигмы визуального мира» (Visual-world paradigm). Данная технология была разработана Р. М. Купером в 1974 году. Проводя окулографический эксперимент, он установил, что испытуемые задерживали взгляд на визуальных стимулах, которые упоминались в воспроизведимой аудиозаписи. Активация движения взгляда в направлении стимула происходила в течение 200 мс с начала воспроизведения слова на аудиозаписи, иногда в пределах звучания первой фонемы слова [4, р. 84]. Несмотря на многообещающие возможности, данный метод исследования не получил должного внимания среди представителей психолингвистического сообщества, однако после публикации Таненхаусом

результатов исследования с применением ай-трекера [5] в 1995 году он стал широко использоваться в лингвистических работах. На этот раз данная технология была принята сообществом по нескольким причинам: в то время как Купер сосредоточил внимание на описании ее общих принципов, Таненхаус использовал технологию для решения конкретных задач, а именно для изучения влияния визуального контекста на распознавание слов и когнитивную обработку синтаксических конструкций. Прогресс 90-х позволил сделать ай-трекер более точным и простым в применении инструментом для проведения экспериментов. В настоящее время исследователям доступен широкий спектр стационарных и портативных устройств для ай-трекинга, а также программного обеспечения, позволяющего использовать веб-камеру компьютера для считывания данных движения глаз. Одна из таких программ под названием «Beam Eye Tracker» применялась для получения окулографических данных в нашем эксперименте.

Основной задачей нашего исследования являлось определение степени интерференции артикуляционной и перцептивной баз родного языка при восприятии аллофонического варьирования иностранного языка. Для осуществления данной цели был проведен перцептивный эксперимент с участием 10 носителей русского/белорусского языков, владеющих английским на продвинутом уровне. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось прослушать реализации аллофонов английского [р] и русского [п] с захватом двух периодов стационарного участка следующего за ними гласного звука и соотнести воспринимаемые звуки с объектами на изображениях, определяя, какие из них начинаются на данный аллофон. Визуальные стимулы в виде изображений, а не написанных слов, были выбраны с целью упрощения процесса соотнесения услышанного с увиденным, способствуя быстрейшему возникновению ассоциаций и снижению когнитивной нагрузки, что позволяет получить более точные количественные показатели измеряемых характеристик, повышая надежность экспериментальных данных. При прослушивании аудиостимула испытуемым одновременно предъявлялись несколько изображений. Перед прослушиванием испытуемым требовалось назвать изображенные объекты, чтобы избежать расхождения в их названиях (рисунок).

Пример предъявления визуального стимула

Эксперимент состоял из двух частей: в первой части испытуемым предъявлялись речевые стимулы из английского, во втором – русского языка. В каждой части аудиальный и визуальный материалы были разделены на две группы.

Первая группа была представлена тремя лексическими единицами с наиболее дистантными по своим артикуляторным характеристикам гласными звуками, например в словах *pig*, *puppy*, *pool* в англоязычной и *пиво*, *пальма*, *пуговица* в русскоязычной части соответственно.

Вторая группа была представлена пятью (в английском) и шестью (в русском) лексическими единицами, имеющими как наиболее дистантные, так и приближенные артикуляторные характеристики ударных гласных звуков, например в словах: *raw*, *pearl*, *pig*, *puppy*, *pool* и *пыль*, *Пэн*, *повар*, *пиво*, *пальма*, *пуговица*.

Аудиальный материал был представлен в виде изолированной реализации аллофона начальных согласных звуков и двух периодов стационарного участка следующего за ними гласного звука каждого из слов. Испытуемым была дана инструкция прослушать аудиостимул не более трех раз до выбора ответа, однако в наиболее трудных для восприятия случаях число прослушиваний увеличивалось до 6 раз.

В результате анализа полученных данных были установлены средняя продолжительность фокусировки на каждом предъявляемом визуальном стимуле; общее количество времени, затраченного на принятие решения по каждому слайду с визуальными стимулами в миллисекундах (мс) (начиная от первого прослушивания до выбора ответа); количество прослушиваний и выбранные испытуемыми ответы. Все данные по двум языкам и двум группам слов в каждом из них представлены в таблицах ниже.

Распознавание аллофонов согласных звуков в положении перед наиболее дистантными гласными звуками (группа 1) (табл. 1; 2) не вызвало значительных трудностей у испытуемых. Так, при распознавании аллофонов первой группы слов не было допущено ни одной ошибки в распознавании звуков русского языка, в то время как в словах английского языка было допущено всего две ошибки при распознавании аллофонов начальных согласных в словах *puppy* и *pool* (которые были распознаны как *pool* и *puppy* соответственно, где гласные звуки являются наиболее приближенными по горизонтальному положению языка). Среднее количество прослушиваний предъявляемых аудиостимулов в данной группе оказалось незначительно выше для английского языка – 2,6 раза, в русском же языке средний показатель количества прослушиваний составил 2. Средняя длительность времени по группе от первого предъявления аудиостимула до выбора ответа составила 5755 мс для английского языка и 3736 мс – для русского.

Таблица 1

Английский вариант, первая группа слов, количество распознаваний (%) и время фокуса на предъявляемых визуальных стимулах (мс)

Группа 1		Предъявляемые визуальные стимулы		
Предъявляемые аудиостимулы		puppy	pig	pool
	puppy	90 (2709)	0 (675)	10 (1 138)
	pig	0 (155)	100 (1465)	0 (328)
	pool	10 (322)	0 (7)	90 (1492)

Таблица 2

Русский вариант, первая группа слов, количество распознаваний (%) и время фокуса на предъявляемых визуальных стимулах (мс)

Группа 1		Предъявляемые визуальные стимулы		
Предъявляемые аудиостимулы		пальма	пиво	пуговица
	пальма	100 (1602)	0 (683)	0 (543)
	пиво	0 (203)	100 (738)	0 (159)
	пуговица	0 (134)	0 (77)	100 (686)

Вторая группа слов, представленная как более дистантными, так и более приближенными по артикуляции гласными звуками (табл. 3, 4), оказалась наиболее сложной в идентификации английских аллофонов [р] испытуемыми, что отражено в увеличении числа ошибочных идентификаций, прослушиваний стимулов и длительности времени, затраченного на принятие решения о выборе подходящего ответа. Так, количество прослушиваний для английского варианта эксперимента составило в среднем 2,8 раз, для русского – 1,9. Средняя длительность времени, затраченного на выбор ответа в группе английских слов, составила 6447 мс, русских – 3423 мс, с незначительным повышением и понижением показателя соответственно.

Таблица 3

Английский вариант, вторая группа слов, количество распознаваний (%) и время фокуса на предъявляемых визуальных стимулах (мс)

Группа 2		Предъявляемые визуальные стимулы				
Предъявляемые аудиостимулы		pool	pearl	puppy	pig	paw
	pool	80 (1357)	0 (696)	0 (325)	10 (362)	10 (550)
	pearl	0 (404)	40 (916)	50 (639)	0 (295)	10 (325)
	puppy	0 (211)	10 (1115)	80 (1578)	0 (244)	10 (508)
	paw	20 (308)	0 (335)	0 (56)	0 (0)	80 (669)

Таблица 4

Русский вариант, вторая группа слов, количество распознаваний (%)
и время фокуса на предъявляемых визуальных стимулах (мс)

Группа 2	Предъявляемые визуальные стимулы						
		пыль	пуговица	Пэн	пальма	повар	пиво
Предъявляемые аудиостимулы	пыль	90 (865)	0 (181)	0 (237)	0 (53)	10 (237)	0 (79)
	пуговица	0 (102)	100 (751)	0 (269)	0 (82)	0 (324)	0 (192)
	Пэн	20 (127)	0 (56)	70 (1295)	10 (631)	0 (240)	0 (218)
	пальма	0 (49)	0 (92)	0 (100)	100 (691)	0 (236)	0 (57)
	повар	0 (58)	20 (68)	0 (111)	0 (0)	80 (877)	0 (120)
	пиво	0 (133)	0 (62)	0 (328)	0 (0)	0 (0)	100 (776)

Наиболее сложными для распознавания оказались согласные аллофоны слов *pearl* (распознано как *purry* в 50 % случаев, как *pearl* – в 40 % и как *raw* – в 10 % случаев) и *pool* (*pool* – 30 %, *pig* – 30 %, *pearl* – 20 %, *raw* – 10 %, *purry* – 10 %). Распознавание *pearl* как *purry* в 50 % случаев обусловлено схожей артикуляцией аллофонов /ɜ:/ и /ʌ/ – оба являются звуками среднего подъема, смешанного ряда, имея различие только в разновидности подъема, – узкой и широкой разновидности соответственно.

В русском варианте эксперимента с дистантными и близкими по артикуляции гласными аллофонами (группа 2) незначительную трудность при идентификации представили согласные аллофоны слов *Пэн* и *повар*. Так, аллофон /ɛ/ в слове *Пэн* идентифицировали верно в 70 % случаев, при этом в 20 % и 10 % случаев идентифицируя как /ы/ в *пыль* и /а/ в *пальма* соответственно. Данные ошибочные распознавания можно объяснить относительной артикуляторной близостью всех трех звуков по вертикальному положению языка.

Проанализировав экспериментальные данные по двум предъявляемым группам, можно сказать, что интерференция родной артикуляционной и перцептивной баз проявляется в значительном замедлении восприятия и идентификации аллофонов. Так, разница в скорости принятия решения для английского языка была на 54 % и 88 % больше в первой и второй части эксперимента соответственно. Это свидетельствует о положительной корреляции между степенью сформированности перцептивной базы родного языка и успешностью идентификации воспринимаемых звуков родной речи. В случае с перцептивной базой иностранного языка, на формирование которой

было затрачено меньше времени, для распознавания звуков иностранной речи требуется больше времени из-за большей когнитивной нагрузки вследствие отсутствия полной автоматизации перцептивных процессов, как это происходит в родном языке.

При распознавании аллофонов звуков русского языка испытуемые допустили меньше ошибок, чем при распознавании английского, – всего 6 и 14 ошибок соответственно, что подтверждает влияние перцептивных и артикуляционных особенностей родного языка на идентификацию аллофонов звучащей иностранной речи. Тем не менее большее количество ошибок как в английском, так и в русском языке, было допущено при распознавании слов второй группы, имеющих как дистантные, так и близкие по артикуляции звуки (всего 12 и 6 ошибок в английском и русском языке соответственно). Данное наблюдение позволяет утверждать, что артикуляторная и акустическая близость звуков приводят к трудностям в их идентификации вне зависимости от принадлежности данных звуков родной или иностранной звучащей речи. Так, неправильно идентифицированные аллофоны оставались в рамках одного ряда и подъема с предъявляемыми на аудио аллофонами.

Анализ общего количества ошибок по характеру близости характеристик прозвучавших и неправильно распознанных аллофонов в процентном соотношении в английском языке составил: 43 % для звуков, близких по ряду и подъему; 36 % для звуков, близких по ряду; 21 % ошибочных распознаваний звуков, близких по признаку подъема. По данному соотношению можно сделать вывод о том, что близость звуков по признакам подъема и ряда является наиболее значимым фактором в возникновении ошибок идентификации. Второстепенным по значимости фактором возникновения ошибок является близость звуков по признаку ряда. Учитывая меньшую степень вовлеченности признака подъема в ошибочные идентификации звуков, можно говорить о большей надежности данного признака в идентификации воспринимаемых звуков. Что касается русского языка, то в нем идентичный анализ ошибок составил: 83 % для ошибок в идентификации звуков, близких по признаку ряда, и 17 % для ошибочных идентификаций звуков, близких как по признаку ряда, так и подъема, что указывает на большую надежность последних в идентификации звуков родной речи. Полное отсутствие признака подъема в ошибочных идентификациях воспринимаемых звуков указывает на еще более высокую степень надежности данной характеристики в перцептивной идентификации звуков по сравнению с английским языком.

Испытуемые также продемонстрировали тенденцию к более длительной фокусировке на объектах, которые они впоследствии выбирали. Анализ окулографических данных позволил обнаружить тенденцию к второстепенной по длительности фокусировке на объектах, имеющих в названии аллофон, схожий по своим характеристикам с услышанным аудиостимулом. Экспериментальные данные отражены в табл. 5, 6, где длительность фокусировки (в мс) на объектах с соответствующими аллофонами представлена в порядке убывания, выбранный испытуемыми вариант выделен жирным шрифтом.

Таблица 5

Первая группа слов

Английский язык			Русский язык		
[рʌ] (2709)	[ru:] (1138)	[рɪ] (675)	[па] (1602)	[пи] (683)	[пу] (543)
[рɪ] (1465)	[ru:] (328)	[рʌ] (155)	[пи] (738)	[па] (203)	[пу] (159)
[ru:] (1492)	[рʌ] (322)	[рɪ] (7)	[пу] (686)	[па] (134)	[пи] (77)

При предъявлении английского аллофона [р] с последующим звуком [ʌ] второстепенным по длительности стало сочетание [ru:], что указывает на близость данных гласных звуков по признакам ряда в современном английском языке. Звук /u:/, в свою очередь, имеет схожие характеристики со звуком /ɪ/ по признакам ряда и подъема, однако можно выделить ключевую характеристику, объединяющую все представленные гласные звуки, влияющую на артикуляцию звука /р/, – ряд. Данный признак являлся ключевым при определении аллофонического варьирования в этой последовательности. При предъявлении аудиостимулов [рɪ] и [ru:] последовательность фокусировки сохранилась, что указывает на те же принципы категоризации звуков и выделения признака ряда как наиболее надежного в распознавании аллофонов.

В группе русских аллофонов звука /п/ тенденция сохраняется. Так, при предъявлении аллофона [п] с последующим гласным [а] второстепенными по фокусу сочетаниями стали [пи] и [пу]. Хотя гласные звуки /а/ и /и/ являются дистантными по своим характеристикам, а звук /и/ ближе по отношению к [у] по признаку подъема, ключевой характеристикой для различия аллофонов звука /п/ в данном случае стал признак огубленности, отсутствующий у звуков /а/ и /и/ и тем самым их сближающий. При предъявлении аллофона [пи] последовательность сохраняется. При прослушивании аудиостимула [пу] второстепенным по длительности фокусом стал [па], что указывает на большую близость гласных по признаку ряда по сравнению со звуком /и/.

Таблица 6

Вторая группа слов

Английский вариант		
[ru:] (1357)	[рɜ:] (696)	[рɔ:] (550)
[рɜ:] (916)	[рʌ] (639)	[ru:] (404)
[рʌ] (1578)	[рɜ:] (1115)	[рɔ:] (508)
[рɔ:] (0669)	[рɜ:] (335)	[ru:] (308)

Окончание таблицы

Русский вариант		
[пы] (0,865)	[пэ] (237)	[по] (237)
[пу] (0,751)	[по] (324)	[пэ] (269)
[пэ] (1,295)	[па] (631)	[по] (240)
[па] (0,691)	[по] (236)	[пэ] (100)
[по] (0,877)	[пи] (120)	[пэ] (111)
[пи] (0,776)	[пэ] (328)	[пы] (133)

При предъявлении аудиостимула [ру:] второстепенным по длительности фокуса стал объект, начинающийся на [рз:], гласный которого ближе к звуку /и:/ по признаку ряда, а следующий за ним по длительности фокуса [рс:] является близким звуку /з:/ по признаку подъема. Все эти звуки также относительно близки по признаку ряда. При предъявлении [рЛ], который был неверно распознан большинством испытуемых как [рз:], длительность фокуса распределилась между данными сочетаниями с перевесом в пользу [рз:] на 277 мс, указывая на повышенную когнитивную нагрузку при попытке распознать аллофон [р] с гласными звуками смешанного ряда и среднего подъема. Данные звуки являются наиболее приближенными по своим характеристикам по сравнению со всеми остальными звуками нашего исследования, что объясняет часто возникающие трудности в их идентификации у испытуемых. При последующем прослушивании аудиостимулов [рЛ] и [рс:] сохраняется обратная последовательность второстепенного фокуса на [рз:] в обоих случаях. Можно сказать, что ключевой опорой при идентификации английского аллофона [р] в данной группе слов снова стал признак ряда.

В последовательности русских аллофонов [пы] – [пэ] – [по] отмечается относительная приближенность всех звуков по признаку ряда и приближенность [пэ] и [по] по признаку подъема, в последовательности же фокуса на [пу] – [по] – [пэ] ключевыми признаками стали ряд и огубленность. При прослушивании [пэ] следующими по длительности фокуса стали аллофоны [па] и [по], относительно близкие друг другу в первую очередь по подъему, в меньшей степени по ряду. Следующие три аллофона [па] – [по] – [пэ] также оказались ближе по признаку подъема. В последовательности [пи] – [пэ] – [пы] гласные звуки относительно равно удалены друг от друга, при этом звуки /и/ и /ы/ ближе по признаку подъема, а звук /э/ ближе по отношению к ним по признаку ряда. В случае аллофонов русского языка можно сказать, что основными ориентирами при идентификации аллофонического варьирования является как признак ряда, так и признак подъема. В более редких случаях на распознавание большее влияние оказал признак огубленности.

Проведенное исследование позволяет постулировать наличие ряда тенденций. В частности, чем больше перцептивная и артикуляционная дистан-

ция между гласными, входящими в состав дифона, тем выше точность идентификации и дифференциации аллофонического варьирования инициального согласного.

Экспериментальные данные говорят о том, что с когнитивной точки зрения ряд гласного в большей степени влияет на предшествующий согласный, непосредственно отражаясь на точности восприятия английской аллофонии, что подтверждает результаты проведенного ранее исследования в данном направлении [6]. Полученные данные также демонстрируют, что в идентификации русской аллофонии в равной степени существенными признаками являются ряд и подъем. Точность восприятия наиболее дистантных звуков может быть безошибочна в родном языке, но приводит к неверной идентификации в иностранном.

Использование окулографической технологии дополнительно позволило получить ценные данные о степени когнитивной нагрузки в процессе восприятия и распознавания аллофонического варьирования. Так, была продемонстрирована тенденция к более продолжительному фокусу на объектах, впоследствии выбранных испытуемыми в качестве ответов. На повышенную степень когнитивной нагрузки во время распознавания английских аллофонов также указывает увеличенная длительность фокуса на объектах из английского варианта эксперимента по сравнению с русским, а также большее количество прослушиваний аудиостимулов с английскими аллофонами по сравнению с русскими. Участники эксперимента также проявили склонность к второстепенному по длительности фокусу на объектах, не выбранных в качестве ответов, но имеющих близкие характеристики аллофонов, по отношению к аллофонам выбранных объектов. Так, можно утверждать, что наиболее надежным признаком в идентификации английских аллофонов является признак ряда, в то время как в русском языке надежность в относительно равной степени продемонстрировали признаки как ряда, так и подъема.

Проведенный эксперимент показывает, что академические билингвы способны не только достаточно точно воспринимать слог как единицу речи, но и корректно фиксировать различия аллофонов в изолированном контексте. Данный факт также свидетельствует о том, что в сознании носителя языка наряду со сведениями о дифференциальных признаках фонем хранится большое количество избыточной для смыслоразличения информации, которая оказывается полезной для естественности звучания речи, ее нормативности, а также успешности ее фонемной идентификации в затрудненных условиях.

Данные, полученные в ходе нашего исследования, могут найти применение в разработках систем для тренировки произношения с обратной связью, создании программ терапии для людей с речевыми нарушениями. Ай-трекинг способен помочь в диагностике проблем у обучающихся, связанных с восприятием и продукцией речи. Анализ окулографических данных дает возможность выявить зоны повышенной когнитивной нагрузки и помочь с индивидуализацией учебного процесса для более эффективного решения возникающих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джапаридзе, З. Н.* Перцептивная фонетика (основные вопросы) / З. Н. Джапаридзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1985. – 117 с.
2. *Кузьмина, С. Е.* О понятии языковой интерференции / С. Е. Кузьмина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. – 2008. – Т. 1, № X. – С. 36–38.
3. *Flege, J. E.* The revised Speech Learning Model (SLM-r) / J. E. Flege, O. S. Bohn. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2021. – 83 р.
4. *Cooper, R. M.* The control of eye fixation by the meaning of spoken language / R. M. Cooper // Cognitive Psychology. – 1974. – Vol. 6, № 1. – P. 84–107.
5. Integration of Visual and Linguistic Information in Spoken Language Comprehension / M. K. Tanenhaus, M. J. Spivey-Knowlton, K. M. Eberhard, J. C. Sedivy // Science. – 1995. – Vol. 268, № 5217. – P. 1632–1634.
6. *Долматова, Е. Д.* Модификации английских согласных в связной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Долматова Екатерина Дмитриевна. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2015. – 25 с.

Поступила в редакцию 25.02.2025

Метлушкина Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Metlushko
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Phonetics and Grammar
of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
metluschk@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЕННЫХ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

ON SOME SEMANTIC REGULARITIES IN PRESENTATION OF MILITARY COMMEMORATIVE PRACTICES IN NEWS DISCOURSE

В статье представлены результаты изучения современных военно-коммеморативных практик, получающих частотное воплощение в новостном дискурсе Республики Беларусь в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Приводятся данные о возникновении коммемораций, связанных с войной, основаниях их классификации (хронология, инициатор, принятие обществом и др.) и терминологических характеристиках. Рассматриваются причины, влияющие на актуализацию традиционных и возникновение новых практик (уход поколения участников войны, развитие цифровых технологий и др.).

Впервые выявлены значимые семантические характеристики репрезентации военно-коммеморативных практик в новостном дискурсе Беларуси, включающие тематическую организацию публикаций, роль терминологии, количественных данных, дат и цитаций. Установлено, что в исследованных публикациях регулярную вербализацию получает антагонизм «свой – чужой», номинируются акторы коллективной памяти. Делается вывод о высокой степени институционализации коллективной памяти о войне в новостном дискурсе Беларуси.

Ключевые слова: *коммеморативная практика; коллективная память; новостной дискурс; День Победы; Великая Отечественная война.*

The article presents the results of the study of modern military commemorative practices that are frequently embodied in the news discourse of the Republic of Belarus in the year of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The emergence of military commemorative practices, the grounds for their classification (chronology, initiator, acceptance by society, etc.), terminological characteristics are provided. The reasons influencing the actualization of traditional and the emergence of new practices (the passing of the generation of war participants, the development of digital technologies, etc.) are considered.

For the first time significant semantic characteristics of the studied commemorative practices in the news discourse of Belarus have been identified – the thematic organization of publications, the role of terminology, quantitative data, dates and citations. The antinomy “we – they” as well as the actors of the collective memory of the Great Patriotic War are regularly verbalized in the studied publications. A conclusion is made about the high degree of institutionalization of the collective memory of the war in the news discourse of Belarus.

Ключевые слова: *commemorative practice; collective memory; news discourse; Victory Day; Great Patriotic War.*

Коммеморативные практики («совокупность социальных актов, направленных на сохранение и актуализацию коллективной памяти о значимых событиях и персоналиях прошлого» [1, с. 235]) все чаще попадают в объектив научных исследований в социологии, истории, философии, культурологии, лингвистике (Э. Дюркгейм, Э. Хобсбаум, Я. Ассман, А. Ассман, Дж. Олик, О. Ю. Малинова, Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод, М. Л. Шуб, А. А. Линченко, Н. У. Ярычев, Е. В. Сазонникова, Е. П. Мурашова, Л. Н. Ребрина, Н. А. Разливинская, И. В. Тивяева, О. А. Сулейманова и др.), что объясняется устойчивым интересом к past-проблематике в современной науке.

Различного рода коммеморативные практики – «плоть коллективной памяти» [2, с. 71], способ, которым общество конструирует, легализует, закрепляет, хранит и транслирует значимые «коллективные представления о прошлом» [3, с. 16]. Формирование практик происходит по мере осознания и признания всем обществом («консенсусные практики» [4, с. 38]) либо его частью («дискуссионные практики» [4, с. 38]) важности некоторого события/личности в ретроспективном аспекте. В зависимости от оснований коммеморативные практики разделяются на *краткосрочные, долгосрочные* (по факту длительности существования); *ретроориентированные и актуализированные* (из недавнего прошлого) (по хронологии); *заимствованные и аутентичные* (по факту происхождения); *позитивный, негативный, смешанный* (по посылу) [5, л. 18].

Классифицируют коммеморативные практики также на основании инициатив, стимулировавших их возникновение: *низовые* (частные, стихийные) и *регламентированные*, закрепленные сверху (государственные) инициативы. Низовые инициативы лишены «константных образов и вариативны в истолковании» [6, с. 29], в то время как регламентированным практикам присваиваются некоторые уникальные материальные символы и официальный нарратив. Известны случаи регламентации популярных низовых инициатив (например, акция-шествие «Бессмертный полк»).

Еще одним примером низовой коммеморативной практики служит увековечивание памяти об участниках Великой Отечественной войны в конце 1950-х гг. в СССР [7], которая уже в 1960-е гг. регламентировалась государством, – образ Великой Отечественной войны «использовался для усиления символического значения советских ритуалов» [8, с. 230] (например, ветераны участвовали в церемониях принятия в пионеры октябрят [8]); происходит «активное включение военных коммемораций в школьное образование, что проявляется в присвоении имен героев образовательным учреждениям и проведении церемониальных мероприятий» [9, с. 29]; в открытии музеев [10] и т.п. Понадобилось около 20 лет для стандартизации и распространения в СССР коммеморативных практик, связанных с Великой Отечественной войной, о чем свидетельствует факт проведения второго Парада Победы только в 1965 г.

Однако созданные некогда, устоявшиеся коммеморативные практики не остаются статичными, т.к. коллективные представления проходят регулярную реактуализацию с учетом, например, появления новых данных о значимых событиях, развитием технологий, сменой официального нарратива и мн. др. Например, расследование фактов геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны Генеральной прокуратурой Беларуси привело к открытию новых мест массовых захоронений, уточнению количества погибшего мирного населения, сожженых деревень, обнародованию имен руководителей карательных операций и мн. др., что, помимо прочего, нашло выражение в изменении коммеморативных практик: открытии новых мемориалов и музеиных экспозиций, издании тематической литературы, актуализации мемориальной повестки официальных СМИ, обеспечивших реализацию информирования и просвещения населения.

Примером влияния технологического развития на реактуализацию коммеморативных практик может служить акция «Свеча памяти», появившаяся в 2006 г. в День памяти и скорби (с 21 на 22 июня) в результате низовой инициативы жителей г. Тюмень. Участников акции приглашали зажечь поминальную свечу дома, в церкви, у памятников или мемориалов, отдав тем самым дань памяти и уважения погибшим в годы Великой Отечественной войны. Акция рассматривается как знак общенародного единства и скорби. Позднее она перешла из разряда частных в регламентированные коммеморации. Однако более глобальные трансформации данной практики пришлись на время пандемии 2020 г., когда у акции появилась альтернативная цифровая форма ретрансляции образов прошлого. Участники акции стали «зажигать» свечу памяти на сайте проекта и делать пожертвования в фонд помощи ветеранам. Акция приобрела международный статус (например, реализуется и в Беларуси в он- и офлайн-форматах). Более того, у акции появился еще один вариант реализации – в пользовательском контенте в социальных сетях публикуются фотографии горящей свечи с хештегом #свечапамяти. Данные публикации – соединение публичного (становятся частью народной перформативной реализации проекта «Свеча памяти») и личного (объективируют субъективно-памятные смыслы – слова благодарности, пожелания, семейные истории о ветеранах и т.п.). Таким образом, цифровизация общества приводит к расширению и дополнению устоявшихся, традиционных коммеморативных практик цифровыми вариантами, что способствует межпоколенческой преемственности коллективной памяти, привлечению широкого круга заинтересованных лиц, расширению цифрового следа как некоторой отдельной коммеморативной практики, так и коллективной памяти о событии/персоналии.

Осмысливая адаптивность коммеморативных практик к реалиям современной жизнедеятельности общества, О. Ю. Малинова уточняет определение: «коммеморативные практики – совокупность публичных актов “вспоми-

нания” и (пере)осмысления исторических событий и персон в современном контексте» [11, с. 29]. Полагаем, что упомянутое «(пере)осмысление» в свернутом виде может быть выражено глаголом *to rememory* ‘вспомнить заново’ (лексема встречается в романе Т. Моррисон “Beloved”). С одной стороны, повторение устоявшихся, традиционных (с точки зрения и смысла, и формы реализации) коммеморативных практик «способствует поддержанию в обществе ощущения непрерывности коллективной памяти» [2, с. 77]; с другой – причастность к новым видам и формам коммемораций «позволяет не только оживить и подтвердить старые воспоминания о прошлом, но и изменить их» [2, с. 77], т.е. «вспомнить заново» (*to rememory*) – «повторно символически пережить прошлое, что меняет воспоминания о нем» [2, с. 78].

В современном обществе СМИ являются значимым источником информации мемориальной тематики, включая сведения о коммеморативных практиках и их цифровых аналогах. Событийный принцип, положенный в основу новостных сообщений, обуславливает публикацию новой и релевантной (значимой) информации [12]. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне наблюдается значительное увеличение и разнообразие новостных сообщений о военных коммеморативных практиках, реализуемых в Беларуси, России, Казахстане и в ряде других постсоветских стран. Публикационная активность обусловлена как самим фактом значимой юбилейной коммеморации (годовщиной Победы в Великой Отечественной войне), так и наличием многочисленных созданных ранее и новых коммеморативных практик, реализуемых на постсоветском пространстве.

Выделяются и иные причины для многочисленной тематической публикационной активности в СМИ. Так, уход поколения участников и очевидцев приводит, во-первых, к необходимости реконструировать события, используя вторичные источники, что во многом напоминает конструирование события заново и вызывает к жизни новые виды коммеморативных практик; во-вторых, подсвечивает потребность в специалистах и структурах, поддерживающих память группы, народа (например, создание в России Национального центра исторической памяти при Президенте); в-третьих, объясняет появление так называемых «мемориальных законов» (например, закон «О геноциде белорусского народа» (принят в Беларуси 05.01.2022); закон «Обувековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» (принят в России 21.04.2025)), призванных сохранять и защитить память о значимом событии при уменьшении количества их непосредственных участников.

Помимо обозначенных причин, влияющих на высокую публикационную активность о военных коммеморативных практиках, уникальным для Беларуси является отнесение памяти о Великой Отечественной войне к ценностям белорусского общества [13], основам национального единства белорусского народа [14]. Последнее находит подтверждение в официальных

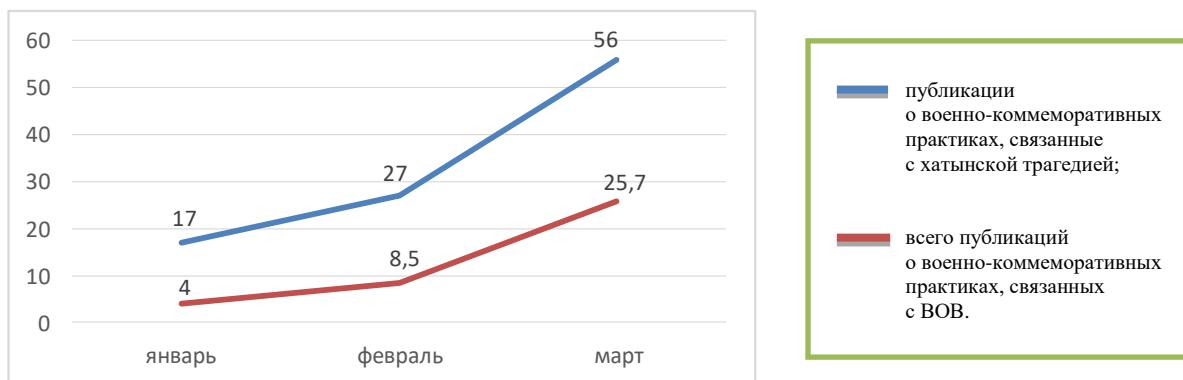
заявлениях *акторов памяти* (индивидуах, некоторых группах, социальных институтах и т.п., участвующих в формировании, интерпретации, сохранении и трансляции коллективных представлений о прошлом). Например, по инициативе только Министерства культуры Республики Беларусь «в этом году пройдет более 150 мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войны» [15]. Помимо этого, различные институты реализуют многочисленные иные проекты, например, международный исторический проект «Цифровая звезда», созданный для поиска памятников Великой Отечественной войны [16], онлайн-проект портала «Белорусское телеграфное агентство» (БелТА) «Цитадели мужества», который «направлен на публикацию материалов о населенных пунктах, награжденных вымпелом “За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны”» [17; 18] и мн. др.

С целью выявления семантических закономерностей воплощения коммеморативных практик, частотно вербализуемых в новостном дискурсе Республики Беларусь, проведено настоящее исследование. Источник практического материала – главный новостной портал государства «Белорусское телеграфное агентство».

В результате дискурс-, компонентного и количественного анализа публикаций на портале БелТА за период с 01.01.2025 по 31.03.2025 отобрано методом целенаправленной выборки 245 публикаций военно-коммеморативной тематики, что примерно составляет 3 тематические публикации на портале в день. В выборку не вошли новостные материалы о военных персоналиях и коммеморациях, не связанных с Великой Отечественной войной (например, публикации о награждении участников войны в Афганистане и др.).

В результате проведенного анализа установлено, что все 245 исследуемых публикаций описывают регламентированные инициативы на международном, республиканском, областном и районном уровнях, что указывает на высокую степень институализации коллективной памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь, а также на спланированную подготовку к празднованию 80-летней годовщины Дня Победы.

Отмечена «подчиненность актуализации коллективной памяти календарной логике. Праздники, которые были учреждены в честь важнейших исторических событий, являются ежегодным публичным напоминанием о них» [11, с. 44–45]. С целью иллюстрации тезиса отметим, что 38,2 % публикаций, где 100 % – все исследованные публикации о военно-коммеморативных практиках на портале БелТА за период январь–март 2025 г., посвящены хатынской трагедии и связанным с событием коммеморативным практикам. Публикационная активность о трагедии возрастает с приближением к ее 82-й годовщине (22 марта 2025 г.) – от 4 % публикаций в январе до 8,5 % в феврале и 25,7 % в марте (рисунок).

Количество военно-коммеморативных публикаций на сайте БелТА за январь–март 2025 г.
в целом и входящее в их состав количество публикаций, посвященных
хатынской трагедии, в %

Систематизации полученных данных о представленности юбилейных военных коммеморативных мероприятий на сайте БелТА позволила выделить некоторые (ограничение размерами публикации не позволяет привести полный перечень) значимые семантические характеристики данного вида новостных публикаций.

Тематическое единство всех исследованных публикаций можно характеризовать как создание, хранение, интерпретацию и трансляцию коллективных представлений о Великой Отечественной войне и военно-коммеморативных практиках, призванных увековечить коллективную память о событии.

Установлена примерно равная частотность вербализации военно-коммеморативных практик в моно- (49 % от всех исследованных текстов) и политетматичных (51 %) новостных публикациях. Выявленный факт обусловлен отсутствием в монотематичных и наличием в политетматичных публикациях оязыковленной связи военно-коммеморативной практики с реалиями geopolитически нестабильной современности, методико-педагогическими основами воспитательной и идеологической деятельности, актуализации и аргументации необходимости сохранения коллективной памяти о Великой Отечественной войне, обращениями к молодежи и т.п. Например, ***Поздравляя коллектив банка с приближающимся Днем Великой Победы, глава надзорного ведомства отметил: Этот год знаменателен. Чем старше мы становимся, тем больше с вами понимаем величие 9 мая 1945 года <...> Как общую задачу вижу не только сохранить Победу в своих сердцах, но передать значение подвига нашим детям и родным.***

Также выявлены случаи акцентуации коллективной памяти и коммеморативных практик, связанных с событиями Великой Отечественной войны, во время различных мероприятий, церемоний, которые изначально напрямую не приурочены к мемориальной проблематике. Например, ***Торжественная церемония вручения паспортов молодым гражданам страны прошла в преддверии Дня Конституции Республики Беларусь в Могилеве <...> Мы***

бережно храним память о предедах, которые воевали в период Великой Отечественной войны, ходим на парады и посещаем знаковые места. Дети должны понимать, что мы живем в мирной и спокойной стране, это надо сохранять и оберегать.

Военная терминология, антропонимы, эргонимы, топонимы многочисленно представлены в вербализованных на сайте БелТА военно-коммеморативных практиках. Новостные публикации предоставляют детализированную информацию о реализуемой практике, месте ее проведения, участниках и т.д., воплощая функцию информирования: *В музее уже выставлялся предмет из коллекции самодельного партизанского оружия – пистолет-пулемет Василия Коржа, также был представлен рукописный журнал партизанской бригады «Пламя». Сейчас выставлена иконка-оберег Евфросинии Полоцкой, с которым всю войну прошел белорусский художник-фронтовик Евгений Рожков; Как сообщила Наталья Змитревич, планируется включить в Хатынский список деревню Огородище и хутор Перекоп на территории Щучинского района.*

Количествоенные данные, представленные в публикациях о коммеморативных практиках, позволяют конкретизировать и актуализировать сообщаемую информацию. Например, актуализируя сведения о количестве пострадавших населенных пунктов от рук немецко-фашистских захватчиков (*В Могилевской области более 1,7 тыс. населенных пунктов, которые были уничтожены нацистами в годы Великой Отечественной войны*), автор конкретизирует данные (*Из них 42 – ранее неизвестные*).

Акторы коллективной памяти, которыми выступают различные учреждения в составе развитой государственной институциональной системы, регулярно вербализуются в новостных публикациях. Например, *О проектах, посвященных сохранению памяти о Великой Отечественной войне и патриотическому воспитанию молодежи, рассказал председатель РОО «Патриоты Беларусь» Николай Зарубицкий во время Международного форума в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны; Представители белорусских министерств и ведомств почтили память жертв фашизма в мемориальном комплексе «Хатынь».* Отметим, что в результате исследования установлено, что и Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, и мемориальный комплекс «Хатынь» выступают акторами памяти, инициируя как коммеморативные практики, так и их информационное освещение.

Помимо государственных институтов, функции акторов памяти могут присваивать и международные организации, их представители и т.п., участвующие в совместной коммеморативной деятельности на территории Беларуси, подчеркивая солидарность в реализуемой политике памяти на межгосударственном уровне, признавая роль и статус Беларуси в мировой истории в целом и в достижении Победы в Великой Отечественной войне в частности. Например, *Представители администрации Быховского района и делегации акимата Чингирилауского района Западно-Казахстанской*

области подписали меморандум о сотрудничестве. Цель подписанного документа – сохранение памяти о защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны, установление сотрудничества в области патриотического воспитания молодежи, вовлечение подрастающего поколения в общественную деятельность, направленную на созидание и укрепление двусторонних отношений <...> Они посетят ряд памятных и знаковых мест, в числе которых – Лудчицкая высота и воинское захоронение «Могучий партизан». Гости из Казахстана приехали в Быховский район в память о Герое Советского Союза Сундукали Искалиеве.

Цитация, понимаемая в узком смысле как «в точности воспроизведимые чьи-либо слова (в устной речи) или дословная выдержка из какого-либо текста (в письменной речи)» [19, с. 331], является важной частью презентации коммеморативных практик в новостном дискурсе. В проанализированном практическом материале в 73 % публикаций приводятся высказывания участников военно-коммеморативных мероприятий или акторов памяти, которые интерпретируют цель, задачи и значение некоторой практики по сохранению коллективной памяти о Великой Отечественной войне для широкой аудитории.

Нередко фрагменты высказываний, наиболее тесно и точно передающие содержание публикации и суть коммеморативной практики, выносятся и дублируются в заголовочном комплексе исследованных текстов, что обусловлено автосемантичностью новостного заголовка в целом (могут функционировать как самостоятельные сообщения) в Интернете. Например, *Депутат: мы сохраняем память об ужасах Великой Отечественной войны для будущих поколений*.

Если фрагмент приводимой цитаты не позволяет однозначно соотнести высказывание с мемориальной проблематикой, то авторы новостных сообщений уточняют его, сужая многозначность. Например, высказывание заместителя начальника управления по надзору за расследованием особо важных уголовных дел Генеральной прокуратуры Беларуси С. Шикунца: «Мы боремся за умы и сердца молодежи» в заголовочном комплексе уточняется «Почему необходимо раскрывать правдивые факты об истории ВОВ» и в публикации выглядит следующим образом: «Мы боремся за умы и сердца молодежи». *Почему необходимо раскрывать правдивые факты об истории ВОВ*.

Антиномия «свой – чужой» вербализована в преобладающем большинстве исследованных текстов (79 %), что обусловлено необходимостью сохранить память о событиях Великой Отечественной войны, указать на военные преступления, совершенные на территории современной Беларуси немецко-фашистскими захватчиками, а также на недопустимость ревизионизма. Например, при оязыковлении «своих» в обозначенной антиномии «свой – чужой» подчеркивается коллективный, единый характер оказываемого сопротивления, в том числе включая упоминание стран бывшего СССР (*Наш общий долг – передать молодому поколению историю Великой Отечественной войны, во время которой белорусы и казахстанцы*

боролись против немецко-фашистских захватчиков» – сказал он, назвав совместную борьбу примером дружбы народов). Подчеркиваются страдания мирного населения: Такие раскопки показывают, что тогда происходило, и какое отношение у фашистов было к обычным и мирным людям, которые жили на нашей земле.

Образ «чужого» в исследованных публикациях создается, например, посредством употребления клишированной (*немецко-фашистские захватчики, фашисты*) и негативно окрашенной номинации (*каратели, палачи-караторы и т.п.*): *К сожалению, списки погибших, да и палачей-караторов становятся все больше и больше; Верховный Суд Беларуси признал каратора Семена Серафимовича виновным в геноциде белорусского народа.*

Авторы публикаций не только упоминают злодеяния немецко-фашистских захватчиков, но и поясняют причины подобных действий (*Кроме этого, целенаправленному уничтожению без суда и следствия подлежали евреи, цыгане, инвалиды и душевно больные люди. Фашисты считали их расово вредными элементами*), последствия совершенного в 1941–1945 гг. для современного общества (*«Убили будущие поколения». Швед о том, сколько могло быть сейчас белорусов, если бы не злодеяния нацистов*).

Таким образом, исследование вербализации юбилейных военно-коммеморативных практик в новостном дискурсе позволяет сделать вывод об их регламентированности и высокой степени институализации коллективной памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси. Высокая частотность воплощения коммемораций данного вида указывает на особое значение, которое придается сохранению памяти о войне.

Исследованные военно-коммеморативные практики примерно равно представлены в моно- и полitemатичных текстах, что позволяет детально информировать о самом событии и вызванной им к жизни практике либо соотнести и интерпретировать коммеморации с учетом современных задач и geopolитической обстановки. Описание военно-коммеморативных практик сопровождается высокой степенью детализации, достигаемой через употребление военных терминов, антропонимов, топонимов и т.п. Номинация акторов коллективной памяти о войне, приведение фрагментов высказываний официальных лиц государства и т.п. – результат регламентированности коммеморативной деятельности в государстве, а также способ донесения до адресата интерпретации реализуемых практик. Антиномия «свой – чужой», реализованная в большинстве публикаций о военно-коммеморативных практиках на сайте БелТА, позволяет дать оценку историческим событиям и их значению для современных белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М. : Новое лит. обозрение, 2019. – 552 с.
2. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель, М. Лоскутова // Ab Imperio. – 2004. – Vol. 2004, № 3. – P. 71–90.

3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
4. Чуркина, Н. И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований / Н. И. Чуркина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – № 6. – С. 37–44.
5. Шуб, М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / М. Л. Шуб. – Челябинск, 2018. – 491 л.
6. Зубанова, Л. Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве / Л. Б. Зубанова // ДискурсПи. – 2020. – № 4. – С. 26–39.
7. Юдкина, А. Б. «Памятник без памяти»: Первый Вечный огонь в СССР / А. Б. Юдкина // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3. – С. 112–134.
8. Чуркина, Н. И. Ритуал «прием в пионеры» в репрезентациях школьников эпохи позднего социализма / Н. И. Чуркина // Вестн. Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2. – С. 229–235.
9. Аникин, Д. А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики / Д. А. Аникин // Вестн. Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2024. – № 1. – С. 27–42.
10. Богданов, Л. Г. Музейный бум и феномен ленинских комнат в образовательных учреждениях (на материалах Ивановской области) / Л. Г. Богданов, И. А. Комиссарова // Вестн. Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 3. – С. 96–106.
11. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / Ю. А. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М. : СПб, 2018. – С. 27–53.
12. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
13. Белорусское телеграфное агентство БелТА. – URL : <https://belta.by/society/view/markov-istoricheskaja-pamjat-odna-iz-nashih-kljuchevyh-gosudarstvennyh-i-natsionalnyh-tsennostej-719429-2025/> (дата обращения: 02.04.2025).
14. Белорусское телеграфное агентство БелТА. – URL : <https://expert.belta.by/10> (дата обращения: 01.05.2024).
15. Белорусское телеграфное агентство БелТА. – URL : <https://belta.by/society/view/vystavki-lektsii-konferentsii-minkultury-zaplanirovalo-bolee-150-meroprijatij-k-80-letiju-pobedy-705240-2025/> (дата обращения: 31.03.2025).
16. Белорусское телеграфное агентство БелТА. – URL : <https://izvezda.by/ru> (дата обращения: 02.02.2025).
17. «Цитадели мужества». – URL : <https://specreport.belta.by/victory80citadeli/> (дата обращения: 09.01.2025).

18. Метлушкин, И. В. От новостных публикаций к цифровизации историко-культурного наследия (на материале проекта «Цитадели Мужества») / И. В. Метлушкин // Мир лингвистики и коммуникации: вербально-когнитивный вектор исследований и социальные практики : сб. науч. труд. Междунар. междисциплинарной науч.-практ. конф., Тверь, 1–19 апр. 2025 г. / Тверской гос. ун-т ; отв. ред. А. А. Романов. – Тверь, 2025. – С. 208–214.
19. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка, речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сквородникова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.

Поступила в редакцию 16.07.2025

Палагина Алина Николаевна
магистр филологических наук,
аспирант кафедры теоретического
и славянского языкоznания
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Alina Palahina
MA in Philology,
PhD Student of Theoretical
and Slavonic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
alinapalagina2000@gmail.com

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АКТУАЛЬНОСТИ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

STATISTICAL INTERPRETATION OF “WEALTH” CONCEPT RELEVANCE IN THE MULTIMODAL TEXTS

В статье представлен сопоставительный анализ количественных характеристик мультимодальных текстов, опубликованных на онлайн-платформе и содержащих актуализацию концепта «богатство». Актуальность исследования обусловлена востребованностью компьютерно-опосредованной коммуникации в социуме и недостаточной изученностью представленности концепта «богатство» в интернет-дискурсе. Цель исследования – установить степень актуальности мультимодальных текстов, раскрывающих концепт «богатство», на основе их количественных характеристик. Фактический материал представлен мультимодальными текстами, опубликованными на видеохостинге за 2022–2024 гг. В результате исследования установлено, что актуальность мультимодальных текстов выше в англоязычном, немецкоязычном и русскоязычном дискурсивных сообществах и ниже – в польскоязычном дискурсивном сообществе.

Ключевые слова: *видеохостинг; мультимодальный текст; богатство; концепт; интернет-дискурс; пользовательская реакция.*

The article presents a comparative analysis of quantitative characteristics of the multimodal texts in which the actualisation of the “wealth” concept is observed. The relevance of the study is conditioned by the demand for computer-mediated communication in the society and insufficient development of the “wealth” concept presentation in the internet discourse. The aim of the study is to establish the degree of demand for multimodal texts revealing “wealth” concept on the basis of their quantitative characteristics. The factual material is represented by multimodal texts published on the videohosting in 2022–2024. The study found that the relevance of multimodal texts is higher in the English-, German- and Russian-language discourse communities and lower in the Polish-language discourse community.

К e y w o r d s: *videohosting; multimodal text; wealth; concept; user's reaction.*

В настоящее время компьютерно-опосредованная коммуникация стала неотъемлемой частью жизни людей, обеспечивая быстрый обмен информацией и взаимопроникновение культур. Техническое оснащение и коммуникационная специфика интернет-дискурса являются основой для преобразования не только образа жизни, но и мышления людей. Как результат, мультимодальные тексты, появившиеся на просторах Интернета, являются

эффективным источником легко воспринимаемой информации и по данной причине уже успели стать востребованными среди участников дискурсивного сообщества. В рамках исследования принимается точка зрения Ю. В. Сорокиной, что «мультимодальный текст подразумевает наличие в сообщении общих законов взаимодействия лингвистических и экстралингвистических единиц, которое может выражаться в слиянии и / или одновременном функционировании различных кодов или передающих заданный смысл элементов, коррелирующих с вербальным, паралингвистическим и экстралингвистическим кодами» [1, с. 168–170].

Мультимодальные тексты являются стимулом для выражения мнения и мотивируют адресата стать адресантом, принять участие в дальнейшем создании текста. Таким образом осуществляется взаимодействие участников дискурсивного сообщества, в ходе которого происходит синхронный обмен информацией и мнениями. Однако такой тип коммуникации неизбежно предполагает выражение ценностей, присущих адресанту как представителю дискурсивного сообщества, и, как следствие, конфликт ценностей [2]. Тот факт, что в интернет-дискурсе представлены ценности, которые имеют важность для того или иного дискурсивного сообщества, позволяет провести изучение концептов на основе данных компьютерно-опосредованной коммуникации в разных дискурсивных сообществах.

В рамках данного исследования в качестве объекта выступает концепт «богатство»; его изучение велось на основе паремий и художественных произведений [3; 4; 5; 6; 7], в то время как в интернет-дискурсе концепт «богатство» остается недостаточно изученным, что обуславливает актуальность исследования. Следует отметить, что изучение актуализации концепта «богатство» на основе мультимодальных текстов является целесообразным, поскольку мультимодальные тексты, опубликованные на видеохостинге YouTube, не подвергаются доскональной редакции и цензуре, что подтверждается большим количеством примеров интолерантных высказываний, которые, согласно регламенту YouTube, не должны быть опубликованы на сайте. Сама система видеохостинга направлена на предоставление возможности выражения мнения участникам дискурсивного сообщества, более того, сама природа интернет-дискурса предусматривает определенные отклонения от речевых и этикетных норм. Как результат, изучение концепта «богатство» на материале мультимодальных текстов, опубликованных на видеохостинге YouTube, представляет научный интерес именно в связи с воздействием «живого» языкового материала – спонтанной устной и по большей части письменной речи.

Цель данного исследования – установить степень актуальности мультимодальных текстов, в которых актуализируется концепт «богатство», на основе их количественных характеристик в рамках различных дискурсивных сообществ. Объектом исследования является мультимодальная актуализация концепта «богатство» в англо-, немецко-, польско- и русскоязычном интернет-дискурсе. Предметом исследования являются количественные характери-

стики функционирования мультимодальных текстов, в которых актуализируется концепт «богатство», в англо-, немецко-, польско- и русскоязычном дискурсивных сообществах. Изучение мультимодальных текстов ведется в количественном аспекте. В качестве фактического материала исследования выступают 973 мультимодальных текста на английском языке, 983 – на немецком, 1 585 – на польском и 2 165 – на русском, которые были опубликованы на видеохостинге YouTube в 2022–2024 годах. При этом мульти-модальность данных материалов проявляется в комбинировании в одной семиотически (относительно) однородной целостности различных форм представления информации: визуальной (изображение, видеоролик, текст), аудиальной (звуковое сопровождение видеоряда), количественной (лайки и дизлайки). Отбор фактического материала произведен с учетом корпусных данных и данных частотных словарей – по наличию концептуальных лексем *богатый* и *богатство* (на соответствующих языках) в заголовке текста. Имена существительные и прилагательные, которые могут быть использованы для изучения концепта «богатство», были определены для каждого из исследуемых дискурсивных сообществ, и лексемы «богатство» и «богатый» (на соответствующих языках) являются наиболее часто употребляемыми в рамках того или иного дискурсивного сообщества; в данном исследовании круг поиска сужен до этих наиболее употребительных лексем по причине большого количества фактического материала с целью детального и качественного анализа; более подробно методология установления данных концептуальных лексем описана в статье [10]. При этом задействовался прием сплошной выборки. В данной статье представлены заключительные результаты, объединяющие комплекс исследований прошлых лет [8; 9; 10]. Некоторые результаты, опубликованные ранее, были уточнены в ходе дополнительной проверки.

В процессе исследования мультимодальные тексты оценивались на основе количественных характеристик пользовательских реакций к материалу-стимулу, поскольку данные реакции представляют собой целенаправленное действие адресата мультимодального текста, что в свою очередь характеризует его заинтересованность в определенном типе материалов, актуальность этих материалов для него. Кроме того, автор мультимодального текста включает в его название концептуальную лексему на основе своего понимания содержания и проблематики текста, соответственно, материалы, раскрывающие концепт «богатство», будут стимулировать адресатов публиковать пользовательские реакции, отражающие их отношение к концепту «богатство». К аналогичному методу оценки актуальности фактического материала также прибегала Е. Н. Василенко [2]. Лайки, оставленные интернет-пользователями, возможно оценить только в количественном аспекте; комментарии подлежат не только количественной, но и качественной оценке. Соответственно, в последующей интерпретации комментариев адресатов мультимодальных текстов и содержится лингвистическая и pragmalingвистическая составляющая исследования.

При количественном анализе пользовательских реакций не учитывались мультимодальные тексты, к которым не было возможности оставить лайк или комментарий. Среднее количество рассчитывалось по правилам среднего арифметического; количественные данные представлены с округлением до десятых. Оценка актуальности мультимодальных текстов в дискурсивных сообществах производится на основе общего количества текстов и пользовательских реакций, а также среднего количества пользовательских реакций к одному тексту.

Количественные характеристики мультимодальных текстов на английском языке и пользовательских реакций к ним представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели мультимодальных текстов на английском языке и пользовательских реакций к ним

Тип текста	Мультимодальные тексты с лексемой <i>rich</i> в заголовке			Мультимодальные тексты с лексемой <i>wealth</i> в заголовке		
	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Период публикации	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Количество текстов	152	191	189	166	119	156
Общее количество лайков	11 700 487	35 685 032	20 253 552	3 482 410	3 074 957	4 889 017
Общее количество комментариев	315 524	490 073	374 603	123 191	78 459	145 831
Среднее количество лайков	77 486,7	190 829	109 478,7	21 234,2	26 281,7	31 339,9
Среднее количество комментариев	2 176	2 634,8	2 165,3	760,4	664,9	940,9

Мультимодальные тексты на английском языке, в которых наблюдается актуализация концепта «богатство», широко представлены на видеохостинге в период 2022–2024 гг. Количество опубликованных за год мультимодальных текстов с концептуальным именем прилагательным в заголовке меняется в большую сторону за указанный период, в то время как количество текстов с концептуальным именем существительным в заголовке не демонстрирует строгой последовательности. Среднее количество пользовательских реакций к одному мультимодальному тексту свидетельствует о высоком уровне заинтересованности участников англоязычного дискурсивного сообщества в материалах, содержащих актуализацию концепта «богатство». Так, за 2022–2024 гг. среднее количество лайков к одному тексту остается на уровне более 70 000

(для текстов с лексемой *rich*) и более 20 000 (для текстов с лексемой *wealth*), среднее количество комментариев составляет более 2 150 (для текстов с лексемой *rich*) и более 660 (для текстов с лексемой *wealth*). В целом, наблюдается повышение степени востребованности мультимодальных текстов на английском языке, содержащих актуализацию концепта «богатство». Среднее количество лайков к одному тексту составляет 31 804,8, а количество комментариев – 362,7.

В табл. 2 представлены данные, касающиеся количественных характеристик мультимодальной актуализации богатства в немецкоязычной интернет-коммуникации.

Таблица 2

Количественные показатели мультимодальных текстов на немецком языке и пользовательских реакций к ним

Тип текста	Мультимодальные тексты с лексемой <i>reich</i> в заголовке			Мультимодальные тексты с лексемой <i>Reichtum</i> в заголовке		
Период публикации	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Количество текстов	29	44	122	176	283	329
Общее количество лайков	491 654	64 820	1 650 093	114 957	101 262	191 051
Общее количество комментариев	20 877	8 942	39 952	1 995	3 627	18 217
Среднее количество лайков	16 953,6	1 507	13 525,4	653,2	357,8	589,7
Среднее количество комментариев	745,6	203	332,9	11,8	12,8	56,9

Количество мультимодальных текстов на немецком языке с концептуальным именем прилагательным и концептуальным именем существительным в заголовке сильно отличается, и эта закономерность сохраняется на протяжении всего исследуемого периода. Можно предположить, что причинами такого различия в количестве являются существующая в немецком языке омонимия, а также большое количество заимствований английского происхождения в немецком языке, в целом восприятие английского языка на территории Европы как престижного, приоритетного [11]. Ввиду того, что английский язык является языком международного общения, можно допустить, что представители немецкоязычного дискурсивного сообщества могут публиковать мультимодальные тексты на английском языке с целью привлечения аудитории. Установить же родной язык автора мультимодального

текста, отобранного в качестве фактического материала исследования, не представляется возможным. Однако небольшое количество мультимодальных текстов на немецком языке с концептуальным именем прилагательным в заголовке не влияет на востребованность данных текстов: количество пользовательских реакций к ним достаточно высоко.

Среднее количество лайков и комментариев к одному мультимодальному тексту становится ниже в 2023 г., но в 2024 г. приближается к показателям 2022 г. Однозначно говорить о закономерности изменения степени востребованности данного типа текстов в немецкоязычном дискурсивном сообществе затруднительно: в зависимости от заданных параметров наблюдается повышение или понижение числа пользовательских реакций. В целом, уровень востребованности мультимодальных текстов, в которых наблюдается актуализация концепта «богатство», является невысоким: среднее количество лайков к одному тексту составляет 5 597,8, а количество комментариев – 227,2.

Количественные данные, раскрывающие особенности мультимодальной актуализации концепта «богатство» в польскоязычной интернет-коммуникации, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Количественные показатели мультимодальных текстов
на польском языке и пользовательских реакций к ним

Тип текста	Мультимодальные тексты с лексемой <i>bogaty</i> в заголовке			Мультимодальные тексты с лексемой <i>bogactwo</i> в заголовке		
Период публикации	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Количество текстов	284	103	352	248	258	340
Общее количество лайков	952 505	184 565	861 159	133 670	60 207	104 045
Общее количество комментариев	18 556	2285	15 882	6 138	3 574	2 083
Среднее количество лайков	3 401,8	1 883,3	2 503,4	545,6	238,9	309,7
Среднее количество комментариев	72,2	24,1	46,0	26,8	14,2	6,2

Количество публикуемых за год мультимодальных текстов, раскрывающих концепт «богатство», увеличивается за указанный период. Однако среднее количество пользовательских реакций в большинстве своем становится меньше, что свидетельствует о снижении уровня востребованности данного типа материалов в польскоязычном дискурсивном сообществе за

указанный период. Уровень востребованности мультимодальных текстов является невысоким, несмотря на их большое количество: среднее количество лайков к одному тексту составляет 1 197,95, а количество комментариев – 31,5.

Таблица 4

Количественные показатели мультимодальных текстов на русском языке и пользовательских реакций к ним

Тип текста	Мультимодальные тексты с лексемой <i>богатый</i> в заголовке			Мультимодальные тексты с лексемой <i>богатство</i> в заголовке		
	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Период публикации	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Количество текстов	220	226	311	312	454	642
Общее количество лайков	11 349 779	6 895 729	8 693 519	4 695 408	493 938	5 087 359
Общее количество комментариев	241 335	233 138	220 231	120 165	24 427	248 755
Среднее количество лайков	53 536,7	3 1631,7	28 882,1	15 445	1 214	8 075,2
Среднее количество комментариев	1 149,2	1 040,8	715,0	400,6	54,4	388,1

Актуализация концепта «богатство» в русскоязычном дискурсивном сообществе отличается высокой востребованностью: каждый год на платформе публикуется все большее количество мультимодальных текстов, а среднее число пользовательских реакций остается стабильно высоким. Для мультимодальных текстов на русском языке также характерна тенденция к большей актуальности материалов, содержащих в заголовке концептуальное имя прилагательное. Среднее количество лайков к одному мультимодальному тексту на русском языке составляет 2 776,5, а среднее количество комментариев – 624,7.

Количественные характеристики мультимодальных текстов, в которых актуализируется концепт «богатство», дают возможность сопоставить степень их актуальности в разных дискурсивных сообществах, а также установить тенденцию возрастания или уменьшения интереса к материалам с актуализацией данного концепта. Актуальность таких текстов прослеживается как со стороны адресантов, создающих исходный материал, так и со стороны адресатов, которые демонстрируют свою заинтересованность посредством собственно просмотра материала и – более конкретно – посредством пользова-

тельских реакций. В исследовании рассматриваются две пользовательские реакции: лайк и комментарий – в количественном аспекте. Лайки как более упрощенная реакция (формат «нравится» – «не нравится») в подавляющем большинстве случаев всегда преобладают над комментариями в количественном соотношении; реакция в форме лайка не обязывает адресата к тщательному анализу содержания или сложным действиям; в то время как для создания комментария адресат должен ознакомиться с материалом-стимулом более тщательно и вдумчиво, проанализировать его, соотнести свои взгляды с представленными в материале-стимуле, четко сформулировать мысль, напечатать текст. Среднее количество лайков и в особенности комментариев дает достоверную информацию о фактической актуальности того или иного типа материалов, т. к. любое действие в интернет-пространстве априори добровольно. Участники дискурсивного сообщества проявили большую заинтересованность в мультимодальных текстах на английском, немецком и русском и меньшую – в текстах на польском языке. На примере каждого из выбранных для исследования дискурсивных сообществ проявляется закономерность большей актуальности материалов, содержащих в заголовке концептуальное имя прилагательное, по сравнению с материалами с концептуальным именем существительным в заголовке.

Исследование актуальности мультимодальных текстов на основе их количественных характеристик важно и представляет научный интерес, однако данные характеристики не могут быть использованы как единственный критерий данной оценки, только как один из критериев.

Можно предположить, что востребованность мультимодальных текстов, в которых наблюдается актуализация концепта «богатство», непосредственно связана с лингвокультурологической спецификой рассматриваемых дискурсивных сообществ: исторически сложившимся отношением к богатству и социальной группе богатых людей, что, как результат, отражается в национальной концептосфере, особенностями экономической ситуации, поведением отдельных лиц, принадлежащих к исследуемой социальной группе и др. Однако рассмотрение специфики восприятия концепта в англо-, немецко-, польско- и русскоязычном дискурсивных сообществах является следующим этапом исследования и будет осуществлено в лингвокультурологическом и прагмакоммуникативном аспектах. Целостное определение особенностей мультимодальной актуализации концепта «богатство» целесообразно осуществить с учетом не только выводов на основе количественных характеристик, описанных в данной работе, но и перечня прагмакоммуникативных характеристик, наблюдавшихся в мультимодальных текстах.

Таким образом, мультимодальная актуализация концепта «богатство» обладает различной степенью востребованности среди участников англо-, немецко-, польско- и русскоязычного дискурсивных сообществ, что проявляется как в количестве ежегодно публикуемых на платформе мультимодальных текстов, так и в количестве реакций адресатов данных текстов. В результате исследования установлено, что большей степенью востребован-

ности за указанный период обладают мультимодальные тексты на английском, немецком и русском языках, в то время как тексты, зафиксированные в польскоязычном сегменте видеохостинга, являются не столь актуальными для представителей дискурсивных сообществ. В указанный период наблюдается рост актуальности мультимодальных текстов на английском и русском языках, раскрывающих концепт «богатство»; польскоязычные тексты в этот же период становятся менее востребованными среди участников дискурсивного сообщества. Также на материале всех языков прослеживается закономерность: пользовательские реакции к мультимодальным текстам с концептуальным именем прилагательным в заголовке представлены в большем количестве, чем реакции к текстам с концептуальным именем существительным в заголовке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокина, Ю. В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса / Ю. В. Сорокина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2017. – № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 168–170.
2. Василенко, Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты / Е. Н. Василенко. – Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.
3. Тарасова, А. С. Семантическая структура лексемы богатство: синхронно-диахронический аспект / А. С. Тарасова // Актуальные проблемы языкоznания. – 2021. – Т. 1. – № 10. – С. 173–178.
4. Мендешева, М. М. Первопризнаки концептов *богатство* и *wealth* в русской и английской языковых картинах мира / М. М. Мендешева // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 1060–1066.
5. Бредис, М. А. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вестн. угроведения. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 607–615. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47954766_38546273.pdf (дата обращения 01.01.2025).
6. Фазилова, Ш. К. Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) : дис. ... филол. наук : 10.02.20 / Шахноза Камилджоновна Фазилова. – Душанбе, 2019. – 211 л.
7. Стешина, Е. Г. Концепты «богатство» и «бедность» в молодежном языковом сознании русских и англичан : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Елена Геннадьевна Стешина . – Пенза, 2008. – 267 л.
8. Палагина, А. Н. Актуальность темы богатства в интернет-дискурсе (на материале английского и немецкого языков) / А. Н. Палагина // Вопр. современной филологии и теории обучения иностранным языкам : сб. тезисов II Всерос. с международным участием науч. студ. конф., Коломна, 23–24 марта 2023 г./ под общ. ред. проф. И. И. Саламатиной. – Ч. 2. – Гос. соц. гум. ун-т. – Коломна, 2023. – С. 82–86.

9. Палагина, А. Н. Актуальность тематики богатства в интернет-дискурсе (на материале польского и русского языков) / А. Н. Палагина // XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ : материалы конф., 24–29 апр. 2023 г., СПбГУ. – С.-Петербург., 2023. – С. 135.
10. Палагина, А. Н. Анализ корпусных данных вербализации интолерантности к богатству / А. Н. Палагина // От слова к тексту, коммуникации, культуре (к 95-летию А. Е. Супруна) : сб. статей. – Минск: БГУ, 2024. – С. 99–107.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Поплавская Татьяна Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
профессор, кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Сысоева Татьяна Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Poplavskaya
Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Speecheology
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
taniapoplavskaya@gmail.com

Tatsiana Sysoyeva
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Speecheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
thecom@mstu.by

ТИПОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЛИ СПЕЦИФИЧНОЕ?

TYPOLOGY OF COMMUNICATIVE STRATEGIES: UNIVERSAL OR SPECIFIC?

Цель работы – определить сущностные признаки коммуникации как стратегического процесса, установить универсальные характеристики стратегии как сложного когнитивно-коммуникативного явления и оценить пределы ее вариативности, выявить параметры, лежащие в основе современных типологий коммуникативных стратегий. Во внимание принимаются такие свойства коммуникативной стратегии, как планируемость, гибкость, прогнозируемость, иерархичность, осознанность, управляемость, эффективность.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; цели и мотивы поведения; планирование; стратегическая программа; типы стратегий.

The aim of this paper is to itemize essential features of communication as a strategic process, to establish universal characteristics of strategy as a complex cognitive-communicative phenomenon and assess the limits of its variability, to identify parameters that underlie modern typologies of communication strategies. Such properties of communication strategy as planning, flexibility, predictability, hierarchy, awareness, controllability, and efficiency are taken into account.

Key words: communication strategy; communication tactics; goals and motives of behavior; planning; strategic program; types of strategies.

Человеческое общение представляет собой стратегический процесс, в ходе которого адресант выбирает языковые и неязыковые средства, по его мнению, оптимальные для данного коммуникативного эпизода. Коммуникативные стратегии могут быть обозначены, с одной стороны, как планирование взаимодействия с учетом конкретных условий общения и личностей коммуникантов, с другой – как реализация этого плана посредством тех или иных речевых либо неречевых ходов. Именно от разработанной стратегии

(т.е. плана действий, программы коммуникативных «мероприятий») зависит семантический, стилистический, прагматический и прочий выбор, осуществляемый говорящим. Стратегия определяет, в какой форме будет выражено содержание общения [1, с. 105].

Как правило, стратегию так или иначе соотносят с целью коммуникации (недаром именуемой *стратегической целью*), тогда как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» представляет собой тактики [2, с. 18–19]. Стратегии присуща сложная когнитивно-коммуникативная природа, объединяющая в себе прогнозирование, планирование, реализацию, контроль и даже оценку всего процесса коммуникации. В свою очередь, тактики и эксплицирующие их средства общения можно считать материальным воплощением этого процесса.

В понимании сути феномена стратегии и определении ее взаимосвязи с тактиками и коммуникативными приемами авторы научных работ практически достигли консенсуса, однако типология коммуникативных стратегий остается своего рода камнем преткновения. Одной из причин разногласий является существование различных критериев разграничения стратегий, о чем свидетельствует проведенный анализ научных трудов, посвященных данной проблематике. С целью уточнения возможных оснований для классификации были рассмотрены работы белорусских и российских авторов, опубликованные за период 2010–2025 гг. на таких ресурсах, как официальный сайт Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (<https://vak.gov.by>), Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов (<https://www.dissercat.com>), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<https://elibrary.ru>). В одних случаях авторы публикаций опирались на популярные классификации стратегий, часто цитируемые в научной литературе, в других – предлагали собственные концепции. Не стремясь жестко разграничить эти два подхода, проиллюстрируем многообразие существующих типологий коммуникативных стратегий.

1. Стратегии ассоциируются с адресантом либо адресатом. В первом случае говорят о стратегиях воздействия, а во втором – о стратегиях понимания. Стратегии с позиции адресанта (т.е. коммуникативные стратегии говорящего, который реализует коммуникативную интенцию и порождает необходимые сообщения) определяются как инструменты, призванные помочь емуказать влияние на реципиента, изменив картину мира, систему ценностей или поведение последнего. Именно в таком ключе коммуникативные стратегии анализируются в научной литературе чаще всего либо с претензией на универсальность, либо в привязке к четко заданной дискурсивной практике. Что касается второго варианта, то наиболее популярной концепцией стратегий восприятия является модель стратегической обработки связного текста, предложенная Т. А. ван Дейком и В. Кинчем [3]. В дальнейшем эта система интерпретационных стратегий (по мнению ее авторов, универсальная) была конкретизирована применительно к видам речевой деятельности (стратегии

читающего, стратегии слушающего) и сферам коммуникации. Так, при интерпретации научных высказываний адресат задействует трансформационные, логико-смысловые, когнитивные, прогностические, переводческие стратегии. Языковые и контекстуально-смысловые стратегии переработки научной информации определяются опытом, тезауральным потенциалом, прогностическими ожиданиями слушателей [4, с. 3–5]. Последние релевантны в ситуации, когда получатель сообщения сталкивается с незнакомыми или семантически нечеткими научными терминами.

2. Вслед за О. С. Иссерс, стратегии делят на основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные (прагматические, риторические, диалоговые) [1]. Семантические стратегии направлены на передачу и обработку информации и коррелируют с целями первого порядка, а все остальные – с второстепенными целями: прагматические стратегии решают задачи само-презентации и кооперации, диалоговые стратегии управляют ходом коммуникации, тогда как риторические стратегии связываются с выбором эффективных приемов воздействия в зависимости от ситуации. Данная классификация является весьма примерной в силу подвижности комплекса целей и мотивов поведения, с которым она соотносится: в нем основная и вспомогательные цели в ряде случаев меняются местами. Так, к основным часто относят стратегии информирования, убеждения, побуждения к действию, поскольку именно они на определенном этапе коммуникации занимают ведущую позицию в иерархии целей и мотивов говорящего. Однако в определенных дискурсивных практиках (например, в медийном дискурсе) на первое место может выйти привлечение внимания, превратившись, таким образом, из вспомогательной задачи (тактики) в главную цель (глобальную стратегию). Даже тот факт, что основная стратегия может воздействовать и на когнитивные процессы реципиента, его картину мира (интеллектуальное), и на его поведение (физическое), свидетельствует о неоднородности и противоречивости этого конструктора.

3. Стратегии рассматриваются в привязке к ситуации (контексту коммуникации) и ее составляющим. Так, выделяются регулятивные, диктальные и модальные стратегии. Стратегии первой группы ориентированы на трансформацию структуры коммуникативной ситуации, второй – на информирование участников общения об окружающей действительности, а третьей – на выражение чувств, эмоций, оценок [5]. В ряде работ указанные группы стратегий уточняются и далее делятся на подгруппы. К примеру, модальные (эмотивные) стратегии рассматриваются как положительные, включающие гратафикационные (комplимент, подхалимство) и фасцинативные стратегии (демонстрация харизмы, статуса, эпатаж), или отрицательные. Последние подразделяют на очерняющие (дискредитация, демонизация), фрустрационные (нагнетание отрицательных эмоций) и провокационные (разжигание конфликта, скандализация). Альтернативная типология включает стратегии «на повышение» (положительное отношение говорящего к объекту), «на понижение» (отрицательное отношение говорящего к объекту), театральные

стратегии. Такой подход во многом коррелирует с приведенным выше делением стратегий на основные и вспомогательные. Придавая одинаково важное значение всем составляющим контекста (отправителю, получателю, сообщению и т.д.), данная концепция в то же время демонстрирует зависимость выбора конкретных тактик и средств воздействия от ситуации, а точнее, от того, что в данном случае представляется важным с точки зрения говорящего, его интенции и желаемого результата общения.

В других работах находим классификации, принимающие во внимание какой-то один элемент коммуникации и возводящие его в абсолют. Например, по типу речевого поведения адресанта выделяют стратегии апелляции к авторитету, приказа (доминантный тип), стратегии демонстрации подчинения, страха, угождения (подчиняющийся тип), стратегии демонстрации беспомощности, принижения своей компетентности (зависимый тип). В привязке к средствам воздействия, т.е. коду коммуникации, выделены вербально-ориентированные, невербально-ориентированные и смешанные стратегии [6]. В свою очередь, от выбора канала коммуникации (плакат, видео и т.д.) зависит манифестация стратегий активизации произвольного и непроизвольного внимания. Комплексным подходом можно считать разграничение трех типов стратегий (презентационных, конвенциональных, манипулятивных) по способу развития коммуникативного сценария (симметричность или неравноценность вклада участников), форме взаимодействия и основным средствам коммуникации. Так, презентационный тип представляет собой пассивную коммуникацию (послание), конвенциональный тип – интерактивную коммуникацию, направленную на сотрудничество и достижение консенсуса (диалог), а манипуляционный тип – активную коммуникацию (сообщение). Стоит также отметить, что стратегия охватывает весь коммуникативный эпизод (это программа взаимодействия коммуникантов плюс сам процесс интеракции «в моменте», а также возможность оценить результат реализации разработанного плана действий), однако ряд исследователей связывают ее исключительно с этапом планирования высказывания, сужая, таким образом, значение данного понятия.

4. По утверждению Е. В. Клюева, стратегия – это «совокупность запланированных говорящим заранее <...> теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 17]. Проведенный анализ научных публикаций подтверждает тот факт, что под стратегией чаще понимается осознаваемая линия коммуникативного поведения. Вместе с тем существует тенденция разграничивать заранее продуманные и спланированные стратегии (волевые) и неподготовленные, спонтанные стратегии (эмоциональные) в зависимости от степени осознанности их выбора и программы коммуникативного поведения. Конечно же, необходимо принять во внимание некоторую долю условности такого противопоставления в силу сложности самой системы мотивации поведения, когда мотивы могут находиться в сфере сознательного или бессознательного, комбинируясь друг с другом в ходе совершения человеком конкретного действия.

5. Традиционным стало деление стратегий на кооперативные и некооперативные. В основе классификации лежат типы взаимодействия коммуникантов: продуктивные (гармонизирующие, стратегии умиротворения) и контрпродуктивные (конфронтационные, негармонизирующие, стратегии раздражения). Кооперативное взаимодействие ориентирует говорящих на сотрудничество, и в этой разновидности коммуникации на первый план выходит фатическая функция, направленная на установление и поддержание контакта, тогда как обмен информацией может отодвигаться на второй план (при этом не исключаясь полностью). Альтернативной классификацией можно считать разграничение стратегий по двум основным типам экспрессивных макроинтенций – солидаризации (направлена на сближение, согласие) и дистанцирования (направлена на конфликт). В группе некооперативных стратегий отдельно выделяют стратегии речевой агрессии.

Бытует мнение, что одна коммуникативная ситуация может породить два сценария – кооперативный и конфронтационный. Аналогичным образом, под намерение коммуниканта подстраивается речевой жанр. Например, речевой жанр замечания в зависимости от интенции говорящего может быть реализован как конфронтационным, так и кооперативным способом. Учитывая тот факт, что направленность выбранного сценария (гармония или конфликт) определяется прагматической целью, возникает закономерный вопрос. Что первично: речевой жанр диктует выбор сценария (кооперативное или некооперативное замечание соответственно) либо, наоборот, – кооперативный тип взаимодействия диктует выбор определенных жанров (по сути, речевых тактик), уместных для достижения поставленной цели? Очевидно, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Говорящий может, к примеру, вообще отказаться от речевого жанра (тактики) замечания, посчитав его неуместным в контексте реализации кооперативной программы взаимодействия.

6. Стратегии могут масштабироваться. В глобальном смысле выделяют стратегию информирования, направленную на предоставление адресату информации об окружающей действительности. Данная стратегия иногда связывается со СМИ, однако ни одну форму общения людей нельзя представить без процесса обмена информацией. Исключением может служить крайняя степень проявления фатической коммуникации, для которой характерна полная десемантизация. Другая глобальная коммуникативная стратегия – убеждение, которое в большей или меньшей степени присуще любому эпизоду общения. Убеждение считается эффективным, если адресат правильно воспринял поступающую от говорящего информацию и поверил в ее достоверность. Иными словами, стратегия убеждения нацелена на передачу информации, к принятию которой адресант стремится склонить своего собеседника. Сказанное еще раз доказывает, что стратегии убеждения и информирования не следует противопоставлять. Даже констатация факта – это минимальная попытка убедить (мы хотим, чтобы наш собеседник так думал), а побуждение к действию – это тоже попытка убедить, только более радикаль-

ная (мы хотим, чтобы адресат совершил поступок, руководствуясь переданной ему информацией). Своего рода константой может считаться и аксиологическая стратегия, которая передает авторское субъективное (часто эмоциональное) отношение к объекту. Оценочность в принципе присуща коммуникации: говорящему сложно оставаться равнодушным к содержанию своего общения, и его высказывания будут содержать оценку – эксплицитную или имплицитную. В качестве универсальной иногда рассматривается стратегия самопрезентации, поскольку любая коммуникация так или иначе сопряжена с построением образа адресанта, однако в некоторых типах общения эта задача становится ведущей (например, в собеседовании при приеме на работу).

В более мелком масштабе стратегия отождествляется с тактикой или даже актуализирующими ее средствами. Типология стратегий в зависимости от групп реализующих ее речевых актов, объединенных сходными коммуникативными функциями, выглядит примерно так: информативные, оценочно-воздействующие, эмоционально-воздействующие, регулятивно-побудительные, конвенциональные стратегии (последние обусловлены правилами этикета). Другой интересный случай смещения фокуса связан с выделением аргументирующих стратегий. Аргументация традиционно определяется как способ, метод убеждения. Если убеждение – это глобальная стратегия, тогда аргументацию логично рассматривать на уровне тактики. Однако, как мы помним, подвижность иерархии целей и мотивов коммуникации вполне допускает подобные «перемены мест».

Находим в публикациях и такие варианты: стратегии комплимента, согласия, похвалы, порицания, утешения, намека. Очевидно, в данном случае речь идет о линии поведения коммуниканта с точки зрения выбора конкретных лексических, синтаксических и других средств воздействия. Если традиционно стратегию соотносят с текстовым уровнем, а тактику – с речевым актом (что, тем не менее, не исключает возможной реализации нескольких тактик в пространстве одного высказывания), то данные типологии коммуникативных стратегий полностью нарушают этот принцип.

7. Специфические стратегии определяются применительно к конкретной сфере деятельности, типу дискурса. К примеру, организационную коммуникацию связывают с корпоративной, деловой, управлеченческой, предпринимательской, антикризисной стратегиями, стратегиями операционной эффективности, динамического или ограниченного роста. В педагогическом дискурсе актуализируются метакогнитивные (способствуют активизации интеллектуальных резервов учащихся), компенсаторные (помогают найти выход из ситуации коммуникативного затруднения), общеучебные стратегии (оперируют учебной информацией). Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа (в медицине) включают стратегии актуализации принадлежности к профессиональному сообществу, профессионального информирования, презентации собственного профессионального опыта.

Приведем другие примеры подобных частных случаев: императивные, дискредитирующие, эмотивные стратегии, стратегии вуалирования, мисти-

ификации, анонимности (в медиадискурсе), стратегии делигитимизации и маргинализации, популизма, лаудативно-личностная стратегия и «мы-они»-стратегия (в политике), стратегии создания положительного, позиционирования, управления критичностью восприятия, стратегии ассоциирования и диссociированния, фрустрационная стратегия (в рекламе), стратегии эвфемизации и деэвфемизации (в дискурсе социальной группы), стратегии знаний, позиционирования, управления (в инновационной коммуникации), мотивирующая, патерналистская стратегия, стратегии выяснения, подключения, присоединения, оппонирования, коррекции (в семейном общении), имитационная стратегия (в логопедии) и т.д.

Делая выводы об общем и различном в приведенных выше классификациях, а также о том, какие характеристики стратегии могут считаться универсальными, а какие – вариативными, отметим следующее. Стратегия ассоциируется с генеральной коммуникативной интенцией (сверхзадачей), а тактики – с промежуточными целями (задачами). Стратегия есть планирование процесса коммуникации плюс практическая реализация этого плана. Находясь в прямой зависимости от комплекса целей и мотивов коммуникации, стратегии представляют собой иерархию, что в приведенных типологиях выражается в форме разграничения основных и вспомогательных, общих и частных стратегий. Стратегия – это своего рода гипотеза относительно будущей ситуации: результат ее применения обладает большей или меньшей степенью вероятности, и успех коммуникации не гарантирован даже при самом тщательном планировании. Как известно, отправленное сообщение отличается от запланированного, а то, что получил и воспринял адресат, никогда не будет полностью совпадать с тем, что вкладывал в свое сообщение адресант [7]. Вместе с тем процесс реализации стратегии управляем, и можно надеяться на успешность совершаемых речевых действий, если четко выявлены условия, определяющие стратегический результат [1, с. 55]. Стратегия обладает гибкостью, это всегда возможность выбора коммуникативных ходов и приемов, а также верbalных или неверbalных средств воздействия, оптимальных для ситуации. Такие категории, как информирование, убеждение, оценка, самопрезентация, могут считаться коммуникативными универсалиями, поскольку ими обладает любое сообщение. Это нечто само собой разумеющееся, и их целесообразно выделять и анализировать в виде стратегий из исследовательского интереса, когда задачей автора является систематизация конкретных тактик и средств их реализации в определенной дискурсивной практике.

Итак, стратегии классифицируются с позиции участников взаимодействия (стратегии автора или читателя), сферы общения, типа дискурса или вида коммуникации. Они различаются по уровню и масштабу, функциональной либо эмоциональной направленности, характеру отношений между коммуникантами и другим основаниям. Типы стратегий образуют открытый список, и каждая ситуация по сути привлекает собственный, абсолютно уникальный комплекс стратегий, тактик и средств их реализации, а конкрет-

ная стратегическая программа эффективна лишь в определенных условиях. В этой связи справедливо замечание о том, что одной из характеристик создаваемых типологий коммуникативных стратегий «является их несколько необоснованный универсализм и всеобщность по отношению к сферам речетворчества: типам текста, стилям, жанрам и возможным другим ограничениям» [8, с. 259]. Иными словами, любая классификация стратегий, разработанная для одной дискурсивной практики, на деле мало применима к иным видам человеческого общения, поскольку весь диапазон процессов социального взаимодействия охватить невозможно.

Наконец, стратегии в разной степени осознаются коммуникантами. В одних случаях это тщательно проработанный план действий, а в других – спонтанное поведение. Иногда адресант не осознает стратегический замысел либо осознает его не в полной мере, используя определенные стратегии автоматически [9], что также обусловлено клишированностью некоторых речевых ходов или повторяемостью типичных действий. Контраст между планируемым и инстинктивным очень ярко проявляется, например, в речевом общении взрослых и детей. В таких ситуациях поведение взрослых считается определенным, а поведение детей – непредсказуемым в силу отсутствия у них представлений о развитии процесса коммуникации и соответствующего коммуникативного опыта. Вместе с тем неосознанный выбор стратегий, осуществляемый детьми, может быть весьма успешным. Подчеркнем, что примеры спонтанного поведения не отменяют стратегический характер коммуникации вообще, не противоречат наличию у ее участников целей и желания достичь эффективных результатов путем тщательного выбора средств воздействия. Они лишь свидетельствуют о том, что коммуникация бывает ритуальной, стереотипной, машинальной, а также о том, что участники интеракции могут (а порой вынуждены) адаптироваться под стремительно меняющиеся условия общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
2. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие / Е. В. Клюев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
3. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. и ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–212.
4. Лебединский, С. И. Контекстуально-смысловые стратегии понимания устной научной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Лебединский Сергей Иванович ; Белорус. гос. ун-т. – 2018. – 49 с.
5. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2019. – 318 с.

6. *Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе : опыт типологизации / Ю. К. Пирогова // Диалог 2001 : труды междунар. семинара. – М., 2001. – URL: <https://createbrand.ru/biblio/marketing/strategia.html> (дата обращения: 10.03.2025).*
7. *Williamson, J. Decoding Advertisements: Ideology and Meaning in Advertising / J. Williamson. – London, New York : Marion Boyars, 1978. – 180 p.*
8. *Исламова, И. Ф. К основаниям типологии коммуникативных стратегий в корпоративном дискурсе / И. Ф. Исламова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 9(78). – С. 256–263.*
9. *Kellermann, K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic / K. Kellermann // Communication Monographs. – 1992. – V. 59. – P. 288–300.*

Поступила в редакцию 17.04.2025

Филимонова Марина Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ЗВУЧАНИЯ КИТАЙСКИХ ЛОГОГРАММ
(на примере логограмм с инициалью «Q»)**

**SEMANTIC CONDITIONALITY OF THE SOUND CHARACTERISTICS
OF THE CHINESE LOGOGRAMS
(on example of logograms with the initial component “Q”)**

В данной статье осуществляется анализ фонетической мотивированности китайских логограмм на примере реализации семантического значения согласного звука китайского языка «qī» в сочетании с финалью «i». Исследование этимологии логограмм со звучанием qī, зафиксированных в древнем словаре «Шоуэн цзецы» (气, 齐, 豈, 七), а также их рекурсивный анализ показал, что сочетание инициали «q» с финалью «i» в китайском языке в логограммах передает значение парообразования, испарения с поверхности вверх, движения воздуха, эфира, дыма, пара. Данное исследование подтверждает наличие семантической обусловленности звучания китайских логограмм.

Ключевые слова: китайский язык; логограмма; инициал; финаль; фонетическая мотивированность.

This article reveals the analysis of the phonetic motivation of Chinese logograms on the example of the Chinese sound «q» combined with final component “i”. The etymological research done on the the Chinese logograms with «qi» pronunciation of the ancient dictionary *Shuowen jiezi*, such as 气, 齐, 豈, 七, as well as their recursive analysis shows that the combination of the initial component “q” with final component “i” in Chinese language represents the meaning of steam forming, liquid vaporization from the surface, movement of the air, smoke, steam. The research confirms the existence of the semantic conditionality of the sound characteristics of the Chinese logograms.

Key words: Chinese language; initial component; final component; logogram; phonetic motivation.

Каждая логограмма китайского языка изначально обладала свойствами иконичности и непроизвольности. А также была фонетически мотивированна, что означает наличие определенных соответствий между символическими значениями входящих в состав наименования логограммы звуков и лексическим значением логограммы [1, с. 82]. А. П. Журавлев утверждает, что фонетическая мотивированность существует одновременно со смысловой и морфологической мотивированностью, тем самым обеспечивая очень тесную взаимосвязь между содержанием и формой языкового знака [2, с. 45],

в нашем случае логограммы. Наличие в любом современном языке, в частности в современном китайском языке, множества языковых единиц, логограмм, слов соприкасательной фонетической мотивированностью обусловлено развитием языка [2, с. 59].

Согласный звук китайского языка «q» является аффрикатой, а также придыхательным, образуя оппозицию к непридыхательному звуку «j».

При произнесении данного звука кончик языка соприкасается с нижними зубами. Средняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу и образует полную смычку, которая тут же переходит в узкую щель. Одновременно поднимается верхнее нёбо, блокируя прохождение воздуха через носовую полость. Голосовые связки не вибрируют до момента образования звука. Воздушная струя проходит через щель с трением, что придает звуку легкий шипящий призвук [3].

Если сравнить физиологический процесс образования звука «q» и физиологический процесс выдоха при ротовом дыхании, можно увидеть, что они характеризуются большой степенью совпадения параметров (таблица):

Параметры сравнения физиологических процессов
а) образования звука «q» и б) выдоха при ротовом дыхании

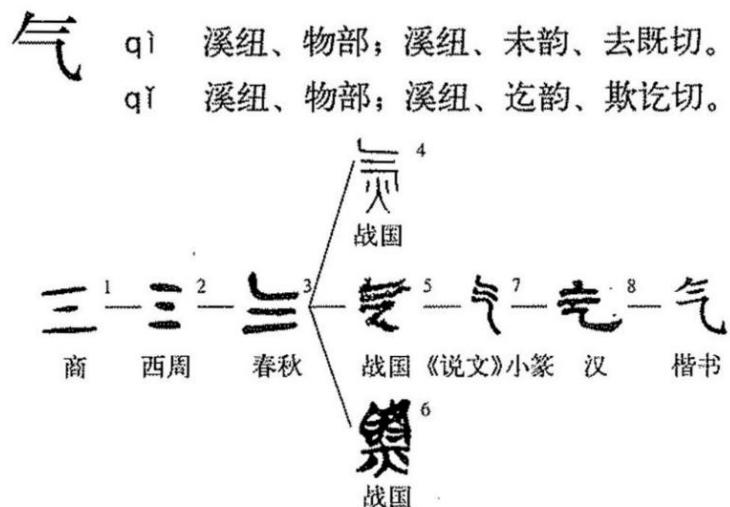
Параметры сравнения физиологических процессов	Образование звука «q»	Выдох при ротовом дыхании
Поднятие верхнего нёба	+	+
Положение языка: лежит на дне ротовой полости	+	+
Сужение и выдвижение вперед верхней зубной дуги	+	+
Соприкосновение кончика языка с нижними зубами	+	+
Прижатие средней части спинки языка к твердому нёбу и образование полной смычки, переходящей в узкую щель	+	-
Пассивность голосовых связок	+	+

В рамках данного исследования был осуществлен рекурсивный анализ логограмм с инициалью «q» и финалью «i», зафиксированных в словаре «Шовэнь цзецы» (1 в. н.э.) [4], с целью определить основные значения, которые согласный звук (инициал) «q» реализует в составе логограмм.

Звук выдоха через рот лучше всего передается сочетанием инициали «q» именно с финалью «i». Вследствие чего предположим, что логограммы, имеющие чтение qī будут передавать значение парообразования, испарения с поверхности вверх, движение воздуха, эфира, дыма, пара.

Логограмма 气(qì). Этимологическое значение: ‘вид испарений, поднимающихся вверх как легкая облачная дымка’.

В письменах Цзягуэнь и Цзиньвэнь присутствует именно вариант 气, который имел вид трех горизонтальных черт, верхняя и нижня из которых были длинные, а средняя короткая. Отображала слои пара, поднимающегося над поверхностью. Позже в письменах Цзиньвэнь логограмма стала подвергаться изменению (черты стали рисоваться более извилисто), чтобы визуально развести ее с логограммой 三, которая отличалась лишь тем, что все ее горизонтальные линии были одинаковой длины. Одновременно в письменах Цзиньвэнь Эпохи Воюющих царств появились варианты с компонентом 火 ‘огонь’ в нижней части логограммы, что, вероятнее всего, передавало значение дыма либо пара, появившихся в результате разведения огня, костра, разжигания очага (рис. 1).

1 《甲文编》37页。2、3 《金文编》27页。4

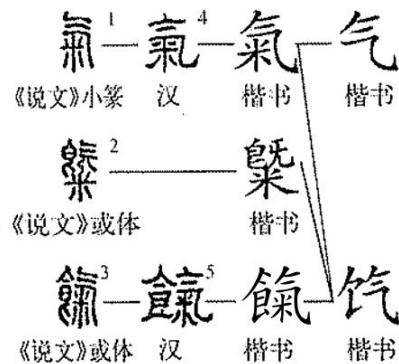
《汉语字形表》17页。5、6 《战文编》20页。7

《说文》14页。8 《篆隶表》26页。

Рис. 1. Логограмма 气

В словаре «Шовэнь цзецы» есть логограмма 氣, которая вытеснила логограмму 气. Впервые она встречается именно в словаре «Шовэнь цзецы». Изначально данная логограмма представляла собой изображение пара, поднимающегося над рисом. Она была образована идеографом 米 и фонетиком, имела следующее трактование: ‘饋 (упрощенный вариант 馈) 客芻 (упрощенный вариант 焖) 米 ‘подавать гостю ужин, кормить (рисом)’. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: S – пар, A – поднимается вверх, L – рис. Ситуация: пар поднимается над вареным рисом (рис. 2).

氣(气) qì 溪纽、微部；溪纽、未韵、去既切。
xiǎo 晓纽、物部；晓纽、未韵、许既切。

1、2、3 《说文》 148页。4、5 《隶辨》 508页。

Рис. 2. Логограмма 氣

Рис – важнейший культурный феномен китайской цивилизации, являющийся не только продуктом питания, но и основой жизни и духовной основой китайской нации. В Древнем Китае рис выступал символом богатства, выражение 佢屋企好有米 ‘его семья очень богатая’ дословно может быть переведена как ‘у его семьи есть рис’, т. к. часто фраза “有米” ‘иметь рис’ также употреблялась в значении “有钱” ‘иметь деньги, быть богатым’ “不为五斗米折腰”. В древности количеством риса также измерялось жалование государственных чиновников, примером служит чэньюй 不为五斗米折腰 ‘нестоящий’; не стоит того, чтобы унижаться за небольшое вознаграждение (букв. не стоит того, чтобы кланяться за пять доу риса’).

В логограмме «qì» реализует значение ‘процесс парообразования и движение пара вверх’.

На современном этапе развития китайского языка логограмма 氣(qì) отражает весь спектр прямых и переносных значений, связанных с понятием *воздуха, пара, дыма, дыхания, энергии*.

气(qì) реализует следующие значения:

Во-первых, не имеющее определенной устойчивой формы и объема, способное к неограниченному физическому расширению газообразное тело:

1) газ, газообразное вещество (также родовая морфема): газовый, газообразный

毒气 ядовитый газ

煤气 светильный газ

氢气 водород

氧气 кислород

气体腐蚀 газовая коррозия

2) воздух; атмосфера; воздушный; надувной, пневматический

空气 воздух, атмосфера

打气 накачивать воздух

气轮胎 пневматическая шина

气压 атмосферное (барометрическое) давление

气泵 воздушный насос

寒气 холодный (морозный) воздух

透气 воздухопропускаемость

3) туман, дымка

云气 облака, облачность

蜃气 мираж

Во-вторых, *состояние погоды; климат:*

1) состояние погоды; климат

天气 погода

热气 жара

气象 метеорологические явления

气候 климат

2) сезон; время года

四气 четыре времени года

节气 двухнедельный сезон (1/24 часть сельскохозяйственного года)

В-третьих, *дыхание, дыхательная система человека:*

1) дыхание; дух

喘气 перевести дух; передохнуть

气绝 перестать дышать; бездыханный (*о притворно умершем*); испустить дух, умереть

В-четвертых, *запах, восприятие запаха:*

1) запах; привкус

香气 аромат, благоухание

臭气 вонь

焦气 запах горелого

气味 аромат; запах

烟气 чад, дым

泥土气 запах свежей земли

В-пятых, *моральное состояние; духовный облик; психическое состояние человека:*

1) дух, настроение; душевые силы, состояние (человека); нрав; темперамент; характер, душевный склад

勇气 храбрость

朝气 подъем, бодрый дух

勃气 доброе настроение

失气 потерять присутствие духа

生气 живой дух; оживление

呆气 отупение

2) сила, мощь; энергия, жизнеспособность, жизненные силы организма

元气 изначальная (природная) жизнеспособность

生气 жизненный тонус

3) гнев; ярость, злоба

忍气吞声 сдержать свой гнев и промолчать

怨气 обида, злоба

下气 сдержать гнев, успокоиться

生气 вспылить, рассердиться

4) гнет, угнетение; притеснение

受地主的气 подвергаться гнету (притеснению) помещиков

В-шестых, манера держаться; стиль человека; внешний вид:

1) нрав; замашки; характер

孩子气 ребячество

官气 чиновничьи замашки; бюрократизм

小家子气 мелочный, мещанский

2) вид, наружность, облик; манера, стиль

气派 манера держаться; стиль; вид

气色 вид, наружность, внешность, облик; образ; цвет лица

口气 манера выражаться, тон (характер) речи

笔气 манера (стиль) письма

喜气 радостный вид

习气 привычная манера держаться, привычка

俗气 грубый, вульгарный

В-седьмых, энергия Ци (одна из основных категорий китайской философии):

气 пневма, эфир, энергия, жизненная сила

В-восьмых, судьба, рок; участь, удел; воля неба; предназначение, предопределение:

气数 судьба, участь, существование

福气 удача в жизни, счастье, везение

В-девятых, (в традиционной китайской медицине) внутренняя энергия органов в человеческом теле:

气虚 1) истощение, слабость; 2) недостаточность Ци; 3) гипофункция Ци легких

元气 1) конституция человека; здоровье; физическое состояние; 2) жизненный дух; жизненный эфир; 3) жизнеспособность, бодрость

В-десятых, (в традиционной китайской медицине) название болезней и их симптомов:

湿气 экзема (и близкие к ней кожные заболевания)

痰气 1) сумасшествие; эпилепсия; 2) кровоизлияние в мозг, инсульт;
3) патологическое выделение мокроты

肝气 ци печени, колики в печени

В-одиннадцатых, (*в современной китайской медицине*) название болезней и их симптомов:

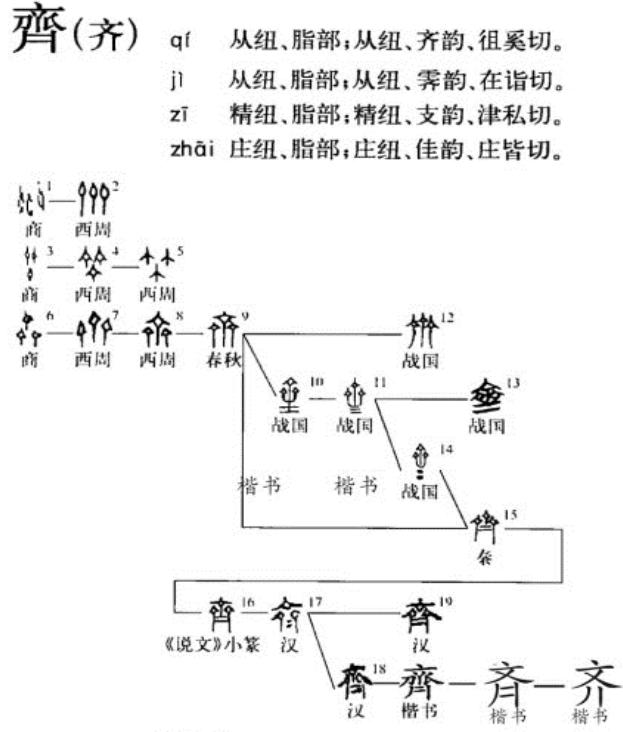
疝气 грыжа

支气管哮喘 бронхиальная астма

气胸 пневмоторакс

胃胀气 вздутие живота

Логограмма 齐 (qí). Ее современное значение: ‘ровный, правильный, опрятный, аккуратный; достигать одного уровня с...; сравняться с...; вровень с...’. Изначально представляла собой изображение колосьев риса и пшеницы, ровно колосившихся над поверхностью земли. В словаре «Шовэнь цзецзы» данная логограмма имела вид 齊, была чистой идеограммой. В письменах Цзягуэнь логограмма изображала три колоса, позже снизу появились две горизонтальные черты, символизирующие неровность поверхности земли (высокие и низкие точки). Ядерная цепочка выглядит следующим образом: *S – колосья, A – подниматься вверх, ровно колоситься, L – поверхность земли.* Ситуация: *колосья тянутся вверх, ровно колосятся над поверхностью земли.* Позже у данной логограммы появилось переносное значение ‘ровный; ровнять; вровень; по’ (рис. 3).

1、3 《甲文编》302页。2、4、5、7、8、9

《金文编》487页。6 《甲文编》303页。10、11、

14 《金文编》488页。12 《汉语字形表》273页。13

《楚系简帛》588页。15 《金文续编》157页。16

Рис. 3. Логограмма 齐

В данной логограмме «*qī*» реализует значение ‘звук шелеста колосьев на ветру’. Опять же здесь присутствует значение *эфира, воздуха*.

Логограмма 壴 (*qī*). Ее современное значение: лак; лаковый, лакированный. В словаре «Шовэнь цзецзы» данная логограмма была чистой идеограммой, передававшей изображение человека и воздух, пар, поднимающийся над ним. Имела значение 木汁 ‘сок дерева’. Состоит из идеографов 木 ‘дерево’ и 氵 (suān) ‘слегка отварить в кипящей воде’. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: *S* – дерево, *A* – входить, погружаться в, *L* – вода. Ситуация: дерево погружается в воду. Ядерное значение логограммы – ‘лак’. Данная логограмма передает значение погружения древесины в кипящую воду для обработки. В Древнем Китае к IV тыс. до н.э. уже активно добывали смолу «лакового дерева» 漆樹, растения из семейства анакардиевых (сумак, шмак, лат. *Rhus vernicifera*). Технологический цикл, окончательно определившийся уже во второй половине I тыс. до н.э. состоит из нескольких этапов: выращивание «лаковых деревьев» и сбор сырого лака, представляющего собой густую жидкость молочно-белого или серовато-желтого цвета. Благодаря содержащемуся в ней веществу урушиол (урусиол, C₁₄H₁₈O₂), смола «лакового дерева» обладает уникальными природными свойствами, сопоставимыми со свойствами полимеров, с другой стороны, урушиол способствует быстрому загустению собранной смолы, что заставило китайских мастеров использовать различные способы ее искусственного разжижения, такие как, например, изобретенный во II в. до н.э., способ помещения крабов в емкость с сырым лаком, в панцирной части которых содержатся сильнодействующие вещества, тормозящие процесс застывания смолы. Обработка сырого лака предполагает его очистку, кипячение для удаления лишней влаги, после чего по мере его дальнейшего использования он смешивается с другими веществами. Видимо, поэтому логограмма 壴 представляет собой набор компонентов, расположенных именно в такой геометрической структуре (погружение древесины или ее компонентов в воду осуществляется сверху вниз) [5, с. 274–281]. Геометрия логограммы также обусловлена семантикой: древесину (木) сверху вниз погружают в воду (水) (рис. 4).

В данной логограмме «*qī*» реализует значение ‘процесс парообразования и движение пара вверх’.

Рис. 4. Логограмма 壴

Логограмма 豈 (qǐ). В словаре «Шовэнь цзецзы» данная логограмма имела значение 還師振旅樂也 ‘победный гимн, триумфальная музыка возвращающейся армии после победоносного сражения’. Также приводится значение ‘страстно желать (чего-л.); гоняться (за чем-л.): подниматься на повозку, колесниcu’ (рис. 5).

Рис. 5. Логограмма 岌 (1)

В стиле Чжуаньшу (письменах Цзиньвэнь) представляла собой, с одной стороны, изображение боевого барабана (в древности в наступлении во время боя для поддержания духа воинов били в барабаны) с лентами, прикрепленными сверху, издающего звуки победной мелодии победившей армии. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: *S* – некто (человек), *A* – быть, *O* – боевой барабан. Ситуация: человек *бьет* в боевой барабан. Сравните с логограммой 鼓 ‘барабан’, они отличаются наличием в правой части логограммы компонента, похожего на руку, держащую что-то (палку, оружие), впоследствии превратившегося в 支 ‘ветка, стержень’, 支 ‘ударять’, 及 ‘пика (бамбуковая)’, что передавало единное значение: ‘держать в руках барабанную колотушку и бить ей в барабан’.

В данной логограмме «qǐ» реализует значение ‘трепыхание лент на ветру’. Опять же здесь присутствует значение эфира, воздуха (рис. 6, 7).

qǐ

象形字。篆书之形像鼓，表示军队得胜归来所奏的乐曲。
 岌简化为岂。本义是军队归来所奏的乐曲。这个意义现写作“凯”。假借作副词，表示反诘。
 怎么；难道：～敢 | ～能 | ～有此理。
 ～但 ～非 ～敢 ～可 ～能 ～止 ～有此理

Рис. 6. Логограмма 岌 (2)

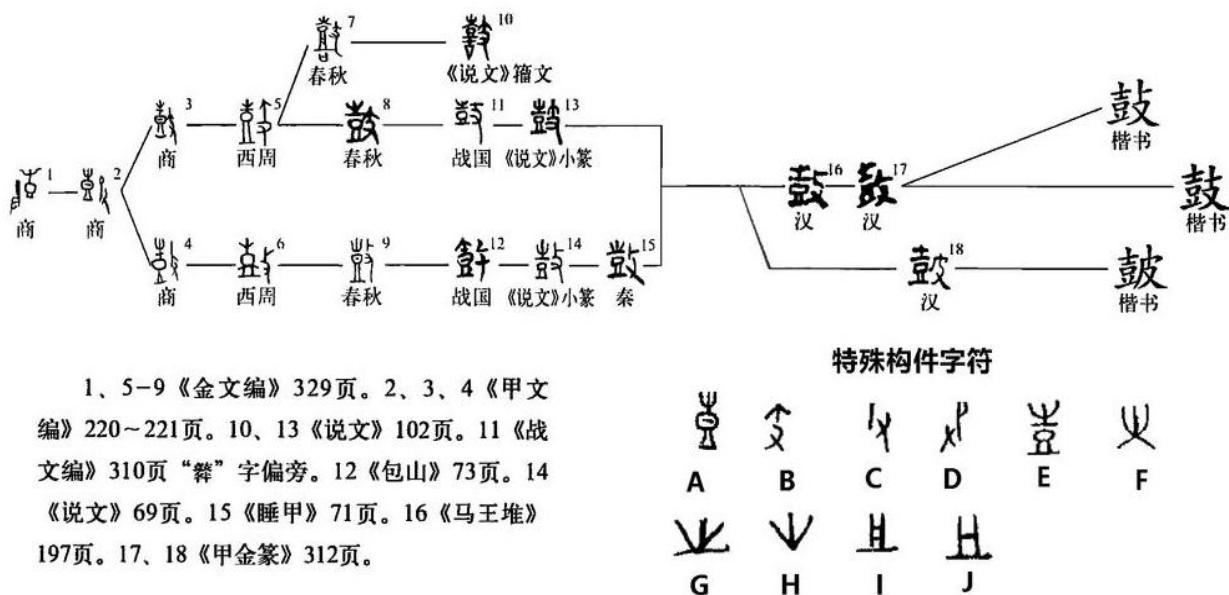
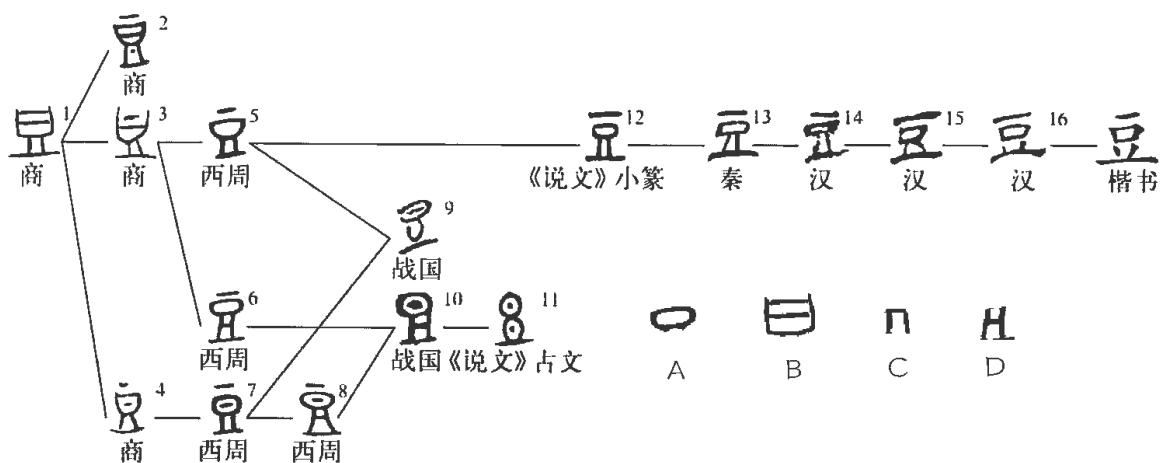

Рис. 7. Логограмма 鼓

В данной логограмме «qí» реализует значение ‘процесс парообразования/дымообразования и движение пара/дыма вверх’.

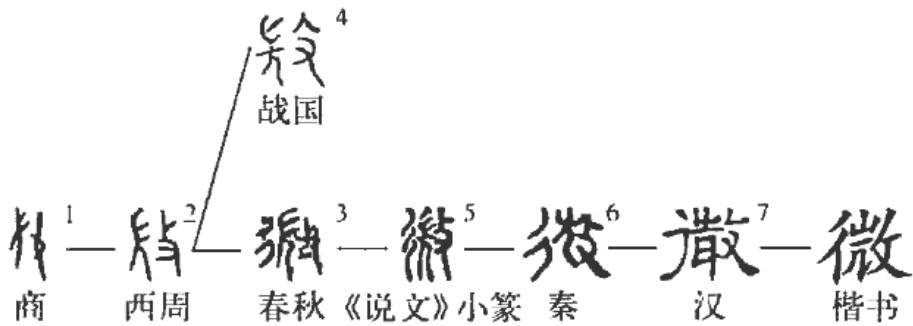
Однако уже в словаре «Шовэнъ цэцзы» данная логограмма трактовалась иначе, а именно как образованная идеографом 豆 ‘доу (деревянная чаша с крышкой), с доциньской эпохи использовалась как посуда для мяса, позже для других видов продуктов; в ритуалах использовалась для жертвоприношения, а также для установки светильника’ (располагался в нижней части логограммы), и фонетиком 微 в его усеченном виде (располагался в верхней части логограммы) (рис. 8).

1、3、4《甲文编》221页。2、5–8《金文编》330页。9《郭店》84页。10《战文编》311页。11、12《说文》102页。13《睡甲》72页。14《马王堆》198页。15《银雀山》177页。16《甲金篆》313页。

Рис. 8. Идеограф 豆

Сам фонетик 敝 не включал в себя появившийся позднее правый компонент 夂. Обладал значением 妙 ‘изящный, красивый’; 眇 ‘маленький, тонкий (о волосах)’. В левой части располагался компонент 夂(長, 长) ‘человек с разевающимися длинными волосами’, в правой части располагался компонент ‘攴’, обозначающий руку, держащую какой-то инструмент, в данном случае гребень. Общее значение фонетика 修剪整理头发 ‘приводить в порядок, подрезать волосы’ (рис. 9).

1 《甲文编》 342页。2 《金文编》 564页。

3 《战文编》 115页。4 《四声韵》 11页。5 《说文》

43页。6 《睡甲》 24页。7 《甲金篆》 122页。

Рис. 9. Фонетик 敝

Возможно, здесь речь идет о совершении жертвенных обрядов, в которых использовалась 豆 ‘доу (деревянная чаша с крышкой), при этом в Древнем Китае совершать ритуалы жертвоприношения духам могли только мужчины. Мужчины носили длинные волосы, которые по нормам этики, должны быть гладко зачесанными и убранными в пучок. Видимо, эту ситуацию и описывает данная логограмма.

Логограмма 七 (qī). В словаре «Шовэнъ цзецзы» данная логограмма имела значение 陽之正也。从一 (惟初太始, 道立于一, 造分天地, 化成万物), 微陰 (谓阴气初生) 从中衰出也 ‘правильность энергии Ян, (была чистой), образована идеографом 一 (Первоначало, Дао, из которого появилось Небо и Земля, а также все сущее), из центра которого наискось выходит только что рожденная энергия Инь’. В письменах Цзягувэнъ логограмма описывалась следующим образом: 在一横中间加一竖划, 表示将某物从中切断 ‘В центре горизонтальной линии проведена разделяющая ее пополам вертикальная черта’. Имела следующее значение: 七的本义为切断 ‘разрезать, отрезать, рассекать, обрывать (связь); обрезка, разрез’ (рис. 10).

汉字：「七」字形演变 字源演变

Рис. 10. Логограмма 七

Ядерная цепочка выглядит следующим образом: *S* – энергия Ян, *A* – *переходить в, превращаться в, O* – энергия Инь. Ситуация: энергия Ян превращается/переходит в энергию Инь.

В данной логограмме «*qī*» реализует значение ‘процесс взаимодействия энергий, эфира’.

Позднее в письменах Цзягуэнь логограмма утратила свое исконное значение и стала обозначать цифру 7. Согласно учению о Инь и Ян, 七 отражает грань перехода энергии Ян в энергию Инь, границу, разделяющую два первоначала. Вследствие этого в Древнем Китае по всей территории существовал обычай соблюдения семи периодов траура по умершему (в течение 7 семидневок, т. е. 49 дней после смерти): после смерти человека и похорон покойника на седьмой день (траура), называемый 头七, организовалось место для таблички с именем покойного (предка), куда и устанавливалась эта табличка. Каждые семь дней проводилась 佛事 ‘будд. молитвенная служба’ и совершались особые жертвоприношения вплоть до 七七 ‘седьмые седмины’ (сорок девятый день со дня смерти); 49 дней, в течение которых каждые семь дней сжигают бумажные деньги и ставят жертвенную еду’.

Таким образом, мы видим, что сочетание инициали «*q*» с финалью «*i*» в китайском языке в логограммах передает следующее значение: ‘парообразование, испарение с поверхности вверх, движение воздуха, эфира, дыма, пара’. Как показало данное исследование, китайские логограммы обладают фонетической мотивированностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А. П. Символическое значение языкового знака [Текст] / А. П. Журавлев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психологии. – М., 1972. – С. 81–105.

2. Журавлев, А. П. Звук и смысл [Текст] / А. П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.
3. Ма, Лун. Китайский язык для начинающих: фонетика, лексика, грамматика : методические рекомендации / Ма Лун, И. В. Ма. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова», 2021. – 60 с.
4. 许, 慎。说文解字：新版 / 许慎。–上海：上海教育出版社, 2003。– 413 页。= Сюй, Шэнь. Шовэнъцзеңзы. – Шанхай : Шанхайское просветительское издательство, 2003. – 413 с.
5. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2010. – 1031 с.

Поступила в редакцию 08.04.2025

Чеснокова Екатерина Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
итальянского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Chasnakova
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Italian Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Catiscat21@gmail.com

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ
С ЛЕКСИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КНИГА В ИТАЛЬЯНСКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PAREMIOLOGY
WITH THE LEXICAL COMPONENT BOOK IN THE ITALIAN
AND BELARUSIAN LINGUISTIC AND CULTURAL TRADITIONS**

В статье проводится сопоставительный лингвокультурологический анализ репрезентации лексемы *книга* в итальянской и белорусской паремиологических системах. Исследование выполнено на материале тематически подобранного корпуса паремий, включающего итальянские и белорусские пословицы, поговорки и афоризмы, содержащие лексему *книга* (*libro/книга*). Основное внимание уделяется выявлению универсальных и культурно-специфических особенностей осмыслиения книги в сравниваемых традициях. В результате устанавливается, что при общем позитивном восприятии книги как источника мудрости, итальянская паремиология акцентирует интерактивный аспект чтения (метафоры диалога и дружбы), тогда как белорусская – сакральный статус книги и необходимость критического осмыслиения прочитанного.

Ключевые слова: языковая картина мира; паремиология; лингвокультурология; лексема «книга»; сопоставительный анализ; итальянский язык; белорусский язык.

The article conducts a comparative linguocultural analysis of the representation of the lexeme *book* in Italian and Belarusian paremiological systems. The study examines a thematically selected corpus of paremias, including Italian and Belarusian proverbs, sayings and aphorisms containing the corresponding lexemes (*libro/книга*). Special attention is given to identifying both universal and culture-specific features in the conceptualization of books within these traditions. The analysis reveals that while both cultures share a positive perception of books as sources of wisdom, Italian paremiology emphasizes the interactive aspect of reading (employing metaphors of dialogue and friendship), whereas Belarusian paremiology focuses on the sacred status of books and the necessity of critical interpretation.

К e y w o r d s: *linguistic picture of the world; paremiology; linguoculturology; lexeme "book"; comparative analysis; Italian language; Belarusian language.*

Актуальность данного исследования обусловлена его значимостью для современной лингвистической науки и практической востребованностью в условиях межкультурной коммуникации. В эпоху глобализации, когда усиливаются процессы культурного взаимодействия, особую важность приобретают исследования, раскрывающие специфику национального мировосприятия через языковые средства. Лексема *книга* как культурный феномен

представляет особый интерес, поскольку отражает ценностные ориентиры и традиции народа. Проведение сопоставительного анализа итальянских и белорусских паремиологических единиц с данной лексемой позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты в восприятии книги разными лингвокультурами.

Объект исследования – паремиологические единицы (пословицы, поговорки и афоризмы), содержащие лексему *книга* в итальянском и белорусском языках как элементы языковой картины мира.

Предмет исследования – лингвокультурные особенности, семантические и прагматические характеристики паремий с лексемой *книга* в итальянской и белорусской лингвокультурах, их универсальные и национально-специфические черты.

Существуют различные определения паремии. Например: 1. «Родовое обозначение пословиц, поговорок: народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью, клишированностью. **Сказанное словцо – серебряное, не сказанное – золотое. Добрая жена дом сбережет, а худая – рукавом расстрясет. Конец – делу венец. Ныне много грамотных, да мало смытых. Идти в науку – терпеть муку. Наука не пиво, в рот не вольешь. Не нужен ученый, а нужен смышленый* (примеры В. И. Даля)» [1]; 2. «Чтение, отрывок из Ветхого завета» [2]; 3. «Паремия (филология). У этого термина существуют и другие значения, см. Паремия. Паремия (от греч. παροια – поговорка, пословица, притча) – устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания. К паремиям относятся пословицы, представляющие собой целостные предложения (например, *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*), и поговорки, являющиеся фрагментами предложений (*поживем – увидим*). Паремии представляют собой речевые клише, близкие по образности и афористичности крылатым словам, однако, в отличие от последних, являются анонимными изречениями» [3] и мн. др.

В рамках данной работы предполагается использование термина *паремия* «как родового наименования для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и под.» [4, с. 267].

Концепция языковой картины мира восходит к трудам В. фон Гумбольдта, который в XIX веке ввел термин *языковая картина мира* (нем. Sprachbild der Welt). В. Гумбольдт рассматривал язык не просто как инструмент коммуникации, а как «духовное творчество народа» [5, с. 146], отражающее его уникальное мировосприятие: «Различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия. Особенность духа и строение языка какого-либо народа так между собой внутренне связаны, что, если бы одно из них было дано, второе должно быть из него выведено. Язык – есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Там же, с. 147]. Он выделял в языке внешнюю форму

(грамматические структуры и звуки) и внутреннюю форму (специфику мышления, закодированную в языке). Согласно В. Гумбольдту, каждый язык создает особую «сетку координат» для восприятия реальности, что делает процесс перевода не механической заменой слов, а сложной интерпретацией культурных смыслов.

Эти идеи получили развитие в работах Э. Сапира и Б. Ли Уорфа, ставших основой гипотезы лингвистической относительности. Согласно их концепции, язык активно структурирует мышление человека, а не просто отражает реальность. В качестве доказательств они приводили примеры из языков коренных народов Америки. Б. Уорф особо подчеркивал, что разные языковые системы формируют различные картины мира у их носителей, а сам язык представляет собой медленно меняющуюся систему, которая лишь постепенно адаптируется к культурным изменениям. Он утверждал, что «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [6].

Однако формулировки гипотезы лингвистической относительности подверглись критике со стороны таких исследователей, как С. Пинкер и Э. Леннеберг. Они указывали на универсальность когнитивных способностей человека, не зависящих полностью от языковых структур (например, способность различать цвета независимо от их обозначения в языке). С. Пинкер также отмечал методологические ошибки Б. Уорфа – отсутствие полевых исследований языков коренных народов и субъективность в интерпретации примеров.

В современной лингвистике особый вклад в исследование языковой картины мира внесли такие ученые, как Дж. Лакофф, чьи фундаментальные работы по теории концептуальных метафор позволили по-новому интерпретировать взаимосвязь языка и мышления; С. Пинкер, исследующий когнитивные механизмы языковой эволюции и ее обусловленность биологическими факторами, а также А. Вежбицкая, создавшая оригинальную теорию естественного семантического метаязыка (*Natural Semantic Metalanguage*, NSM), которая стала эффективным инструментом кросс-культурного анализа.

Ключевая идея теории NSM, разработанной А. Вежбицкой, заключается в возможности декомпозиции любых языковых значений на универсальные семантические примитивы – элементарные смысловые единицы, не подлежащие дальнейшему разложению («чувствовать», «знать» [7, р. 48, 119], «хороший/плохой» и др. [Там же, р. 130]). Как отмечает исследовательница, эти примитивы образуют своего рода концептуальный алфавит, присущий всем естественным языкам и отражающий базовые когнитивные структуры человеческого мышления.

Лексема *книга* не принадлежит к числу самых частотных в паремиологических системах, однако обладает значительным когнитивным потенциалом и межкультурной универсальностью. Ее аксиологическая емкость делают эту лексему релевантной для сопоставительного лингвокультурологического

анализа. Книга как культурный феномен занимает особое место в системе аксиологических представлений различных народов. Многочисленные пословицы, поговорки и крылатые выражения, такие как *Книга – лучший подарок* или *С книгою жить – век не тужить*, отражают устойчивую ассоциацию книги с мудростью, знанием и интеллектуальным богатством. Во всех культурах, обладающих письменной традицией, книга воспринимается как ценностный объект – материальное хранилище знаний и одновременно воплощение нематериальной духовной сущности.

Универсальность позитивного восприятия книги в разных лингвокультурах (имеющих письменность) нашла отражение в богатом фольклорном наследии – пословицах, поговорках и афоризмах, которые служат концентратом народной мудрости. Данное исследование направлено на сопоставительный анализ репрезентации образа книги в итальянской и белорусской лингвокультурах через призму паремиологического фонда.

В рамках современных лингвокультурологических исследований убедительно доказано, что каждый естественный язык представляет собой уникальную систему ценностных координат, кодирующую мировосприятие и когнитивные модели языкового коллектива. Особый интерес в этом отношении представляет фразеологический фонд языка, и в частности паремиологический корпус, поскольку именно пословицы, поговорки, афоризмы, будучи концентрированным выражением народной мудрости, наиболее репрезентативно отражают этнический менталитет и аксиологические доминанты.

Как в итальянском, так и в белорусском языках пословицы, поговорки, афоризмы, в зависимости от типа дискурса, очень важны и используются довольно часто. В качестве материала исследования были отобраны в основном современные афоризмы, часто встречающиеся в образовательных и мотивационных материалах и распространенные в современной итальянской и белорусской культурах, которые находятся в общем доступе в Интернете. При помощи сопоставительного анализа изучим некоторые из них, в которых используется лексема *книга*, выявим универсальные и культурно-специфические черты через сравнение метафорических моделей и аксиологических оценок. Лингвокультурологический анализ поможет осуществить интерпретацию пословиц с учетом исторических факторов и фольклорных традиций.

В итальянском языке есть выражение *Non giudicare il libro dalla copertina* ('не суди книгу по обложке') – к слову, в белорусском языке существует полный аналог данной народной мудрости – *не судзі аб кнізе па вокладцы* – оно представляет собой глубокий лингвокультурный феномен, отражающий важнейшие ценности итальянской и белорусской традиций. В основе этой паремии лежит метафорическое противопоставление внешнего вида (обложки) и внутреннего содержания (книги), создающее выразительный дидактический эффект. Лингвистический анализ выявляет характерные особенности: использование императивной формы «не суди» придает выскаживанию категоричный назидательный характер, метонимический перенос (часть вместо целого) превращает обложку в емкий символ внешних про-

явлений, а традиционные для пословиц краткость и ритмическая организованность усиливают запоминаемость и воздействие. В аксиологическом измерении пословица утверждает фундаментальные нравственные принципы итальянской и белорусской культур – безусловный приоритет сущности над формой, необходимость глубокого понимания перед оценкой и предостережение от поспешных поверхностных суждений. Историко-культурные корни этого выражения уходят в традиционное уважение к книжной культуре, переплетаются с христианской этикой, осуждающей внешнюю показную набожность, и отражают народную мудрость, веками предостерегавшую от обманчивой внешности. В условиях современной визуальной культуры и клипового мышления пословица приобретает особую актуальность, выступая своеобразным культурным «противоядием» против стереотипного восприятия и призывая к вдумчивому аналитическому подходу. Универсальность применения этой паремии – к оценке людей, явлений, событий – делает ее мощным инструментом трансляции культурных ценностей. Таким образом, пословица *Non giudicare il libro dalla copertina/не судzi аб кнізе па вокладцы* концентрированно выражает ключевые аспекты обеих ментальностей, сочетающая глубокую метафоричность, четкую нравственную позицию, широкую применимость и эффективную дидактическую форму.

Итальянская пословица *Il libro è un amico silenzioso che parla solo a chi lo sa ascoltare* ('Книга – молчаливый друг, который говорит только с теми, кто умеет слушать') представляет собой глубокий лингвокультурный феномен, отражающий сакральное отношение к книге. В ее основе лежит антропоморфизация книги через метафорический перенос, наделяющий ее характеристиками друга, что создает парадоксальное сочетание признаков: с одной стороны, книга как материальный объект остается молчаливой, с другой – она обретает способность говорить, но лишь при условии активной позиции читателя.

В аксиологическом плане пословица закрепляет важнейшие ценности итальянской культуры: значимость интеллектуального труда, необходимость вдумчивого чтения и диалогическую природу познавательного процесса. Лингвистический анализ выявляет синтаксический параллелизм, противопоставляющий части сложноподчиненного предложения, глагольную полифонию (диалектическое единство молчания и говорения) и специфическую структурную модель, где книга выступает как субъект, обращенный к читателю-адресату при условии его готовности к восприятию.

В современном цифровом контексте эта пословица приобретает новое звучание, противопоставляя поверхностному скроллингу практику глубинного чтения, а информационному шуму – осмысленный диалог с текстом. Таким образом, данная паремия концентрированно выражает характерную для итальянской культуры гносеологическую традицию, где познание понимается как двусторонний процесс, требующий интеллектуальных усилий от читателя.

Белорусские пословицы – *адна кніга тысячу людзей вучыць и з кнігай павядзешся – разуму набярэшся* – схожи по смыслу и раскрывают дидактическую и познавательную функцию книги в народной картине мира. Первая пословица *адна кніга тысячу людзей вучыць* акцентирует универсально-поучительный характер книги через гиперболизацию («тысячу людзей»), подчеркивая ее социально-педагогическое значение как коллективного наставника. Грамматически эта идея выражена через противопоставление единственного числа («адна кніга») и множественного («тысячу людзей»), что создает эффект масштабного воздействия.

Вторая пословица *з кнігай павядзешся – разуму набярэшся* развивает эту тему на индивидуально-личностном уровне. Глагольные конструкции «павядзешся – набярэшся» образуют причинно-следственную связь, где процесс общения с книгой («павядзешся») закономерно приводит к приобретению разума («разуму набярэшся»). Обе пословицы объединяет представление о книге как источнике мудрости, динамическая модель взаимодействия (обучение/приобретение), количественное измерение эффекта (массовость/индивидуальность).

Культурологически эти паремии отражают характерное для белорусской традиции уважительное отношение к книге как хранителю и транслятору знаний. В современном контексте они сохраняют свою актуальность, напоминая о ценности чтения в эпоху цифровых технологий.

Un libro aperto è un amico che aspetta di essere letto ‘открытая книга – это друг, ожидающий прочтения’: в рамках лингвокультурологического исследования данное итальянское выражение представляет значительный научный интерес как пример антропоморфизаций культурного объекта в языковом сознании. Крылатое выражение демонстрирует характерное для итальянской традиции персонифицированное отношение к книге, что проявляется через использование антропоморфной метафоры (*amico* – ‘друг’), глагольной формы *aspetta* (‘ожидает’), приписывающей книге человеческие качества, и конструкции с придаточным цели («*che aspetta di essere letto*»), создающей образ активного ожидания. Сравнительно-сопоставительный анализ показывает существенные отличия от белорусских пословиц о книге: если в белорусской традиции чаще акцентируется мудрость или ценность книги, то итальянский вариант подчеркивает идею доступности знания (*aperto* – ‘открытый’), диалогический характер взаимодействия с книгой и временной аспект («*aspetta*»), подразумевающий терпение и готовность к диалогу.

Лингвистический анализ выявляет особенности грамматической структуры пословицы: использование настоящего времени (*aspetta*) создает эффект вневременной истины, пассивная конструкция «*di essere letto*» акцентирует роль читателя, а ритмическая организация усиливает запоминаемость высказывания. В аксиологическом плане данное выражение транслирует важные для итальянской культуры ценности: культ межличностных отношений (книга как друг), значимость терпеливого, вдумчивого подхода к знанию и идею взаимности в интеллектуальном процессе.

В контексте современной цифровой эпохи выражение приобретает новое звучание, выступая как своеобразный культурный антипод преобладающим тенденциям: она противопоставляет мгновенному доступу к информации ценность неторопливого познания, а поверхностному чтению – идею осмыслиенного диалога с текстом. Таким образом, данная паремия представляет собой концентрированное выражение характерных особенностей итальянского лингвокультурного сознания, где знание персонифицируется и эмоционализируется, а также подчеркивается активная роль читателя.

В белорусской лингвокультуре существует весьма похожая на итальянскую пословица – *добрая книга – лепшы сябар*. Сопоставительный анализ итальянского выражения *un libro aperto è un amico che aspetta di essere letto* и близкой ему белорусской фразы позволяет выявить как общие культурные константы, так и специфические особенности восприятия книги в данных лингвокультурах. Обе пословицы объединены использованием антропоморфной метафоры, представляющей книгу в образе друга (итал. «amico», бел. «сябар»), что свидетельствует о схожем восприятии книги как субъекта взаимодействия. Однако при более детальном рассмотрении обнаруживаются существенные различия в акцентах и смысловых нюансах.

Итальянская пословица акцентирует динамику взаимодействия с книгой, где ключевым становится глагол *aspetta* ('ожидает'), создающий образ активного ожидания. Упоминание открытости книги (*«aperto»*) символизирует доступность знания, но при этом подчеркивает необходимость читательских усилий. Временной аспект, выраженный через конструкцию *«che aspetta di essere letto»*, выдвигает на первый план идею диалога, требующего временных затрат и осознанного подхода. В отличие от этого, белорусский вариант сосредоточен на качественной характеристике книги (*«добрая»*) и ее неизменной ценности как *«лепшага сябра»*. Здесь книга предстает не как ожидающий собеседник, а как уже состоявшийся лучший спутник, что подчеркивает ее безусловную значимость вне зависимости от момента актуального чтения.

Культурные особенности данных пословиц отражают глубинные различия в восприятии книги. Итальянский вариант, с его акцентом на процессе чтения и диалогичности, перекликается со средиземноморской традицией медленного, вдумчивого познания, где ценность имеет именно взаимодействие с текстом. Белорусская же пословица, в характерной для восточнославянской традиции манере, делает акцент на сакральном статусе книги как хранительницы мудрости, где важна прежде всего ее внутренняя ценность, а не момент актуализации через чтение.

Таким образом, при общем высоком статусе книги в обеих культурах, итальянская традиция подчеркивает процессуальность познания и необходимость диалога с текстом, в то время как белорусская акцентирует абсолютную ценность книги как носителя мудрости. Эти различия могут быть связаны с особенностями культурного восприятия времени и знания: динамичной и диалогичной итальянской моделью, с одной стороны, и более статичной, сакрализующей знание белорусской традицией – с другой.

В белорусской и итальянской лингвокультурах имеет место еще по одной пословице, которые их сближают: *кніга – маленькае акенца, праз яго ўвесь свет бачны* и *i libri sono le chiavi del mondo* ‘книги – ключи к миру’. Сопоставительный анализ этих пословиц позволяет выявить как общие черты, так и культурно обусловленные различия в восприятии книги в данных лингвокультурах. Обе пословицы объединены общей метафорической концепцией книги как инструмента познания мира, однако реализация этой идеи имеет существенные различия. Так, в белорусской пословице используется визуальная метафора окна («акенца»), где прилагательное («маленькае») создает эффект концентрированности знания, а эпитет «увесь свет бачны» расширяет перспективу до глобальных масштабов. Такой образ подчеркивает созерцательный характер познания, где книга выступает медиатором между читателем и миром.

В свою очередь в итальянской пословице, напротив, представлена метафора ключей («chiavi»), акцентируется активная, преобразующая функция книг. Множественное число «libri» указывает на кумулятивную природу познания, требующего обращения к различным источникам. Отсутствие глагольной формы придает высказыванию характер вневременной истины, а лаконичность и абстрактность типичны для романских языков. Этот образ подчеркивает инструментальную природу познания, где книги выступают средством доступа к миру.

Культурологические корни этих образов различны: белорусская метафора с большой долей вероятности восходит к православной иконографической традиции, где окно символизирует границу между земным и небесным, в то время как итальянский образ ключей имеет античные корни. В аксиологическом плане обе пословицы утверждают ценность книги, но делают это по-разному: белорусская – через идею всеохватности («увесь свет»), итальянская – через концепт доступа (*chiavi del mondo* – ‘ключи к миру’).

В современном цифровом контексте обе пословицы приобретают новое звучание: белорусский образ окна перекликается с концепцией «окна в мир» в компьютерных интерфейсах, а итальянская метафора ключей ассоциируется с современными технологиями доступа к информации. Однако при этом сохраняется их принципиальное различие: созерцательность белорусской модели противопоставлена деятельностному началу итальянской.

Весьма интересным является факт наличия в белорусской лингвокультуре пословиц с лексемой *книга*, которые имеют негативную коннотацию. Анализ таких паремий позволяет выявить важные особенности восточнославянского восприятия книги как культурного феномена. Речь идет о таких белорусских пословицах, как *іншая кніга ўзбагачае, а іншая – са шляху спакушае* и *кніга кнігай, а мазгамі рухай*. Эти паремии демонстрируют сложное, неоднозначное отношение к книге, существенно отличающееся от преимущественно позитивных итальянских аналогов.

Первая пословица, построенная на бинарной оппозиции «ўзбагачае/ спакушае», отражает глубоко укорененное в славянской культуре представление о двойственной природе книжного знания. С одной стороны, признается способность книги духовно обогащать читателя, с другой – подчеркивается ее потенциальная опасность как источника ложных идей.

Вторая пословица акцентирует активную роль читателя в процессе познания. Императивное «мазгамі рухай» подчеркивает необходимость критического осмысления прочитанного, выступая против пассивного, некритического восприятия текста.

Сравнительный анализ показывает, что в итальянской паремиологической традиции подобные критические мотивы практически отсутствуют. Итальянские выражения о книгах (*i libri sono ali per la mente* ‘книги – крылья для ума’, *leggi per vivere* ‘читай, чтобы жить’) демонстрируют неизменно позитивное отношение к чтению, акцентируя его развивающую и гуманизирующую функцию.

Таким образом, исследование выявило существенные различия в восприятии книги в белорусской и итальянской традициях. Белорусские пословицы демонстрируют более сложную модель взаимодействия с текстом, сочетающую ценностный отбор и активную интеллектуальную позицию читателя. При общем признании книги как средства познания, белорусская традиция акцентирует созерцательно-визуальный подход, тогда как итальянская – активно-инструментальный. Эти различия отражают глубинные особенности национальных картин мира.

Сопоставительный анализ открывает новые направления в изучении паремиологических систем, в частности культурно-специфических моделей репрезентации знания. Это может внести вклад в межкультурную лингвистику и когнитивные исследования фольклора, углубляя понимание роли книги в культурном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик: словари и энциклопедии. Учебный словарь стилистических терминов: паремия. – URL: <https://stilistics.academic.ru/477/%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 13.06.2025).
2. Академик: словари и энциклопедии. Учебный словарь стилистических терминов: паремия. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/920738> (дата обращения: 13.06.2025).
3. Академик: словари и энциклопедии. Учебный словарь стилистических терминов: паремия. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1593069>. (дата обращения: 13.06.2025).
4. Бредис, М. А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М. А. Бредис, М. С. Димогло, О. В. Ломакина // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка.

- Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 265–284. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremii-v-sovremennoy-lingvistike-podhody-k-izucheniyu-tekstoobrazuyuschiy-i-lingvokulturologicheskiy-potentsial/viewer> (дата обращения: 13.06.2025).
5. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкоznанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 396 с.
 6. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – URL: <http://www.philology.ru/lingistics1/zvegintsev-60a.htm> (дата обращения: 13.06.2025).
 7. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and Universals (St. In Classification Data Analysis) / A. Wierzbicka. – 1st ed. – N. Y. : Oxford University Press, 1996. – 512 p.

Поступила в редакцию 27.06.2025

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК [811.133.1'27+808.51/.53]:32

Бондарчук Лариса Григорьевна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры лексикологии
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Larissa Bandarchuk
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Lexicology of the French Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lorabond@mail.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

A NEW PARADIGM IN FRENCH POLITICAL RHETORIC

В статье проводится интенциональный и лингвистический анализ новой политической риторики французских СМИ, сформированной во временном промежутке между победой Д. Трампа на последних президентских выборах и его официальным вступлением в должность. Выявлены интенциональные установки по отношению к уже заявленным и предполагаемым программам внешней и внутренней политики нового американского президента, представленного в рамках опасного мифологического архетипа. Данные целевые установки реализованы комплексом разнообразных лингвистических средств с общим семантическим множителем критической реакции и негативной оценки.

Ключевые слова: *политическая риторика; интенциональная установка; мифологический архетип; отрицательная коннотация; ярлык; семантическая диффузность.*

The article deals with the intensional and linguistic analysis of the new political rhetoric of the French media, formed in the time interval between D. Trump's victory in the last presidential election and his official entering the office. Intentional attitudes towards the already declared and supposed programmes of foreign and domestic policy of the new American president presented within the framework of the dangerous mythological archetype are revealed. These given target attitudes are achieved by a complex of various linguistic means with a common semantic multiplier of critical reaction and negative evaluation.

К e y w o r d s : *political rhetoric; intentional attitude; mythological archetype; negative connotation; label; semantic diffusion.*

Риторическая наука в настоящее время приобрела «прикладное» значение. Так, слово *риторика* в языке печатных СМИ XXI века обозначает ‘обязательный элемент публичного общения’, ‘инструмент в борьбе за общественное мнение’ [1]. В предлагаемой статье новая семантика вышеуказанного слова реализуется в полной мере.

Победа Д. Трампа на президентских выборах 5 ноября 2024 года и его возвращение в Белый Дом обозначили коренной перелом внутренней и внеш-

ней политики для многих стран, в том числе для Франции. Промежуток с 5 ноября 2024 года по 20 января 2025 года, когда Д. Трамп официально вступил в должность президента США, стал для французских СМИ периодом поиска и пробы новых политических нарративов, исследование которых составляет актуальность предпринятого исследования, поскольку в его фокусе находятся способы языковой объективации новейших политических событий с новыми интенциональными и персузтивными установками.

Предпринимаемый анализ проводится с позиций политической лингвистики с целью выявить языковые средства, с помощью которых формировалась повестка дня в указанный временной отрезок и вырабатывались доминанты, чтобы сформировать «нужное», а именно негативное, общественное мнение касательно новой американской политики.

В качестве эмпирического материала использованы статьи, посвященные избранию Д. Трампа на пост президента США, из французского еженедельника «Le Point» (09.11.2025), а также из ежедневных газет «Le Figaro» (11.11.2024, 10.01.2025) и «L'Opinion» (20.01.2025), номера которых вышли в период между 5 ноября 2024 года и 20 января 2025, когда наступление новой политической эпохи уже было провозглашено, но без подробной конкретики. Содержательная специфика данной выборки состоит в том, что она имеет одновременно констатирующий, прогностический, личностный и полифонический характер. Методологию предпринимаемого исследования составляют метод контент-анализа и антропологически ориентированный интенциональный метод.

Статьи указанного периода совмещают характеристики новостного и публицистического политического дискурса, поскольку новость о возвращении Д. Трампа в Белый Дом сама по себе «напрашивалась» на комментарии и оценки, особенно при ее проекции на мировую и национальную политическую и экономическую реальность. Реализация указанной цели осуществлялась путем использования теории мифологических архетипов К. Пирсон, из которых для представления Д. Трампа наиболее подходящим оказался архетип Бунтаря, воплощающий такие стереотипы поведения как стремление к переменам, желание и способность разрушать, изменять старое для введения нового, что может иметь как положительный (толчок для развития), так и негативный (разрушение, агрессия) результат [2]. Данная трактовка образа Д. Трампа была выстроена с использованием разнообразных языковых ресурсов, отмеченных особыми денотативной и коннотативной составляющими. Прежде всего, имеется в виду прямая номинация: 47 президента США представляют как персону, вошедшую <...> *au panthéon des présidents mythiques de l'Amérique*» [3] ‘<...> в пантеон мифических президентов Америки’. Далее следует восходящая градация, усиливающая смысловое и эмоционально-экспрессивное значение использованной номинации. *Si tous les êtres humains sont, par leur nature même, des acteurs sociaux, Donald Trump semble l'être encore davantage. En ce sens, il est une sorte de surhumain. La tentative d'assassinat l'a fait entrer dans une*

autre dimension, tout en renforçant le côté messianique de sa campagne [3] ‘Если все люди по своей природе являются социальными субъектами, то Дональд Трамп, похоже, является тем более таковым. В этом смысле он своего рода сверхчеловек. Покушение перевело его в другое измерение, одновременно усилив мессианскую сторону его кампании’. Обращаем внимание на манипуляцию, состоящую в указании причины, она не связывается напрямую с называемым следствием: чтобы никакой, даже самый любопытный, читатель не задался вопросом, почему этот мифологический президент проиграл выборы 2021 года; соединяется реальное событие, *la tentative d’assassinat* ‘попытка покушения’, *la blessure miraculeuse* ‘чудодейственная’ рана и ее результат: внезапно появившиеся мифологические качества Д. Трампа. В представленном контексте ясно прочитывается интенция адресантов считать покушение силой, пробудившей сверхчеловеческие, мессианские качества нового президента, которые обеспечили ему победу во второй раз, поскольку такая трактовка позволяет ответить на вопрос, почему ему удалось выиграть президентские выборы во второй раз, и тогда не нужно анализировать его предвыборные программы, снимать ответственность с проигравшей стороны, которую активно поддерживали французские политики.

Чтобы сильнее напугать французского обывателя, дана серия причастий, характеризующих недавнее прошлое избранного президента США, который хоть и мифологический персонаж, но *deux fois destitué, quatre fois inculpé, condamné et menacé de la ruine et de la prison* [4] ‘дважды подвергнутый импичменту, четыре раза обвиненный, осужденный и находившийся под угрозой разорения и тюрьмы’. Все четыре причастия содержат отрицательную, даже криминальную, коннотацию, благодаря которым создается эффект прогнозирования нежелательной для адресата деятельности представляемого человека уже в должности президента. Данные характеристики не преувеличены, они действительно относятся к недавнему прошлому Д. Трампа, но опущена конкретика: лукаво не указаны причины, по которым возникли описанные ситуации, что не оставляет никаких шансов для не особенно компетентного читателя, чтобы усомниться в их реальности, очевидность которой усиlena числительными. К грамматическим средствам создания негативного образа Д. Трампа относим стилистическое употребление неопределенного артикля: *Donald Trump rêve d’avoir enfin un Washington à son image* [5] ‘Дональд Трамп мечтает, наконец, сформировать Вашингтон по своему образу’. При помощи неопределенного артикля перед именем столицы США делается намек на какие-то планируемые кардинальные изменения американской столицы, а значит и страны в целом, которые обусловлены мифологической сущностью и взрывным характером этого человека. Для нагнетания тревожных ожиданий французские журналисты прибегают к прецедентным именам, символизирующими двуличие, которое якобы свойственно Д. Трампу. В этом качестве выступает имя двуликого бога древнеримской мифологии Януса, который в современном мире воплощает лицемерие: *Trump est, comme Janus, un dieu politique à deux têtes* [6] ‘Трамп как Янус,

двуликий политический бог'. Данное предостережение усиливается также национально маркированной ссылкой на басню Лафонтена «*La Chauve-souris et les Deux Belettes*» 'Летучая мышь и две ласточки' <...> *cette chauve-souris d'une fable de La Fontaine qui se fait passer, tantôt pour une souris, tantôt pour un oiseau* [6] '<...> эта летучая мышь из басни Лафонтена, которая притворяется иногда мышью, иногда птицей'.

Наращивание ощущения опасности, исходящей от Д. Трампа, производится при помощи существительного, стоящего в синтаксической позиции эпитета *président disrupteur américain* '«подрывной, революционный» американский президент'. При наличии однокоренного прилагательного *distructif* 'разрушительный' предпочтение отдается существительному *disrupteur*, которое используется в роли ярлыка, при помощи него суммируются уже будто бы проявленные качества, обозначаемые прилагательным и в полной мере соответствующие его мифологической сущности. *Se dit de quelque chose ou quelqu'un qui rompt complètement avec ce qui était jusque-là communément admis (idées, usages, manières de faire, etc.), dans un domaine donné* 'Тот, кто полностью порывает с тем, что до этого было общепринятым (идеями, обычаями, способами ведения дел и т. д.) в данной области' [7].

Прогностическая характеристика, которая может быть отнесена к любой сфере президентской деятельности в ближайшие четыре года,дается при помощи прилагательных в сравнительной степени по отношению к первому мандату *plus virulent et plus conflictuel* [5] 'более жестокий и более конфронтационный'. Представленные качества в данном контексте не соотносятся с каким-либо конкретным их проявлением, что позволяет каждому читателю рисовать свой портрет в рамках личностных негативных коннотаций с разной степенью интенсивности указанного свойства.

Наряду с внушающей тревогу оценкой качеств Д. Трампа еще большее беспокойство вызывают предположения о нераскрытых замыслах 47 президента США, которые называются абстрактными существительными, в сочетании с широкозначными прилагательными: *les ambitions impériales* 'имперские амбиции', *revendications extravagantes* 'экстравагантные требования', *vision particulière du monde et des relations internationales* [6] 'особое видение мира и международных отношений'. В данном случае можно говорить о семантической диффузности как парадигматической, так и синтагматической номинации, поскольку используются и комбинируются денотативно свободные лексические единицы с нечеткой семантической структурой. Такой же расплывчатой семантикой обладает метафорический эпитет, относящийся к намерениям Д. Трампа: *les intentions pourtant encore bien brumeuses* [7] 'намерения пока еще очень туманны'. Семантически пустым является эпитет *chaotique* 'хаотичный', использованный в прогнозе, касающемся эффективности новой государственной органиграммы Д. Трампа. *Selon les analystes, au lieu de renforcer l'agilité de la diplomatie, cet organigramme multicéphale risque de générer un fonctionnement chaotique* [5]. 'По мнению аналитиков, вместо повышения гибкости дипломатии такая многоглавая

организационная структура рискует породить хаотическое функционирование'. Отметим классический манипулятивный прием отсутствия сведений об аналитиках, на мнения которых ссылаются.

Эмотивное пространство проанализированных статей наполнено экспрессивно-оценочными метафорами. Так, в контексте о возможных территориальных присоединениях в предложении *En évoquant la possibilité de nouveaux agrandissements, Trump ajoute aux considérations stratégiques l'œil du promoteur immobilier* [8] 'Говоря о возможности новых расширений, к стратегическим соображениям Трамп добавляет внимание застройщика' избранный президент США сравнивается с *promoteur immobilier* 'застройщиком', посредством чего выражается отрицательная пренебрежительная, пейоративная оценка предполагаемой деятельности нового президента. К пейоративам относим также метафору *le futur locataire de la Maison-Blanche* [10] 'будущий арендатор Белого Дома', посредством которой намекают на нелегитимность победы Д. Трампа. Высшей степенью страха и ужаса отмечена метафора, при помощи которой приближающейся День инаугурации называется *le jour du jugement dernier* [11] 'судный день', в который, по мнению французских журналистов, после официального вступления в должность президент рассчитается со всеми своими критиками, причем способом, еще более повышающим градус устрашения. Речь идет о метафорическом использовании словосочетания *prendre une baffe* [5] 'дать пощечину' и существительного *carnage* [11] 'бойня' как способах реализации намерений Д. Трампа, которые нацелены только на *vengeance* 'месть' и в которые читатель легко поверит, ознакомившись со списком «обид» (к примеру, налоговые намерения Д. Трампа), создающих еще один убедительный контекст для усиления беспокойств и страхов с помощью метафорической восходящей градации от пощечины к бойне.

Чтобы уравновесить агрессивность при представлении Д. Трампа и создать впечатление объективности, в его характеристику включаются качества, с первого взгляда, позитивные или нейтральные, например, *personnage hors norme* 'исключительный персонаж', но они вставляются в контекст, в котором возможна как положительная, так и негативная интерпретация. *Le républicain a promis de changer la politique et de transformer les structures mêmes du pouvoir. Personnage hors norme* [4] 'Республиканец пообещал изменить политику и трансформировать сами структуры власти. Исключительный персонаж'. Такими же контекстно диффузными являются словосочетания *avoir carte blanche* [5] 'иметь полную свободу действий', *faire souffler un vent nouveau* [Там же] 'произвести изменения'.

Причины победы Д. Трампа объясняются не только его мифологической сущностью, одновременно признается слабость политики Европы, таким образом реализуется намерение создать впечатление правдивости и самокритичности повествования, которое можно прокомментировать как использование тактики «повинную голову меч не сечет», формулируемой также весьма изобретательно, лукаво и манипулятивно. Ключевым в рамках данной темы является словосочетание, передающее очень высокую степень испуга

европейских структур как реакцию на избрание Д. Трампа *l'affolement européen* [12] ‘европейская паника, ужас’, объективируемая очень эмоциональным образом: *se taper la tête contre les murs* [Там же] ‘биться головой о стену’. Находим также существительные, прилагательные с семантикой остстрой негативной оценки деятельности французских властей: *L'impréparation de l'Europe au retour de Donald Trump est tout simplement indécente* [Там же] ‘Неготовность Европы к возвращению Дональда Трампа просто неприлична’; *Le bilan est pathétiquement faible* [Там же]; ‘Баланс жалок’; *Repenser à ces dernières années est une source infinie d'amertume* [Там же] ‘Оглядываться назад на последние годы – это бесконечный источник горечи’, которые описывают критическое восприятие прихода Д. Трампа к власти многими европейскими лидерами. Для усиления данной коммуникативной установки прибегают к числительному *Europe, année zero* [Там же] ‘Европа, нулевой год’, смысл которого усугубляет горечь комментариев. Признание вины французских политиков формулируется также изобретательно и манипулятивно: путем констатации провалов без называния тех, кто их допустил; обходятся топонимами (как в вышеприведенном примере), личными, нереферентными в представленных контекстах местоимениями: *Nous n'avons pas su ou pas voulu comprendre le rythme, accordé aux vibrations accélérées d'une ère nouvelle* [Там же] ‘Мы не смогли или не захотели понимать ритм, настроенный на ускоренные вибрации новой эпохи’. В качестве ярлыка, называющего провальную политику Европейского Союза, которая спровоцировала вышеуказанную реакцию паники, французские журналисты использовали очень яркую национально окрашенную номинацию: слово *le cigalisme* [Там же] как всем известное прецедентное имя, связанное с басней Лафонтена *La cigale et la fourmi* ‘Стрекоза и муравей’ и символизирующее беспечность, беззаботность, которые приводят к роковым последствиям. Показателем кардинального изменения тональности и новой лексической избирательности анализируемого политического нарратива является полное отсутствие англизмов, за исключением слова *deal* ‘сделка’, уже ставшего интернациональным и используемым как ярлык в отношении капиталистической сути Д. Трампа. Более того, даже ругательства американского президента, приведенные как доказательства его невысокой вербальной культуры, даются в переводе на французский язык, чтобы читатели в полной мере ощутили и осудили грубость американского президента.

Таким образом, очевидно, что в рассмотренный временной период во французских СМИ сформировалась откровенно агрессивная риторика, объектом которой является как сам американский президент, сумевший дважды добиться президентского мандата, так и его программы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что основная интенция рассмотренного политического нарратива состоит в подготовке целевой публики, т. е. населения Франции, к ухудшению экономической ситуации, причиной которого является приход в США нового/другого/бывшего президента, а не политическая деятельность самого французского истеблишмента. Содержательно представленная информация «уложена» в матрицу мифологического архетипа, обладающего мощ-

ными разрушительными свойствами и направленными на уничтожение старого и возведение нового, чему невозможно противиться и что, следовательно, снимает ответственность за французскую политику предшествующего периода. Интенции коллективного адресанта, направленные на формирование негативного отношения к самому Д. Трампу, к его программам реализовались целым комплексом персузивных, оценочных языковых средств, среди которых доминируют лексические единицы с эмоционально окрашенными значениями, с пустой, абстрактной, широкозначной семантикой, а также разнообразные способы интенсификации и генерализации негативной оценки, что в совокупности позволило создать агрессивный нарратив с критической оценкой обсуждаемой ситуации и ее главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева, Л. А. Новые значения старых слов: к вопросу о статусе слова «риторика» / Л. А. Гусева, Л. В. Ухова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-znacheniya-staryh-slov-k-voprosu-o-statuse-slova-ritorika>. (дата обращения: 07.05.2025).
2. АдТ, А. Архетипы Юнга и архетипы Пирсон / А. АдТ. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/84962> (дата обращения: 17. 02. 2025).
3. Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/espace-pourquoi-l-amerique-innove-quand-l-europe-pietine-10-11-2024-2574919_24.php (date of access: 18.02.2025).
4. Le Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/etats-unis-trump-tout-puissant-20241110> (date of access: 16.02.2025).
5. L'Opinion. – URL: <https://www.lopinion.fr/international/donald-trump-reve-davoir-enfin-washington-a-son-image> (date of access: 17.02.2025).
6. Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/phrases-courtes-syntaxe-hasardeuse-vocabulaire-pauvre-les-secrets-de-la-rhetorique-trump-08-11-2024-2574727_24.php (date of access: 21.02.2025).
7. Larousse: dictionnaire en ligne. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/disruptif/25982#:~:text=1.,en%20renouvelant%20radicalement%20son%20fonctionnement/> (date of access: 17.02.2025).
8. Le Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/groenland-panama-les-visees-expansionnistes-de-donald-trump-20250109> (date of access: 19.02.2025).
9. Le Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-donald-trump-face-aux-illusions-de-la-paix-facile-20250109> (date of access: 10.02.2025).
10. Le Figaro. – URL: <https://kiosque.lefigaro.fr/catalog/le-figaro/le-figaro/2025-01-10> (date of access: 19.02.2025).
11. L'Opinion. – URL: www.lopinion.fr/international/investiture-de-trump-lheure-de-la-revanche (date of access: 10.02.2025).
12. Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/editos-du-point/europe-annee-zero-09-11-2024-2574832_32.php (date of access: 19.02.2025).

Поступила в редакцию 05.03.2025

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Julia Petrakova

PhD in Philology, Associate Professor
Post-PhD Researcher
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
juliapetrakova0887@gmail.com

ПРОИЗВОДЯЩИЕ ПОЛЯ В СИСТЕМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

DERIVATIVE FIELDS IN THE SYSTEM OF NOUNS IN THE GERMAN LANGUAGE

Лексическая система языка является источником единиц, способных участвовать в словообразовании для порождения новых наименований. На материале немецкого языка установлено, что наряду со словообразовательно активными единицами существует подсистема не востребованных в данном номинативном процессе лексем. Раскрываются факторы формирования производящих полей и словообразовательно пассивной части лексической системы, устанавливается нежесткий характер ограничений, накладываемых на использование единиц в качестве производящих баз.

Ключевые слова: *номинация; словообразование; лексико-семантическая группа; производящая единица; производная единица.*

The lexical system of a language is a source of units capable of participating in word-formation to generate new names. Based on the material of the German language, it has been established that, alongside the units that are active in word-formation, there exists a subsystem of lexemes not involved in this nominative process. The factors contributing to the formation of derivational fields and the word-formation-passive part of the lexical system are explored, demonstrating the flexible nature of the restrictions on the use of units as derivational bases.

Key words: *naming; word-formation; lexico-semantic group; derivational unit; derived unit.*

Поиск подходящего имени для наречения результатов познания окружающего нас мира включает, как известно, целый ряд процедур, сопряженных с выбором языковой формы для репрезентации новых элементов опыта. Словообразование как один из ведущих способов номинации предполагает использование уже имеющихся в языке элементов для порождения нового имени – в этом процессе могут участвовать, по сути, все слова, выступая в качестве производящих баз, или источников номинации. Однако в действительности некоторые единицы не вовлекаются в словообразовательный акт: еще в 1967 г. Б. Н. Головин предложил термин «производящее семантическое поле» для обозначения суммы лексических значений производящего ряда, задействованных словообразованием [1], что также подразумевает существование множества лексем, которые остаются вне сферы дей-

ствия словообразования¹. Даже окказиональная номинация, располагая потенциально весьма широкими возможностями, на деле оказывается «скованной» словообразовательными правилами и требованиями семантической прозрачности [2, с. 126]. В этой связи необходим поиск закономерностей, объясняющих языковое поведение лексических единиц в словообразовательном процессе, включая их деривационную пассивность. Определение активной и пассивной частей словарного состава и факторов формирования этих частей позволит во всей полноте представить словообразовательные возможности лексической системы языка. Предлагаемое исследование проводится на материале одного из ядерных классов слов – имен существительных – и направлено на определение объема и закономерностей реализации их производящего потенциала в современном немецком языке.

Достижение поставленной задачи предполагает обращение ко всей совокупности имен существительных, однако, учитывая широкую представленность единиц данной части речи в немецком языке (более 75 % словарного состава, или, по самым скромным подсчетам, 225 тыс. единиц [4]), важно отметить масштабность подобного исследования, которое в связи с этим может требовать коллективного труда или же поэтапного рассмотрения разных пластов лексики в системе имен существительных. Избрав второй путь, мы должны, ввиду широты проблемной области, сузить ее по релевантным для исследования параметрам. Проводимый анализ направлен на выявление производящих единиц как источников номинации, чье содержание индивид использует в качестве когнитивной опоры для порождения нового наименования. По этой причине ключевым параметром для отбора лексических единиц должны стать их содержательные характеристики.

Говоря о статусе семантических признаков, которые составляют содержательную сторону словесного знака, следует подчеркнуть, что эти признаки «различаются по степени абстракции и связанной с этим широте представленности в значениях отдельных слов» [5, с. 79]. Внутри частей речи как семантических суперкатегорий слова объединяются в лексико-грамматические разряды на основании субкатегориальных компонентов значения, которые близки категориальным семам, уточняют их и потому также являются достаточно общими. Лексико-грамматические разряды, в свою очередь, охватывают множество лексико-семантических групп, включающих слова с общими категориально-лексическими признаками. В стремлении избежать атомизма и списочности или, наоборот, излишней обобщенности при описании производящего потенциала единиц мы ориентируемся на

¹Начиная свой поиск со словообразования как основного способа порождения лексических единиц в немецком языке [3, S. 2], мы понимаем, что наиболее полно картина выбора языковых единиц для вторичного использования с целью наречения может быть воссоздана при обращении к другим способам номинации – прежде всего, семантической и фразеологической деривации. Описание факторов, влияющих на востребованность лексических единиц в данных номинативных процессах, открывает широкие перспективы для выявления закономерностей актуализации деривационного потенциала лексики.

лексико-грамматические разряды имен существительных и далее лексико-семантическую группу (ЛСГ), или лексическое поле, как один из ведущих классификационных типов при системном описании словообразования.

В грамматике немецкого языка существительные традиционно разделяются на имена собственные и имена нарицательные, которые, в свою очередь, охватывают конкретные и абстрактные имена [6, S. 230]. Признавая важность и перспективность исследования деривационного поведения имен собственных, связанного с процессом их деонимизации, или апеллятивации, на данном этапе анализа мы сосредоточим внимание на конкретных и абстрактных именах существительных. Следует отметить, что, в отличие от признаваемого большинством лингвистов деления на конкретные и абстрактные (отвлеченные) имена, дальнейшая дифференциация конкретной лексики трактуется немецкими исследователями по-разному. Так, в грамматике Г. Хельбига и Й. Буша конкретные имена существительные представлены такими микросистемами, как названия исчисляемых (дискретных) сущностей (*zählbare Individuativa*), веществ (*Stoffnamen*) и множеств (*Kollektiva*) [6, S. 230]. Грамматика Дуден, напротив, относит собирательные имена к абстрактным наименованиям [7, S. 698]. Не ставя перед собой задачу более глубокого анализа собственно языковых, когнитивных и философских оснований для семантической субкатегоризации имен существительных, отметим, что ориентация на основные лексико-грамматические разряды уже позволяет в некоторой степени дифференцировать большую семантическую емкость и неоднородность единиц данной части речи.

Следующий шаг при отборе эмпирического материала предполагает выделение лексико-семантических групп внутри каждого лексико-грамматического разряда имен существительных. Многочисленные работы, посвященные моделированию деривационных процессов, свидетельствуют об эффективности и целесообразности рассмотрения производящих и производных единиц с позиции их лексико-семантической отнесенности. Вместе с тем необходимо отметить те трудности, с которыми сопряжена идентификация лексико-семантических характеристик слова, – это и диффузность границ между лексическими категориями, и разный уровень их выделения, и возможность вхождения одной и той же единицы «в разные семантические области вследствие распространенности своего значения, т.е. наличия связей со значениями других слов по двум или нескольким линиям» [8, с. 175]. Таким образом, важность и необходимость семантической классификации лексики в дериватологии не отменяют некоторой условности и субъективности подобного распределения.

Материал исследования составили следующие лексические классы немецкого языка: «Наименования частей тела», «Наименования растений», «Наименования животных», «Наименования орудий труда», «Наименования полезных ископаемых», «Наименования жидкостей», «Наименования интеллектуальных феноменов», «Наименования проявлений психики». Выбор данных объединений в качестве объекта анализа продиктован следующими

соображениями. Наименования частей тела, растений, животных и орудий труда входят в разряд конкретных имен исчисляемых сущностей, наименования жидкостей и полезных ископаемых относятся к вещественным именам, а существительные, обозначающие интеллектуальные феномены и проявления психики, являются абстрактными наименованиями. Итак, эмпирический материал исследования охватывает основные лексико-грамматические разряды имен существительных немецкого языка. Еще одним мотивом выбора данных классов является их прототипический характер для указанных лексико-грамматических разрядов, что подтверждается использованием соответствующих наименований в качестве иллюстративных примеров в грамматиках немецкого языка (см., например, издания Duden, Bertelsmann, Langenscheidt, грамматику Г. Хельбига и Й. Буша и др.).

Отбор лексических единиц немецкого языка, принадлежащих вышеуказанным классам, производился на основе лексикографических данных словаря Ф. Дорнзайффа [9], который охватывает более 107 тыс. слов и представляет собой одну из наиболее глубоких и развернутых семантических классификаций лексики немецкого языка. Как отмечают составители, одним из основных критериев отбора лексики выступает частотность единиц, ограничивающая (но не исключающая полностью) включение в словник терминологической, диалектной, стилистически маркированной лексики [9, S. XIII]. С учетом указанных допущений и ограничений общий объем языкового материала для восьми лексических классов составил 1816 единиц. Их участие в словообразовании определялось на основе данных словообразовательного словаря немецкого языка под ред. Й. Шплетта [10], словаря неологизмов немецкого языка под ред. У. Квастхоффа [11], немецко-русского словаря неологизмов под ред. Д. Штеффенса и О. А. Никитиной [12], а также электронного словаря «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [13]. Необходимо принять во внимание, что представление исчерпывающего перечня всех потенциальных производных слов в словарях маловероятно из-за постоянного изменения лексикона, трудностей фиксации новых слов и семантической прозрачности многих словообразовательных дериватов. Вместе с тем используемые словари, вокабуляры которых охватывают в сумме более 400 000 словарных статей, предоставляют репрезентативную выборку производных и способны послужить надежной базой для обобщений.

Полученные из лексикографических источников сведения свидетельствуют о том, что ни одна из исследуемых ЛСГ не реализует свой деривационный потенциал полностью: в каждом лексическом классе нами зафиксированы единицы, не участвующие в словообразовании (*Blickpunkt* ‘точка зрения’, *Hucke* ‘(диал.) спина’, *Kefir* ‘кефир’, *Kojote* ‘койот’, *Pyrit* ‘(геол.) пирит’, *Schleifstein* ‘точильный камень’, *Zierpflanze* ‘декоративное растение’ и др.). Во всех случаях лексико-семантическая группа охватывает больше лексических единиц, нежели производящее семантическое поле, которое включает от 34,3 % до 76,1 % конституентов лексического класса (таблица). При этом объем производящего поля не находится в прямой зависимости от

количества конституентов ЛСГ. Так, наименования орудий труда, представленные наименьшим количеством единиц, более всего вовлекаются во вторичную номинацию: доля источников словообразования составляет в данной группе 76,1 % от общего количества единиц. В наименьшей степени задействованы наименования животных, которые при этом составляют самую многочисленную группу наименований: лишь 34,3 % конституентов входят в производящее поле данного лексического класса. И напротив, близкие показатели вовлеченности в номинативный процесс зафиксированы для различных по объему ЛСГ («Наименования жидкостей» и «Наименования интеллектуальных феноменов» – 42 % и 41,8 % единиц соответственно; «Наименования частей тела» и «Наименования проявлений психики» – 55,1 % и 54 % единиц соответственно).

Производящий потенциал имен существительных немецкого языка

ЛСГ	Общий объем ЛСГ, ед.	Производящее поле ЛСГ, ед. (%)	Словообразательно пассивная часть ЛСГ, ед. (%)
«Наименования животных»	505	173 (34,3 %)	332 (65,7 %)
«Наименования частей тела»	425	234 (55,1 %)	191 (44,9 %)
«Наименования растений»	294	144 (49 %)	150 (51 %)
«Наименования жидкостей»	242	101 (42 %)	141 (58 %)
«Наименования полезных ископаемых»	110	64 (58,8 %)	46 (41,2 %)
«Наименования интеллектуальных феноменов»	91	38 (41,8 %)	53 (58,2 %)
«Наименования проявлений психики»	78	42 (54 %)	36 (46 %)
«Наименования орудий труда»	71	54 (76,1 %)	17 (23,9 %)

Показатели словообразовательной востребованности единиц в разных лексических классах позволяют предположить, что основной словарный фонд языка, единицы которого характеризуются «устойчивостью, жизненной важностью понятий, выражаемых ими, их общепринятостью, употребляемостью ... и способностью служить базой для образования новых слов [выделено нами. – Ю. П.]» [14, с. 31], входит в деривационно активные части **разных ЛСГ**, т.е. распределен по разным участкам лексической системы, и имеет в некоторых классах максимальную и минимальную представленность. Выявленные закономерности – существование единиц, составляющих

словообразовательно активную и пассивную части во всех исследуемых лексических классах, отсутствие прямой зависимости между объемом лексических классов и их производящих полей – требуют поиска причин, детерминирующих избирательный характер словообразования.

Для решения данной задачи необходимо рассмотреть лингвистические параметры единиц, входящих в состав исследуемых объединений, и выяснить, детерминируют ли они формирование производящих полей и словообразовательно пассивных частей ЛСГ. На основе лексикографических данных была выявлена неоднородность лексических классов с точки зрения характеристик их конституентов. Так, в каждой ЛСГ имеются как простые, так и производные¹ наименования: *Elch* ‘лось’ – *Murmeltier* ‘сурок’, *Haut* ‘кожа’ – *Mundhöhle* ‘ротовая полость’, *Blume* ‘цветок’ – *Doldenblütler* ‘(бот.) зонтичные’, *Wasser* ‘вода’ – *Abwasser* ‘сточные воды’, *Silber* ‘серебро’ – *Feldspat* ‘(геол.) полевой шпат’, *Idee* ‘идея’ – *Gedankenkraft* ‘сила мысли’, *Seele* ‘душа’ – *Gemüt* ‘душа, настроение’, *Axt* ‘топор’ – *Bohrer* ‘сверло’ и др.

Хорошо известно, что на принципиальную возможность использования лексической единицы в словообразовании может оказывать влияние ее производный характер и тем самым предопределять вхождение данной единицы в деривационно пассивную часть лексико-семантической группы. Действительно, некоторая часть массива производных конституентов ЛСГ не участвует далее в словообразовании: *Beuteltier* ‘сумчатое животное’, *Brecheisen* ‘лом’, *Einfallsreichtum* ‘изобретательность’, *Flusswasser* ‘речная вода’, *Schultergelenk* ‘плечевой сустав’, *Tiefengestein* ‘(геол.) глубинные породы’, *Zierpflanze* ‘декоративное растение’. Однако данная закономерность не является строгой: на материале всех имеющихся ЛСГ немецкого языка было установлено, что производные лексические единицы могут выступать источниками словообразования и входить в производящие поля лексических классов:

- 1) «Наименования животных»: *Raubtier* ‘хищник’ > *Raubtierwärter* ‘смотритель за хищниками’, *Wildschwein* ‘дикий кабан’ > *Wildschweinrotte* ‘стадо диких кабанов’;
- 2) «Наименования частей тела»: *Hüftgelenk* ‘тазобедренный сустав’ > *Hüftgelenkentzündung* ‘воспаление тазобедренного сустава’, *Schlagader* ‘артерия’ > *Halsschlagader* ‘шейная артерия’;
- 3) «Наименования растений»: *Blumenkohl* ‘цветная капуста’ > *Blumenkohlröschen* ‘соцветие цветной капусты’, *Knoblauch* ‘чеснок’ > *Knoblauchkröte* ‘(зоол.) чесночная обыкновенная’;
- 4) «Наименования жидкостей»: *Süßwasser* ‘пресная вода’ > *Süßwasserfisch* ‘пресноводная рыба’, *Getränk* ‘напиток’ > *Getränkehersteller* ‘производитель напитков’;

¹Решение о производном / непроизводном характере лексических единиц принималось на основе данных словообразовательного словаря немецкого языка под ред. Й. Шплетта [10].

5) «Наименования полезных ископаемых»: *Braunkohle* ‘бурый уголь’ > *Braunkohleproduktion* ‘производство бурого угля’, *Steinsalz* ‘каменная соль’ > *Steinsalzbergwerk* ‘предприятие по добыче каменной соли’;

6) «Наименования интеллектуальных феноменов»: *Aufmerksamkeit* ‘внимание’ > *Aufmerksamkeitsdefizit* ‘дефицит внимания’, *Gedanke* ‘мысль’ > *Gedankenablauf* ‘ход мыслей’;

7) «Наименования проявлений психики»: *Empfindung* ‘чувство, переживание’ > *empfindungsfähig* ‘чувствительный, восприимчивый’, *Gemüt* ‘душа’ > *gemütsarm* ‘бездушный, холодный’;

8) «Наименования орудий труда»: *Schraubendreher* ‘отвертка’ > *Kreuzschlitzschraubendreher* ‘крестовая отвертка’, *Vorrichtung* ‘приспособление’ > *Beleuchtungsvorrichtung* ‘осветительный прибор’.

Полученные данные о возможности использования производных единиц в качестве источников словообразованияозвучны результатам исследования Э. Тширнера о преобладании среди наиболее частотных имен существительных немецкого языка словообразовательных дериватов, составляющих более 60 % от общего количества единиц [15, S. 239]. Принимая во внимание тот известный факт, что частотные слова активно используются во вторичной номинации, следует подчеркнуть специфику словообразовательной системы немецкого языка, допускающей, прежде всего благодаря словосложению, вовлечение в номинативный процесс производных единиц.

Среди иных лингвистических параметров, способных оказывать влияние на востребованность единиц в словообразовании, исследователи выделяют их этимологические и функционально-стилистические характеристики (на материале немецкого языка такие ограничения (*Bildungsrestriktionen*) подробно освещены в работах М. Д. Степановой, В. Фляйшера, К. Шерер, С. Олсен, Б. Науманна и др.). С этой точки зрения состав исследуемых ЛСГ также неоднороден. Наряду со словами, которые можно квалифицировать как исконные, имеются и заимствования¹: *Aquamarin* ‘аквамарин’, *Instrument* ‘инструмент’, *Intellekt* ‘интеллект’, *Mokka* ‘кофе мокка’, *Physiognomie* ‘внешний вид, лицо’, *Temperament* ‘темперамент’, *Orang-Utan* ‘орангутанг’, *Zypresse* ‘кипарис’ и др. Ориентация на критерий частотности не препятствует, как упоминалось ранее, включению в состав лексических классов терминов и стилистически маркированных слов, которые зачастую образуют пересекающиеся области с заимствованными и производными словами: *Bedecktsamer* ‘(бот.) покрытосеменные’, *Hypothalamus* ‘(анат.) гипоталамус’, *Paarhufer* ‘(зоол.) парнокопытные’, *Protozoon* ‘(зоол.) простейшее’, *Sedimentgestein* ‘(геол.) осадочные породы’, *Trank* ‘(возв.) питье, зелье’, *Wampe* ‘(груб.) живот, пузо’ и др.

¹ При определении этимологических характеристик слова мы опирались преимущественно на данные словарей «Duden – Das Onlinewörterbuch» [16] и «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [13].

Результаты сопоставления производящих полей и словообразовательно пассивных частей ЛСГ свидетельствуют о том, что этимологические и функционально-стилистические характеристики лексических единиц также не имеют жесткой ограничительной силы. В тех лексических классах, где присутствуют термины, заимствованные и стилистически маркированные единицы, отмечено их вхождение как в пассивную (1), так и в словообразовательно активную (2) часть:

1) *Absinth* ‘абсент’, *Bonmot* ‘удачная шутка’, *Ergussstein* ‘(геол.) изверженная порода’, *Impala* ‘(зоол.) импала’, *Lippenblütler* ‘(бот.) губоцветные’, *Lorke* ‘(груб.) пойло’, *Porree* ‘порей’;

2) *Antlitz* ‘(возв.) лицо’ > *Heldenantlitz* ‘лицо героя’, *Cocktail* ‘коктейль’ > *Cocktailkarte* ‘карта коктейлей’, *Herzklappe* ‘(мед.) сердечный клапан’ > *Herzklappenentzündung* ‘воспаление сердечного клапана’, *Kontemplation* ‘созерцание’ > *kontemplativ* ‘созерцательный’, *Petroleum* ‘керосин’ > *Petroleumbeleuchtung* ‘керосиновое освещение’, *Pistazie* ‘фи斯塔шковое дерево’ > *pistaziengrün* ‘фи斯塔шково-зеленый’, *Reflexion* ‘рефлексия’ > *Reflexionsniveau* ‘уровень рефлексии’, *Saphir* ‘сапфир’ > *saphirblau* ‘сапфирово-синий’, *Schnauze* ‘(груб.) морда’ > *kaltschnäuzig* ‘(груб.) хладнокровный, бессердечный’, *Schnute* ‘(разг.) рот’ > *Zuckerschnute* ‘(ласк.) милый ротик’ и др.

Полученные данные убеждают в том, что лингвистические характеристики единиц могут сдерживать, но не исключать их участие в словообразовании. По-видимому, выбор лексических единиц как источников номинации обусловлен прежде всего тем, до какой степени известны, типичны и значимы обозначаемые лексемами объекты, а также их связи с другими объектами, процессами и признаками [17, с. 46].

Если исходить из того, что всякое новое наименование появляется как ответ на коммуникативную потребность членов языкового коллектива [3, S. 79–80; 18, S. 18–20], то можно утверждать, что лексическая система немецкого языка неравномерно «откликается» на эту потребность. Особенно явно в пользу данного утверждения говорит распределенный, или кросс-классовый, характер номинативно активного лексического фонда в немецком языке, определяемый наличием в лексико-семантических группах востребованных и пассивных в словообразовании единиц. Используя метафору И. С. Улуханова, изображающую словообразовательную систему как «совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустыют»)» [19, с. 7], можно подобным образом представить и лексический класс, в котором часть единиц актуализируют свой потенциал и формируют производящие поля, а другие остаются «пустыми», не имея своих производных. Говоря о факторах, препятствующих использованию лексической единицы в каких бы то ни было словообразовательных процедурах, следует, по-видимому, признать их чрезвычайно сложное переплетение, а иногда и случайный характер «срабатывания» ([3, S. 80], ср. также [20, с. 189]). И вместе с тем решающая роль

принадлежит, как нам кажется, тому выбору, который совершают человек, «сканируя» ментальный лексикон и фокусируя свое внимание на единицах, способных наилучшим образом выступить репрезентантом некоторой структуры знания, составляющей цель номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б. Н. Замечания к теории словообразования / Б. Н. Головин // Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер.: Лингв. – Горький, 1967. – Вып. 76. – С. 3–49.
2. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная лексика : Спецкурс для фак. иностр. яз. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. – 344 с.
3. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 4. Auflage. – Berlin : De Gruyter, 2012. – 484 S.
4. Die Verteilung der Wortarten im Rechtschreibduden. – 2025. – URL : <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Die-Verteilung-der-Wortarten-im-Rechtschreibduden> (date of access : 11.03.2025).
5. Кузнецова, Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов / Э. В. Кузнецова // Вопросы языкоznания. – 1975. – Вып. 5. – С. 78–86.
6. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1996. – 731 S.
7. Wöllstein, A. Duden – Die Grammatik / A. Wöllstein (Hg.). – Mannheim : Dudenverlag, 2022. – 984 S.
8. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
9. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – 9. überarb. u. erw. Auflage. – Berlin, Boston : De Gruyter, 2020. – 1097 S.
10. Splett, J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch : in 19 Bd. / J. Splett. – Berlin : W. de Gruyter, 2009. – 19 Bd.
11. Quasthoff, U. Deutsches Neologismenwörterbuch / U. Quasthoff (Hg.). – Berlin : W. de Gruyter, 2007. – 690 S.
12. Steffens, D. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch = Немецко-русский словарь неологизмов / D. Steffens, O. A. Nikitina. – Mannheim : Institut für deutsche Sprache, 2016. – 2 Bd.
13. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – 2025. – URL : <https://www.dwds.de> (date of access : 05.03.2025).
14. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 374 с.
15. Tschirner, E. Wortschatz / E. Tschirner // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache : ein internationales Handbuch / H.-J. Krumm, Chr. Fandrych, Br. Hufeisen, Cl. Riemer (Hrsg.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2010. – S. 236–245.
16. Duden – Das Onlinewörterbuch. – 2025. – URL : <https://www.duden.de> (date of access: 20.03.2025).

17. Харитончик, З. А. О номинативных ресурсах языка, или К дискуссии о концептуальной интеграции / З. А. Харитончик // В поисках сущности имен : избранное / З. А. Харитончик. – Минск, 2015. – С. 43–53.
18. Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen / W. Motsch. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2004. – 469 S.
19. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
20. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – 296 с.

Поступила в редакцию 14.04.2025

Романкевич Марина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Romankevich
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Phonetics and Grammar of the French Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
romankevich_marina@mail.ru

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

LEXICO-STYLISTIC ASPECTS OF NEWSPAPER HEADLINES IN THE FRENCH PUBLICISTIC SPHERE

Анализ франкоязычного газетно-публицистического дискурса позволяет выявить и описать тенденции, свидетельствующие об изменениях стилистических норм современного французского языка, обусловленных в первую очередь внеязыковыми факторами: ускорением темпа жизни, глобализацией, дистантностью общения и др. К числу тенденций, наиболее ярких на современном этапе, относятся вульгаризация и «англизация» речи, усилившиеся ввиду набравших обороты трендов языкового поведения в дружески-бытовой, молодежной среде. Кодифицирующие институты в лице Французской академии, а также авторитетных словарей французского языка «*Larousse*» и «*Le petit Robert*» лексикографически закрепляют англизмы, ставшие популярными, одновременно высказывая рекомендации по использованию французских выражений вместо англизмов и/или отмечая сленгизмы пометами *familier*, *vulgaire*. Объектом исследования в данной статье являются газетные заголовки франкоязычных ежедневных интернет-изданий последних лет (2022–2024 гг.). В качестве предмета исследования выступают лексико-стилистические и pragmaticальные аспекты функционирования англизмов и сленгизмов в газетных заголовках во франкоязычных ежедневных интернет-изданиях.

Ключевые слова: *стилистическая норма; сленгизм; англизм; газетно-публицистический дискурс; кодификация.*

The analysis of newspaper discourse in French allows us to identify and describe changes in the stylistic norms of the modern French language, caused primarily by extra-linguistic factors: the acceleration of life, globalization and distance of communication, etc. The most striking trends are the vulgarization and “anglicization” of speech. Codifying institutions represented by the French Academy, as well as the authoritative dictionaries Larousse and Le Petit Robert, “legitimize” anglicisms, those have become popular in friendly and professional communications, recommending the use of French expressions and marking slangisms with the notes *familier*, *vulgaire*. The object of the study is the newspaper headlines of French in daily Internet publications of recent years (2022–2024). The subject of the study is the lexical-stylistic and pragmatic aspects of the functioning of anglicisms and slangisms in newspaper headlines in French.

Ключевые слова: *stylistic norm; slangism; anglicism; newspaper discourse; codification.*

Использование языковых единиц в речи происходит в соответствии с целью и сферой общения, коммуникативной ситуацией, стилем и жанром создаваемого «речевого произведения» и языковой модой. Восприятие употребления языковых и речевых средств с точки зрения правильности/неправильности основано на знании о функционально-стилистической дифференциации единиц языка, представленной в лексикографических и грамматических описаниях функциональных стилей. Следует отметить, что установленные нормы существуют на каждом языковом уровне; вместе с тем стилистическим параметрам (или функционально-стилевым) языковой нормы присуща большая свобода: «кодификация здесь не столь строгая и всеобъемлющая» [1], чем грамматическим, орфографическим и др.

Согласно определению, предложенному в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», под стилистической нормой понимается «совокупность исторически сложившихся и вместе с тем закономерно развивающихся общепринятых реализаций заложенных в языке стилистических возможностей» [Там же]. В приведенном определении отмечается возможность изменения стилистической нормы, обусловленная исторической динамикой и эволюционными процессами на разных языковых уровнях. Данные изменения могут затрагивать как использование определенных языковых ресурсов, так и возможности их сочетания, для создания экспрессивности и придания выразительности высказыванию. Традиционно смешение средств с разными стилистическими маркировками нарушает единство стиля, что и трактуется лингвистами как грубое нарушение стилистической нормы. Вместе с тем публицистической речи свойственно намеренное использование разностилевых элементов в качестве одного «из эффективных стилистических приемов» [Там же].

В условиях глобализации, ускорения темпа жизни, популяризации новых информационных технологий для организации общения и др. трансформациям подвергаются коммуникативные средства, принадлежащие разным уровням языка. В частности, в социальных сетях, видеоблогах понятие адресата довольно размыто, что приводит к тому, что адресант может себе «позволить» несоблюдение определенных правил при употреблении языковых единиц, т. к. дистантность и анонимность общения обеспечивают психологический комфорт, заключающийся в возможности прервать общение в любой момент в случае порицания. В этом аспекте интересно отметить, что чаще всего в повседневном общении и даже академических работах отмечаются грамматические, орфографические и синтаксические ошибки; некорректность стилистического оформления речи негативно оценивается коммуникантами в случае грубых и явных нарушений нормативного употребления (например, использование разговорно-сниженной лексики, неудачное применение коннотативной лексики, чрезмерное и «неправомерное» внедрение иностранных слов и др.).

Анализ более 300 газетных заголовков и текстов статей франкоязычных ежедневных интернет-изданий последних лет (2022–2024 гг.) позволил выявить распространенные тенденции, свойственные современному франкоязычному публицистическому дискурсу. На данном этапе развития французского языка имеет место вульгаризация речи при общении в дружески-бытовой сфере, молодежной среде, даже в академических кругах. Желание журналистов информировать читателей в доступной для них форме, а также стремление насытить текст экспрессивной лексикой приводит к тому, что в публицистические тексты проникают просторечные слова и выражения, сленгизмы и жаргонизмы, и нередко – бранная лексика, в больших количествах. Данная тенденция отражает тренды, которые формируются и поддерживаются в социальных сетях, интернет-платформах как площадках активного речевого воздействия. Негативные последствия этой тенденции состоят в том, что массовая тиражируемость вышеприведенных словоупотреблений приводит к ошибочности в понимании правомерности использования бранной лексики, сленгизмов, особенно у подростков и молодых людей. Подобные отклонения от стилистической нормы представляются им как приемлемое явление. Кроме этого, «неуместное употребление разговорно-просторечных языковых средств и вульгаризмов» ведет «к упрощению того или иного понятия и кискажению смысла» [2, с. 247–248].

Так, в публицистических статьях жаргонизмы, сленгизмы и слова разговорного стиля изобилуют, как правило, в цитатах и отсылках к высказываниям политиков, других медийных личностей, когда последние не смогли сдержать эмоций при высказывании своего мнения. В частности, довольно распространено использование существительного *la pagaille*, означающего ‘*désordre, confusion*’ [3] ‘хаос, беспорядок’ и принадлежащего к сниженному стилю речи (в толковом словаре французского языка данное имя отмечается пометой *familier*). В заголовке «*C'est absolument la pagaille*», *la France de nouveau critiquée pour son organisation lors d'un match de rugby au Stade-Vélodrome* (*Le Monde* 2023) [4] букв. ‘«Это полный беспорядок»’, – Франция снова подверглась критике за организацию матча по регби на стадионе «Стад-Велодром»’ крайне негативное отношение говорящего к организации матча по регби вербализуется посредством использования имени существительного *la pagaille*, отрицательные коннотации которого подчеркиваются наречием *absolument* со значением усиления признака. Употребление данного существительного не только в прямой речи и цитатах, но и в любой части статьи объясняется распространностью его использования в дружески-бытовой, реже – в профессиональной сферах, что приводит к мнимой «нормативности» единицы. Так, в следующем заголовке *Les aéroports parisiens échappent pour le moment à la pagaille de l'été 2022* (*Le Monde* 2022) [4] букв. ‘Парижские аэропорты на данный момент смогли избежать хаоса, который был летом 2022 года’ скопление людей в аэропортах во время летних каникул и отпусков описывается и одновременно характеризуется благодаря использованию коннотативно насыщенного существительного *la*

pagaille, значение которого далее раскрывается в уточнении «*grands départs*», à l’œuvre les deux premiers week-ends de juillet ‘массовые вылеты’ во время двух первых недель июля’ и *les désagréments vécus* ‘пережитые неудобства’.

Глагол *bosser*, будучи разговорным синонимом глагола *travailler* ‘работать’ (в словаре имеет место помета *populaire*), обозначает интенсивное действие (‘avec acharnement’ [3]): данный глагол с отрицательной эмоциональной коннотацией часто встречается в публицистических текстах при описании недовольства людей организацией работы/рабочего места/условий труда. В заголовке *Le désarroi des étudiants vétérinaires* : «*On nous apprend à bosser comme des tarés*» (Le Monde 2023) [4] букв. ‘Недовольство студентов-ветеринаров: «Нас учат работать как сумасшедших»’ цитируются слова молодых ветеринаров, проходящих обучение, которые во время стажировки вынуждены «вкалывать» (*bosser* ‘вкалывать’). Сравнения *comme des tarés* букв. ‘как психи’ помогает им выразить крайне негативное отношение к будущей профессии и организации рабочих будней. Усиливается общий отрицательный фон высказывания благодаря использованию существительного *désarroi* ‘смятение’ в сочетании с прилагательным *effrénés* (в выражении *des rythmes de travail effrénés* букв. ‘бешеный темп работы’). Таким образом, употребление просторечных выражений позволяет усилить эмоциональное воздействие на читателя и передать отношение, чувства говорящих (в данном случае – студентов). Как видим из заголовка «*On est payé comme dans le conseil, sauf qu’on ne bosse pas jusqu’à 21 heures*» (Le Monde 2024) [4] букв. ‘«Нам платят как в консалтинге, только мы не работаем до 9 вечера’’ анализируемый глагол встречается в речи молодых людей (*des jeunes commerciaux*), которые характеризуют с его помощью график работы до девяти вечера. Аналогично в другом заголовке *Les élèves juristes du droit de l’environnement veulent bosser avec Greta Thunberg*» (Le Monde 2024) [4] букв. ‘Студенты экологического права «хотят работать с Гретой Тунберг»’ данный глагол встречается в речи начинающих юристов.

В некоторых случаях жаргонизмы и сленгизмы выделяются графически и пунктуационно, как это происходит в заголовке «*Ringard*», Facebook ? *Vingt ans après, pourquoi le réseau social reste le plus populaire* (Le Monde 2024) [4] букв. ‘«Устаревший», Фейсбук? Двадцать лет спустя: почему эта социальная сеть остается самой популярной’. В данном высказывании прилагательное *ringard* используется в значении ‘немодный’ (ср. дефиницию ‘qui est médiocre, dépassé, démodé’ ‘посредственный, устаревший, старомодный’ [3], в словаре данное прилагательное отмечено пометой *familier*) и оформляется в кавычках, что, с одной стороны, привлекает внимание читателя к данной единице, с другой – показывает его «непринадлежность» общему стилистическому контексту. На вопрос «*Ringard*», Facebook ? букв. ‘«устаревший», Фейсбук?’ дается ответ во второй части заголовка: выражения *le plus populaire* ‘самая популярная’ и *le réseau social le plus utilisé au monde* ‘самая используемая социальная сеть’ противопоставлены по значению данному прилагательному.

В разговорном французском языке существует ряд слов, которые используются для обозначения вещи, название которой не могут вспомнить: например, *un bidule* ‘штуковина/вещь’, *un truc* ‘прибор/вещь’, *un machin* ‘вещь/предмет’ и др. Нередко можно услышать фразы типа *C'est quoi ce bidule dans ta voiture?* букв. ‘Что это за штука в твоей машине?’ или *Il te faudrait un machin pointu pour réparer ça* букв. ‘Чтобы это починить, мне понадобится что-нибудь острое’. По аналогии популярным стало употребление словосочетаний *Bidule / Monsieur machin / Madame truc* для того, чтобы обозначить человека, фамилия которого не приходит на ум (ср. с англ. языка *господин Ноунейм*). Во французской лингвокультуре данный образ получил материальное воплощение благодаря персонажу *Monsieur Bidule*, созданному лионскими художниками (Romuald & PJ) и распространившемуся в социальных сетях: у него круглая белая голова из пластика и большие черные глаза, т. е. максимально обобщенный образ человека со стертymi чертами лица. К числу его характеристик относят наивность и увлеченность селфи (*Qui est Monsieur Bidule, cet étrange personnage aperçu dans Grenoble ? // Un personnage intrigant, un peu naïf et passionné par les selfies* (Le Monde 2024) [4] букв. ‘Кто такой господин Бидуль, этот странный персонаж, которого видели в Гренобле? // Интригующий персонаж, немножко наивный и увлеченный селфи’).

Следует отметить, что языковые единицы с пометой *familier* нормативно должны использоваться в контексте только близкого общения (семья, друзья и т.п.). Для публицистического стиля по коммуникативным установкам лучше подходит лексика, принадлежащая к «*le registre de langage courant*» (*dans le cadre des relations professionnelles, des communications habituelles de la vie courante*) ‘«регистр повседневного языка» (в контексте профессиональных отношений, обычного общения повседневной жизни)’, поскольку данная лексика является нейтральной и понятной всем: *vocabulaire simple, clair, ordinaire, il est compris par tout le monde* букв. ‘простая, ясная, обычная лексика, понятная всем’.

В публицистические тексты, в частности при цитировании, проникают также междометия, используемые носителями французского языка для выражения эмоций и свойственные разговорному языку, например, междометия *Flûte! Mince! Zut!* букв. ‘Проклятие!’, которые передают разочарование и недовольство. Данные междометия в словаре помечаются как разговорные, но не жаргонные единицы (*familier mais pas vulgaire* [3; 5]). Более распространенным является междометие *Ben*, которое имеет разные варианты звучания (*Bah* или *Beh*).

Вместе с тем отношение к вульгаризации речи двойственное: с одной стороны, вульгаризмы наносят вред литературному языку и приводят к нарушению языковых норм, с другой стороны, они могут «развиваться и динамизировать современный язык, преодолевая все запреты» [6, с. 3]. То, что жаргонизмы стали восприниматься как норма, обусловлено внеязыковыми

факторами, когда социальная, экономическая и др. обстановка становится оправданием языковой распущенности и вседозволенности (психологическое напряжение приводит к использованию многочисленной лексики с отрицательной коннотацией, в том числе в публичном общении). Людям часто становится безразлично чужое мнение, а язык «в большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе» [7, с. 73]. Отмечается также факт снижения уровня общей культуры в обществе, когда языковые привычки, сформированные в детстве и юношестве, мешают во взрослом возрасте: «Человеку, привыкшему смолоду к вульгарным, стилистически сниженным словам и выражениям, впоследствии трудно научиться правильно и грамотно излагать свои мысли» [8, с. 78].

Наряду с вульгаризацией языка в современном языковом ландшафте четко выделяется злоупотребление англизмами, а точнее – американизмами. Бесконечный поток иноязычных вкраплений отмечается не только в молодежном сленге, но и в рекламе и публицистическом дискурсе, когда при помощи заимствований на явления / лица прикрепляются ярлыки. Приводим следующие заголовки, отражающие процесс «ярлыкообразования», на примере языковой единицы *greenwashing*: *Ikea, le seigneur des forêts*, sur Arte : un prédateur discret champion du greenwashing (Le Monde 2024) [4] букв. ‘Икеа, «властелин лесов», на канале Арт: скромный хищник, чемпион гринвашинга’; *KLM perd un procès pour greenwashing aux Pays-Bas* (Le Monde 2024) [4] букв. ‘Компания KLM проиграла иск о «гринвашинге» в Нидерландах’; *Greenwashing : les mille et une ruses des marques pour tromper le consommateur* (Le Monde 2024) [4] букв. ‘Гринвашинг: тысяча и одна уловка брендов для обмана потребителя’. В данном случае действия крупных компаний и их рекламные кампании характеризуются как лицемерные: обман потребителей состоит в том, что данные компании используют лозунги и аргументы об экологичности предлагаемых товаров. Анализируемое понятие определяется как *désigne l'utilisation fallacieuse d'arguments écologiques à des fins marketing* букв. ‘обозначает ошибочное использование экологических аргументов в маркетинговых целях’ (в частности, нидерландская авиакомпания заверяла, что «*ses produits réduisaient ou compensaient l'impact sur le climat de ses vols*» (Le Monde 2024) [4] букв. ‘ее продукция снижает или компенсирует воздействие ее полетов на климат’). Вместе с тем в Словаре Французской академии языковая единица *greenwashing* не зафиксирована, а в толковом словаре французского языка «Larousse» отмечается нежелательность ее использования («*Anglicisme déconseillé*» [9] букв. ‘не рекомендовано использование англизма’) и дается перекрестная ссылка на французский термин *écoblanchiment*, что говорит о том, что кодифицирующие институты с осторожностью подходят к закреплению англо-американизмов. В словарях для данной единицы не предлагается дефиниции, что говорит о ее возможном неприятии кодифицирующими институтами или об отсутствии

четких критериев для включения англо-американизмов в словарный состав французского языка. В толковом словаре «Le petit Robert» данный термин представлен следующим образом: *greenwashing (anglicisme), blanchiment écologique, verdissement d'image (recommandation officielle)* [5] букв. ‘гринвашинг (англизм), экологическое отбеливание, озеленение имиджа (официально рекомендовано)’, что показывает его частичную ассилияцию во французском языке.

Аналогичная ситуация наблюдается с англицизмом *low cost*, который часто используется как неизменяемое прилагательное в значении ‘à bas prix’ [5] ‘по низкой цене’; ‘qui ne coûte pas cher ; bon marché ; au rabais’ [3] ‘по сниженной цене, дешевый’: *Rénovation low cost pour les magasins Franprix stars du rafraîchissement d'intérieur à moindre coût* букв. ‘Недорогой ремонт магазинов Franprix, звезд недорогого обновления интерьера’ и др. Вместе с тем в толковом словаре «Le petit Robert» отмечается, что официально (значит – нормативно) рекомендуется употреблять французские выражения: *recommandations officielles à coûts réduits, à bas coûts* [5]; в словаре «Larousse» данное слово отмечается стилистической пометой *figuré, parfois péjoratif* [3] ‘перен., иногда унижит.’.

Следует отметить, что списки заимствованных слов, которые стали кодифицированными единицами во французском языке, регулярно публикуются в официальном издании «Journal Officiel». Такое «сопротивление» кодифицирующих институтов в фиксации иноязычных элементов как единиц французского языка сталкивается с их невольной популяризацией в медийном дискурсе как тексте массового активного воздействия. Вместе с тем для понимания многих газетных заголовков читатели должны обладать фоновыми знаниями американской культуры: так, в заголовке и подзаголовке «*Harlem Shuffle*», *un truculent «gangster novel» de Colson Whitehead // L'écrivain américain deux fois Prix Pulitzer dépeint les sixties new-yorkaises dans un vrai-faux polar irresistible* (Le Monde 2023) [4] половина слов – англицизмы, читатели должны знать значение таких слов английского языка, как *gangster novel*, *polar*, *Prix Pulitzer*, *Colson Whitehead*, являющихся интернационализмами.

Таким образом, определение правильности/неправильности использования единиц в зависимости от речевой ситуации и коммуникативной целесообразности приводит к пониманию того, что «узуально-стилевая норма – это в некотором смысле антнорма» [1], которая двунаправлена: с одной стороны, она тормозит адаптацию языка к социально-личностным коммуникативным установкам, с другой – развивает язык.

Стилистические нормы современного французского языка, в частности в пространстве публицистического дискурса, претерпеваю изменения по причине нарастания тенденции к вульгаризации и «англицизации» речи. Стилистическая разбалансированность состоит в том, что медийные тексты включают в значительном количестве элементы, с одной стороны, нару-

шающие сложившуюся норму, с другой – реализующие соответствующие коммуникативные задачи. Кроме того, анализируемые некодифицированные элементы как маркеры «глобального» публицистического дискурса отвечают тенденции унификации широко обсуждаемого медийного пространства (социально значимых проблем, мировых тенденций и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Стилистическая норма. – URL: https://stylistics.academic.ru/187/Стилистическая_норма (дата обращения: 17.11.2024).
2. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкоznания АН СССР] ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
3. Larousse : dictionnaire en ligne. – URL: <http://lemonde.fr> (date of access: 17.11.2024).
4. Le Monde. – URL : <http://lemonde.fr> (date of access: 17.11.2024).
5. Le petit Robert : dictionnaire en ligne. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (date of access: 17.11.2024).
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : НОРИНТ, 2000. – 717 с.
7. Лихачев, Д. С. Письма о добром / Д. С. Лихачев. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 186 с.
8. Борисова, Е. Г. О некоторых особенностях современного жаргона молодежи / Е. Г. Борисова // Русский язык в школе. – 1981. – № 3. – С. 76–87.
9. Dictionnaire de l'Académie française : en ligne. – URL: <https://dictionnaire-academie.fr/> (date of access: 17.11.2024).

Поступила в редакцию 30.04.2025

Чиркун Анна Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой лексикологии
испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Chyrkun

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
chirkun.anna@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

ECONOMIC EUPHEMISMS IN THE SPANISH LANGUAGE THROUGH THE LENS OF HISTORY

В статье представлен всесторонний лингвистический анализ экономических эвфемизмов в испанском языке в их историко-дискурсивной перспективе. Исследование охватывает ключевые этапы социально-экономической эволюции Испании – от франкистского режима до цифровой демократии XXI века – и демонстрирует, как эвфемизация функционирует в качестве инструмента институционального влияния и языкового моделирования реальности. Особое внимание уделяется pragmaticальным функциям эвфемизмов в экономическом дискурсе: от смягчения восприятия социально чувствительной информации до легитимации политico-экономических решений.

Ключевые слова: *экономический дискурс; эвфемизм; дискурсивные стратегии; манипуляция восприятием; легитимация; политico-экономический контекст.*

The article presents a comprehensive linguistic analysis of economic euphemisms in the Spanish language from a historical and discursive perspective. The study covers key stages of Spain's socio-economic evolution – from the Francoist regime to the digital democracy of the 21st century – and demonstrates how euphemization functions as a tool of institutional influence and linguistic shaping of reality. Special attention is given to the pragmatic functions of euphemisms in economic discourse: from softening the perception of socially sensitive information to legitimizing political and economic decisions.

Key words: *economic discourse; euphemism; discursive strategies; perception manipulation; legitimization; political and economic context.*

В условиях современной глобализированной экономики язык все чаще используется не только как инструмент описания действительности, но и как средство воздействия на сознание массовой аудитории. Особенno отчетливо данная тенденция проявляется в экономическом дискурсе, отличающемся высокой степенью социальной чувствительности и политической ангажированности. В подобных условиях выбор языковых средств приобретает особую значимость, поскольку способен влиять на интерпретацию и восприятие экономических процессов, а следовательно, и на принятие решений на институциональном и индивидуальном уровнях.

Такие понятия, как *кризис, безработица, инфляция, сокращения и банкротство*, обладают высокой эмоциональной нагрузкой, и их использование может спровоцировать социальную дестабилизацию. В связи с этим

особую значимость приобретает эвфемизация – лингвистический механизм, предполагающий замену негативно маркированных единиц нейтральными либо положительно окрашенными аналогами. В данном контексте экономические эвфемизмы выступают в роли риторического механизма, маскирующего реальные трансформации и одновременно формирующего общественно приемлемую интерпретацию происходящего.

Эвфемистические конструкции выполняют не только функцию смягчения негативной информации, но и играют важную роль в институциональном дискурсе, легитимируя определенные социально-экономические меры и управляя общественным мнением. В условиях политической нестабильности, экономических кризисов и социальных конфликтов язык приобретает функцию своеобразного средства «психотерапевтического» воздействия, позволяющего снижать уровень социальной тревожности.

Испанский язык предоставляет богатый эмпирический материал для анализа эвфемистических стратегий, применяемых в экономическом дискурсе. Исторические трансформации Испании – от авторитарного режима Франсиско Франко к парламентской демократии, от протекционизма к интеграции в мировой рынок – сопровождались изменениями в языковом оформлении экономических реалий. Экономические эвфемизмы отражают не только социолингвистическую динамику, но и идеологические установки различных эпох, свидетельствуя о глубокой взаимосвязи языка с политическим строем, институциональными интересами и ментальными установками социума.

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении комплексного анализа экономических эвфемизмов в испанском языке в их исторической и дискурсивной динамике. Исследование охватывает ключевые этапы социальной и экономической трансформации страны – от франкистской диктатуры до цифровой демократии XXI века – и позволяет проследить эволюцию лексико-семантических и прагматических характеристик эвфемистических единиц в зависимости от политico-экономического контекста.

Эвфемизация представляет собой сложное и многоплановое лингвистическое явление, изучаемое на пересечении социолингвистики, прагматики и дискурс-анализа. Согласно мнению ряда исследователей, эвфемизмы представляют собой «эмоционально нейтральные или стилистически смягченные» заменители выражений, потенциально воспринимаемых как грубые, неэтичные, неудобные или социально нежелательные [1; 2; 3; 4; 5]. Как подчеркивают К. Аллан и К. Бурридж, эвфемизм – это не просто лексическая альтернатива, а стратегическая замена, направленная на сохранение «лица» участников коммуникации, в том числе и в институциональном дискурсе [6, с. 11].

Эвфемизация активно функционирует в социально чувствительных зонах: в сфере физиологии, смерти, религии, гендера, политики, а также экономики. По мнению М. Л. Ковшовой, экономический и политический дискурс представляют собой наиболее плодотворную почву для эвфемизации, поскольку здесь задействованы не только этические, но и стратегические (манипулятивные) цели [5, с. 274].

Испанские лингвисты рассматривают эвфемизмы как ключевые инструменты институционального контроля над восприятием. В их работах подчеркивается, что язык официальных заявлений и СМИ в Испании выстраивается как «политико-экономическая риторика убеждения», в которой эвфемизмы функционируют в роли «ретуши» реальности [7; 8]. Особенно активно такие стратегии развивались в переходный период после диктатуры Франко и в эпоху неолиберальных реформ.

Испанские лингвисты выделяют следующие функции эвфемизмов в экономическом дискурсе: *камуфляжная функция* – скрытие негативного содержания за нейтральной или положительной лексикой; *легитимирующая функция* – приданье мерам государственного регулирования видимости рациональности и необходимости; *идеологическая функция* – вписывание экономических действий в доминирующие дискурсивные парадигмы, например, «рынок», «конкурентоспособность», «эффективность»; *прагматическая функция* – снижение тревожности и избежание паники в условиях кризиса [8].

Принципиально важной для лингвистического анализа является и связь эвфемизации с механизмами дискурсивного манипулирования. По мнению Т. А. ван Дейка, институциональные акты речи не только транслируют информацию, но и управляют интерпретацией через выбор лексики, синтаксиса и тематического акцента [9, с. 371]. Именно на этом уровне экономические эвфемизмы выступают как инструмент «управления знанием» и «регулирования оценки».

Таким образом, эвфемизация в экономическом дискурсе – это не столько лексическое смягчение, сколько дискурсивная стратегия, направленная на управление общественным восприятием и легитимацию решений. Она активизируется в условиях кризиса, реформ или социальной нестабильности, выступая в роли лингвистического фильтра между реальностью и ее представлением.

Эвфемизация функционирует как универсальный лингвистический механизм, подверженный социокультурному и политическому влиянию. Однако особенности ее реализации напрямую зависят от конкретного исторического контекста. В случае Испании, где XX и XXI века были маркованы резкими политико-экономическими трансформациями – от авторитаризма к демократии, от изоляции к интеграции в глобальную экономику, – прослеживается четкая эволюция эвфемистических стратегий.

На протяжении последних восьми десятилетий испанский экономический дискурс неоднократно трансформировался, отражая не только реальные изменения в экономике, но и смену идеологических установок, риторических форм и стратегий управления восприятием. Эвфемизмы, функционирующие в данном дискурсе, являются лингвистическими индикаторами этих перемен: их тематика, структура и прагматическая нагрузка изменялись в зависимости от политического режима, социальной чувствительности и медиатизации языка власти.

Эпоха франкизма

Экономический дискурс эпохи франкизма формировался в условиях жесткой идеологической регламентации, закрытости и подавления идакомыслия. Язык служил не только средством коммуникации, но и инструментом

том государственной пропаганды. В этой системе эвфемизация выполняла преимущественно маскирующую функцию, скрывая реальные экономические трудности и легитимируя социально-экономическую модель автократического государства.

Доминирующим идеологическим вектором данного периода являлась концепция *autarquía económica* – экономическая самоизоляция, интерпретируемая как форма национального суверенитета. При этом сам термин *autarquía* ‘автаркия’ функционировал как эвфемизм, замещающий такие негативно окрашенные обозначения, как *aislamiento económico* ‘экономическая изоляция’, *escasez de recursos* ‘нехватка ресурсов’ или *racionamiento* ‘нормирование товаров’. В публичной риторике избегались прямые упоминания дефицита, инфляции или экономического спада – вместо этого использовались нейтральные или позитивно окрашенные выражения: *orden económico nacional* ‘национальный экономический порядок’, *reconstrucción productiva* ‘восстановление производственного потенциала’, *economía controlada* ‘контролируемая экономика’.

Одним из ключевых механизмов эвфемизации выступала лексическая десемантизация: термины лишались конкретного негативного содержания и наполнялись абстрактно-идеологической коннотацией. Например, выражения *reestructuración del sistema productivo* ‘реструктуризация системы производства’ или *modernización industrial* ‘промышленная модернизация’ замещали упоминания о провалах в сельском хозяйстве и утрате конкурентоспособности. Вместо *pobreza* ‘бедность’ употреблялись более абстрактные обозначения – *condiciones limitadas* ‘ограниченные условия’, *situaciones de esfuerzo* ‘напряженные ситуации’, *nivel de consumo contenido* ‘сдерживаемый уровень потребления’.

Характерной чертой эвфемистического языка франкистского режима было избегание персонализированных высказываний и критики власти. Ответственность за экономические трудности часто переносилась на внешние факторы (например, *presiones internacionales* ‘международное давление’ или *el legado de la guerra* ‘наследие войны’), а действия правительства описывались через безличные конструкции (*se ha reforzado la autosuficiencia nacional* ‘укрепилась национальная самодостаточность’).

Эвфемизация в экономическом дискурсе франкистской Испании была тесно связана с риторикой национального единства, дисциплины и послушания. Она выполняла функцию не только сглаживания, но и идеологического переопределения реалий, служила инструментом социальной мобилизации и символического контроля над восприятием экономической действительности.

Переходный период и неолиберализм

С окончанием диктатуры и началом демократических преобразований Испания вступила в новую политическую и экономическую fazу. Принятие Конституции 1978 года открыло путь к демократизации, либерализации и евроинтеграции. Однако смена политического строя не привела к исчезновению эвфемистических практик. Напротив, в условиях рыночных реформ и идеологии неолиберализма эвфемизация получила новое содержание и цели.

Если в эпоху франкизма эвфемизмы служили прежде всего маскировке реалий и идеологическому контролю сверху, то в переходный период они стали важнейшим инструментом публичной коммуникации. В условиях углубляющегося социального неравенства, дерегуляции и реструктуризации экономики язык вновь оказался средством стратегического управления восприятием, но теперь уже в логике рыночной эффективности, конкурентоспособности и модернизации.

Именно в это время формируется современный эвфемистический экономический дискурс, основанный на технократических терминах, англизмах и институционализированных формулировках, которые позволяют скрывать социальные издержки реформ за «фасадом» рациональности и прогресса.

Экономические реформы конца 1970-х – 1990-х годов в Испании, вдохновленные неолиберальной моделью, сопровождались масштабными структурными трансформациями, в частности приватизацией государственных предприятий, дерегуляцией рынка труда, модернизацией фискальной политики. Данные процессы требовали соответствующего языкового сопровождения – такого, которое минимизировало бы общественное сопротивление и легитимировало бы реформы в глазах граждан. В этот период особенно активизируется технократическая эвфемизация. На смену идеологизированным и эмоционально окрашенным выражениям франкистской эпохи приходят рационально-нейтральные лексемы, часто заимствованные из экономической и управленческой англоязычной терминологии. Яркими примерами становятся такие выражения, как *flexibilización del mercado laboral* ‘гибкость рынка труда’, которая замещала реальные меры по сокращению социальных гарантий работников, ослаблению профсоюзов и распространению временной занятости; *movilidad laboral* ‘трудовая мобильность’, выступающая эвфемизмом нестабильной, низкооплачиваемой или вынужденной занятости; *reestructuración empresarial* ‘реструктуризация компаний’, под которой фактически скрывались массовые увольнения и закрытие предприятий.

Как отмечают исследователи, данные эвфемистические выражения, в состав которых входят абстрактные существительные с суффиксами *-ción*, *-dad*, *-miento*, создавали иллюзию нейтрального, управляемого и даже прогрессивного процесса. Это соответствовало коммуникативной установке нового демократического режима, а именно отказаться от авторитарной лексики, не утрачивая при этом возможности влиять на восприятие происходящего [10, р. 113].

Одновременно в обиход испанского публичного дискурса активно проникают англизмы, воспринимаемые как маркеры «moderнизации» и европейской интеграции. Термины *outsourcing*, *downsizing*, *stakeholders*, *performance* вытесняют свои испанские аналоги или даже табуированные обозначения вроде *despido* ‘увольнение’, *reducción de plantilla* ‘сокращение штата сотрудников’, *crisis de productividad* ‘спад производительности’. За счет англоязычного звучания и псевдоспециализированного характера данные слова зачастую не воспринимались как носители негативного смысла.

Наряду с этим возникает эвфемистическая риторика в сфере макроэкономики. Понятия *ajuste estructural* ‘структурная корректировка’, *consolidación fiscal* ‘бюджетная консолидация’, *revisión presupuestaria* ‘пересмотр бюджета’ обозначают жесткие меры экономии, сокращение социальных расходов и увеличение налоговой нагрузки, но в политическом дискурсе они преподносятся как «взвешенные» и «необходимые» шаги. Как справедливо замечает М. Е. Гомес Санчес, эвфемизация становится частью политической технологии согласия – язык убеждает, что потери неизбежны и «технически обоснованы» [8].

В переходный период испанский экономический дискурс переходит от эвфемизации как сокрытия (характерной для франкизма) к эвфемизации как идеологическому обоснованию реформ. Лексика теряет эмоциональную прямоту, но при этом приобретает стратегическую функцию – скрывать неравенство, снижать социальную тревожность и укреплять доверие к экономической политике нового демократического государства.

Кризисная риторика XXI века

Если в переходную эпоху эвфемизация служила в первую очередь инструментом легитимации рыночных реформ и адаптации общественного сознания к новой экономической модели, то в XXI веке она приобретает особенно гибкий и многоуровневый характер. В условиях череды глобальных и внутренних кризисов – от финансово-ипотечного обвала 2008 года до пандемии COVID-19 – экономический дискурс Испании сталкивается с необходимостью реагировать на острые социальные потрясения и управлять их публичным восприятием в реальном времени.

Современная риторика кризиса опирается на более утонченные эвфемистические стратегии. Акцент смешается с сокрытия содержания на управление интерпретацией и эмоциональной реакцией аудитории. Язык становится не просто отражением происходящего, а активным участником производства консенсуса и смягчения тревожности. Именно в этот период наблюдается резкий рост использования образных конструкций, абстрактных формул и глобализированных заимствований, формирующих «благозвучный фасад» экономической нестабильности.

Первым значимым эпизодом, актуализировавшим эвфемистические стратегии нового типа, стал глобальный финансово-ипотечный кризис 2008 года. Испанская экономика, до этого демонстрировавшая устойчивый рост, столкнулась с резким падением ВВП, банкротствами банков, кризисом недвижимости и резким ростом безработицы. В таких условиях политический и медийный дискурс был вынужден реагировать на новую реальность, не прибегая к лексике, способной вызвать панику или подорвать доверие к государственным институтам. Показательна при этом замена термина *crisis* на более нейтральные, например, *desaceleración económica* ‘замедление экономики’ вместо прямого указания на рецессию; *ajuste presupuestario* ‘бюджетная корректировка’ вместо *recortes sociales* ‘социальные сокращения’; *reestructuración bancaria* ‘банковская реструктуризация’ вместо *rescate financiero* ‘спасение банков за счет государства’. Подобные эвфемизмы

выполняли две ключевые функции: во-первых, они снижали уровень социальной тревожности, во-вторых, создавали впечатление технического контроля над ситуацией, переводя проблему из эмоциональной в рациональную плоскость [7, р. 26].

Особенно продуктивной стала эвфемизация в сфере трудовых отношений. Массовые увольнения обозначались такими выражениями, как *ajuste de plantilla* ‘корректировка штата’, *regulación de empleo* ‘регулирование занятости’, *reestructuración laboral* ‘реорганизация трудовых ресурсов’, которые вытесняли более прямые номинации вроде *despido masivo* ‘массовое увольнение’. Распространение получил также термин *expediente de regulación de empleo (ERE)* ‘досье регулирования занятости’, выполняющий одновременно юридическую и эвфемистическую функцию, позволяя говорить о потере рабочих мест в нейтральных и технократических терминах.

К началу 2020-х годов испанский экономический дискурс вновь трансформировался в результате пандемии COVID-19. Ограничения, вызванные санитарной ситуацией, остановка производств, резкое сокращение ВВП и рост государственного долга привели к необходимости еще более деликатного языкового подхода. Появились новые эвфемизмы *hibernación de la economía* ‘зимняя спячка экономики’ вместо *parálisis* ‘паралич’ или *colapso* ‘коллапс’, *suspensión temporal de contratos* ‘временная приостановка трудовых договоров’ вместо *despidos* ‘увольнения’, *recuperación progresiva* ‘постепенное восстановление (экономики)’ вместо констатации отсутствия восстановления.

Существенную роль в этот период начала играть эвфемизация, связанная с цифровой экономикой и удаленной занятостью. Понятия *teletrabajo* ‘удаленная работа’, *nuevos modelos laborales* ‘новые модели занятости’, *economía colaborativa* ‘коллаборативная экономика’ часто преподносились как маркеры адаптивности и прогресса несмотря на то, что за ними нередко скрывались нерегулируемые, нестабильные и низкооплачиваемые формы труда.

В области макроэкономики активизировалось использование выражений *inyección de liquidez* ‘вливание ликвидности’, *plan de sostenibilidad* ‘план устойчивого развития’, *estímulo económico* ‘стимулирование экономики’, которые преподносились как меры поддержки, но скрывали будущие долговые риски и потенциальное увеличение налоговой нагрузки. Вместо прямого упоминания девальвации или инфляции использовались такие выражения, как *ajustes fiscales* ‘налоговые корректировки’ и *revisión del gasto público* ‘пересмотр государственных расходов’, что позволяло сохранять риторику «контролируемого процесса».

Кризисная риторика XXI века в Испании демонстрирует высокий уровень языковой адаптивности. Эвфемизмы данного периода не только выполняют функцию скрытия негативных последствий, но и становятся полноценным инструментом управления коллективным восприятием. Речь идет не просто о замене одних слов на другие, а о трансформации самой логики представления экономической действительности через язык.

Таким образом, эвфемизация в испанском экономическом дискурсе представляет собой сложный и многослойный лингвистический механизм,

тесно связанный с политико-экономическим контекстом, институциональными интересами и динамикой общественного сознания. Эвфемизмы в данном сегменте функционируют не только как средства смягчения негативной информации, но и как риторические инструменты формирования когнитивной картины мира, направленные на легитимацию властных решений и снижение уровня социальной напряженности.

Историко-дискурсивный анализ продемонстрировал, что в разные периоды – от франкистской диктатуры до цифровой демократии XXI века – экономические эвфемизмы выполняли различные прагматические функции: от маскировки и сакрализации государственной политики до рационализации рыночных реформ и эмоциональной нейтрализации кризисных процессов.

Эволюция экономических эвфемизмов в испанском языке отражает более широкий сдвиг в коммуникативной парадигме – от дискурса скрытия информации к дискурсу управления восприятием. Язык становится не просто способом презентации действительности, но и инструментом ее стратегического конструирования. Эвфемизация оказывается встроенной в систему когнитивного и социального контроля, реализуемого через институциональные практики наименования, интерпретации и нормализации экономических реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караплов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караплов // Русский язык: энцикл. – 2-е изд. – М. : Дрофа, 1997. – С. 671–672.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караплов. – М., 1997. – 636 с.
4. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 374 с.
5. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
6. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. – N. Y. : Oxford University Press, 1991. – 336 p.
7. Barranco Flores, N. El eufemismo léxico del discurso político y sus efectos cognitivos / N. Flores Barranco // Logo : Revista de Lingüística, Filosofía y Literatura. – 27 (1). – 2022. – Págs. 15–30.
8. Gómez Sánchez, M. E. El eufemismo político y económico en la prensa diaria: análisis de ABC y El País (1998) / M. E. Gómez Sánchez. – URL: <https://produccioncientifica.ucm.es/documentos/5d1df64829995204f766708a> (дата обращения: 10.07.2025).
9. Van Dijk, T. A. Discourse and Manipulation / T. A. Van Dijk // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17, No. 3. – P. 359–383.
10. Gómez Ferrer, M. Discurso político y manipulación ideológica / M. Gómez Ferrer. – Madrid : Arco Libros, 2010. – 204 p.

Поступила в редакцию 18.07.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'347:34:94 (476+947)"13/16"

Климкович Ольга Александровна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка
как иностранного
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Volha Klimkovich
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
olga-klimkovich@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В УСТАВНЫХ ГРАМОТАХ ВКЛ И РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIV–XVII вв.

LEXICAL MEANS OF REPRESENTING IMPERATIVENESS IN THE CHARTERS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND RUSSIAN LANDS OF THE 14th–17th CENTURIES

В статье анализируются особенности употребления лексических средств, которые репрезентируют такие поля категории императивности, как обязывание, запрет и разрешение, рассматривается сходство и различие в перечне этих средств в уставных грамотах ВКЛ и русских земель. Выявлены общие лексические средства выражения обязывания (*велети, приказати, указати*) и запрета (*не велети, не надобе*), разрешения (*воля, вольно, добровольно*), локальные лексические средства репрезентации этих значений. Определено процентное соотношение лексических средств, служащих для вербализации названных полей императивности, в уставных грамотах ВКЛ и русских земель.

Ключевые слова: законодательная письменность; уставные грамоты; категория императивности; обязывание; запрет; разрешение.

The article analyzes the peculiarities of the use of lexical means that represent such fields of the category of imperativeness as obligation, prohibition and permission, examines the similarities and differences in the list of these means in the charters of the Grand Duchy of Lithuania and the Russian lands. Common lexical means of expressing obligation (*велети, приказати, указати*) and prohibition (*не велети, не надобе*), permission (*воля, вольно, добровольно*), and local lexical means of representing these meanings have been identified. The percentage of lexical means used to verbalize the named fields of imperativity in the statutes of the Grand Duchy of Lithuania and the Russian lands has been established.

Key words: *legislative writing; charters; the category of imperativity; obligation; prohibition; permission.*

Императивность в деловых текстах представляет собой текстовую категорию, «суть которой состоит в выражении безусловности требований к поведению» [1, с. 808]. Характеризуемая И. В. Палашевской [2, с. 9–10], Н. В. Орловой [3, с. 190], А. Е. Осипчук [4, с. 144], М. А. Ширинкиной [5, с. 62] идея о том, что в деловых текстах императивность представлена полями обязывания, запрещения, дозволения, нашла свое применение при изучении

текстов XVIII в. в работах Д. В. Руднева, Н. В. Пушкаревой, Т. Ю. Борисовой [6; 7], хотя особенности средств выражения этой категории и раньше рассматривались М. А. Соколовой [8], А. Пичхадзе [9], Н. В. Полещук [10] и др. лингвистами. Цель статьи – выявить специфику употребления лексических средств репрезентации категории императивности в уставных грамотах ВКЛ в сравнении с русскими уставными грамотами. В состав лексических средств выражения императивности включены существительные, глаголы и глагольные формы, прилагательные, наречия, предикативные наречия, сочетания с отрицательными частицами, которые выражают обязывание, запрет или разрешение. Актуальность работы определяется необходимостью уточнить пути развития деловой законодательной письменности в двух восточнославянских языках.

Материалом исследования стали тексты 80 уставных грамот XIV–XVII вв. (40 уставных грамот ВКЛ (всего 47 568 слов) и 40 – русских земель (всего 61 757 слов). В работе использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, аналитический методы и элементы статистического метода. Анализ языка уставных грамот в аспекте сопоставительного стилистического анализа средств репрезентации отдельных текстовых категорий еще не был осуществлен, хотя сравнение особенностей русских уставных грамот и некоторых уставных грамот ВКЛ проводилось еще в конце XIX в. в работе Н. П. Загоскина [11, с. 5]. Термин *устава* трактуется широко: это «клубы закон, палажэнне, правіла, устаноўленае органам улады» (ГУ, с. 3).

В текстах выявляются особенности использования самоназваний документов. В ВКЛ в самой ранней грамоте самоназвание отсутствует, но употребляется глагол *уставляти* ‘устанавливать, узаконивать; пастанавлять, вырашать’ (ГСБМ, 35, с. 191). В текстах XV в. используются лексемы *грамота, листъ, привилей, радити* ‘принять решение, пастанавіць’ (ГСБМ, 35, с. 109), *радитися ‘кіравацца’* (ГСБМ, 29, с. 436), *поставити ‘вырашыць’* (ГСБМ, 27, с. 175), *приказати, пожаловать*, сочетание *дати право*. С конца XV – начала XVI в. отмечены лексемы *устава, встава, ухвала ‘пастанова, судовае рашэнне, зацвярджэнне’* (ГСБМ, 35, с. 314), *постановенье*. Возможны указание на два жанра сразу: *дали сес(ъ) н(а)сь судовыи лист и ʌставу* (ВГ, с. 369), выдача уставной грамоты на основе судебных документов: *дал есми у Менску мещаномъ ʌставу тую подводную, з выроку его милости господарскаго выписаную* (БА, III, с. 73). В XVI в. в уставных грамотах ВКЛ употребляются глаголы *уставовати, уставляти, вставити, встановити, установити, фундовати, жаловати*, устойчивые сочетания, по значению соотносимые с ними: *учинити ʌставу, учинити постановенье*.

В русских уставных грамотах типичными с XVI в. являются сочетания *жалованная уставная грамота* (НГЗУ, с. 26), *уставная грамота* (НГЗУ, с. 29), *наказъ, наказной списокъ* (НГЗУ, с. 65, 68). Со второй половины XVI в. употребляются лексема *указъ*, сочетания *губная грамота* (НГЗУ, с. 77), *губная уставная грамота* (НГЗУ, с. 115). Отмечается глагол *уложити ‘постановить’* (Срезн., III, с. 1198), сочетание *указная грамота* (НГЗУ, с. 94).

В текстах XIV–XV в. такие сочетания не выявлены, но, как и позже, используются глаголы *пожаловати* для обозначения действий адресанта, *ходити* ‘соблюдать, держаться’ (Срезн., III, с. 1381) также для обозначения действий адресата: *коли кого пожалую своихъ бояръ пошлю намъстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю <...> и мои намъстници ходяты по сей по моей грамотѣ Великого Князя* (НГЗУ, с. 1).

Императивность в уставных грамотах репрезентируется формами инфинитива, настоящего / будущего времени в значении повелительного наклонения, повелительного и условного в значении повелительного, придаточными изъяснительными, присоединяемыми союзом *чтобы* или его синонимами, в грамотах ВКЛ – конструкциями с глаголом *мети* (*мети* + инфинитив, *мети* + *быти* + причастие) и др. Уже с XIV в. фиксируются лексические средства выражения императивности, в употреблении которых прослеживаются как общие, так и локальные черты исследуемых текстов. Выявлено 732 таких случая (424 в уставных грамотах ВКЛ и 310 в уставных грамотах русских земель), при этом в уставных грамотах ВКЛ из 424 случаев 266 (62,7 %) – обязывание, 25 (5,9 %) – запрет, 133 (31,4 %) – разрешение, в русских уставных грамотах из 310 случаев 219 (70,6 %) – обязывание, 71 (22,9 %) – запрет, 20 (6,5 %) – разрешение. Распространенность лексических средств репрезентации обязывания представлена в табл. 1.

Таблица 1
Лексические средства репрезентации обязывания

Общие лексические средства		Локальные лексические средства
ВКЛ	<ul style="list-style-type: none"> – <i>велети</i>^{10/206*} – <i>приказати</i>^{18/10} – <i>указати</i>^{1/3} 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>казати</i>⁷⁵, <i>рассказати</i>²³, <i>заказати</i>⁵, <i>заставляти</i>³, <i>примусити</i>³, <i>належати</i>¹; – <i>повиненъ</i>⁸⁴, <i>виненъ</i>⁵, <i>мусити</i>³, <i>обязанъ</i>¹; – <i>рассказанье</i>²⁸, <i>сказанье</i>³, <i>приказанье</i>², <i>обязокъ</i>¹.
Русские земли		–

*вверху указывается число отмеченных лексем в 40 уставных грамотах ВКЛ (цифра перед /) и 40 русских уставных грамотах (цифра после /). Отдельно не обозначены формы несовершенного и совершенного видов глагола.

Общими лексическими средствами репрезентации обязывания выступают глаголы *велети*, *приказати*, *указати*. *Велети* в уставных грамотах ВКЛ встречается в 10 случаях: *иже его милость велъль пану подскарбию земскому о томъ достаточное вывъданье удълати* (АЗР, III, с. 127), тогда как в русских уставных грамотах это основное лексическое средство репрезентации обязывания: *и велети ему всякие дѣла записывать передъ собою* (НГЗУ, с. 147).

Сходны по частоте употребления глаголы *приказовати*, *приказати*: *а далъи приказуемъ, абы бояре, и мъщане и дворяне городскіи, и все посполство, въ згодъ межи собою были* (АЗР, I, с. 73), *а животы ихъ и статки, переписавъ, запечатати да приказати беречи до тъхъ мъсть, какъ дѣло вержать* (НГЗУ, с. 70) В уставных грамотах ВКЛ они отмечены с XV в., в русских – с XVI в.: *а животы ихъ статки переписавъ печатати и приказати беречи до указу* (НГЗУ, с. 83), хотя лексема *приказати* характерна для древнерусского языка (СДРЯ, 8, с. 445). Глаголы *указати*, *указовати* в ВКЛ отмечены в XVI в.: *тогда будуть повинни почати роботу вышай описаную въ томъ року, коли того будетъ потреба указовати* (АЗР, III, с. 111), в русских уставных грамотах – с XVII в.: *и мы Великій Государь <...> указали послать въ города сыщиковъ* (НГЗУ, с. 92).

Характерными для уставных грамот ВКЛ средствами репрезентации обязывания являются:

а) глагол *казати* ‘загадваць, распараджацца’ (ГСБМ, 14, с. 23): *тамъкажемъ корчмы сытити, а плать ихъ до скарбу нашего носити* (АЗР, II, с. 100), единичные формы совершенного вида глагола *всказати*, *усказати* ‘загадаць’ (ГСБМ, 4, 283), *росказати* ‘загадаць’ (ГСБМ, 30, с. 361): *его королевская милость роскажеть то все водль потребы осмотрѣти, яко панъ воевода справу его милости того дастъ и потребу окажетъ* (АЗР, III, с. 105), *заказовати*, *заказати* ‘загадаць, аддаць загад’ (ГСБМ, 10, с. 227), *заставляти* ‘заставить, принудить (кого-либо что-либо сделать), приказать’ (СРЯ, 5, с. 301): *в том деи намъ его м(и)л(о)сть пан Юреи кривди и новини чинит(ъ), и заставляет(ъ) нас Wrati, и скородити, и сена косити, и жита жати* (ВГ, с. 363), *примусити* ‘прымусіць’ (ГСБМ, 28, с. 248), *належати* ‘быць обвязанымъ’ (ГСБМ, 19, с. 111);

б) в сочетании с инфинитивом прилагательные *повиненъ, виненъ* ‘повинен, обвязаны’ (ГСБМ, 3, с. 278), *обовязанъ*, глагол *мусити* ‘быць вымушаным, быць обвязаным зрабіць што-небудзь’ (ГСБМ, 18, с. 232): *кади тежъ, што whи на замокъ на каждый годъ давати повинни, тые кади с потребъ замковую* (ВГ, с. 271), *а въ мъстахъ и мъстечкахъ малыхъ не уprivильеваныхъ винны дати, отъ домовъ рынковыхъ, съ кождого дому по 4 гроши польскихъ* (АЗР, III, с. 193);

в) отглагольные существительные *росказанье, сказанье, приказанье, обовязокъ: и водль устного росказанья и сего листу нашего, конечно, абы то ипакъ не было* (АЗР, II, с. 180).

Среди обозначенных средств а) не зафиксированы в словарях русского языка XI–XVII вв., XVIII в. лексемы *всказати* (фиксируется в СДРЯ, 2, с. 220), *примусити* (из старопольского языка ГЭС, с. 752), *обовязанъ, обовязокъ*; б) зафиксированы в СРЯ XI–XVII вв. не в уставных грамотах, а в текстах других жанров *мусити* (СРЯ XI–XVII, 9, с. 312), *заставити* (СРЯ XI–XVII, 5, с. 301), *повиненъ* (СРЯ XI–XVII, 15, с. 159), глаголы, имеющие значение обязывания: *казати* (СРЯ XI–XVII, 7, с. 17), *заказати* (СРЯ XI–XVII, 5, с. 207), *росказати* (СРЯ XI–XVII, 21, с. 275), существительные *росказанье* (СРЯ XI–XVII, 21, с. 275), *сказанье* (СРЯ XI–XVII, 24, с. 163); в) употребляются в XVIII в. в русском языке лексемы *обязанный, обязанность* (СРЯ XVIII, 16, с. 147–148).

Распространенность лексических средств репрезентации запрета представлена в табл. 2.

Таблица 2

Лексические средства репрезентации запрета

	Общие лексические средства	Локальные лексические средства
ВКЛ	- <i>не велети</i> ^{1 / 50}	<ul style="list-style-type: none"> - <i>забороняти</i>³, <i>не казати</i>³, <i>не рассказати</i>², <i>не допускати</i>², <i>не припускасти</i>², <i>не смети</i>², <i>не мочи</i>¹; - <i>не надобе</i>⁴ + инфинитив, <i>не повиненъ</i>³ + инфинитив, <i>не виненъ</i>¹ + инфинитив, - <i>заборонно</i>¹.
Русские земли		<ul style="list-style-type: none"> - <i>не освобожжати</i>⁴, <i>не ослобожжати</i>¹, - <i>не мочено</i>¹² + инфинитив, <i>не можно</i>² + инфинитив, <i>нельзе</i>¹ + инфинитив.

Среди выявленных нами лексических средств выражения запрета общей для уставных грамот ВКЛ и русских земель является конструкция *не + велети*: *бо мы никому новины не велимы уводити, а старины рухати* (АЗР, I, с. 146), *и язъ Князь Велики имъ къ тъмъ срокомъ ъздити не велъль* (НГЗУ, с. 5), однако частота ее употребления сильно отличается: 1 – в уставных грамотах ВКЛ, 50 – в текстах русских земель. В ВКЛ фиксируются единичные конструкции *не + казати + инфинитив*: *яловицъ и барановъ и збожъя въ селъхъ и на торгу уставою брати не казаль* (АЗР, III, с. 106), *не + рассказати + инфинитив*: *а некоторых кривдъ и штажливостеи вам чинити емъ не рассказал* (ВГ, с. 363). При этом значение таких конструкций может быть интерпретировано и как отсутствие приказа, и как запрет на совершение действий.

Сходно употребление конструкций *не мочи + инфинитив* в грамотах ВКЛ и конструкций *не мочено + инфинитив, не можно + инфинитив, нельзя + инфинитив* в русских текстах: *ни шдин кънецъ ризъскии а некоторыи иниши чужсии не бѣдить мочи инако продавати, къновати, толко подъ тою мерою, на доле выписаною* (ПГ, I, с. 623), *а которыхъ дѣль излюбленныи головамъ безъ нашего вѣдома кончать немочно* (НГЗУ, с. 109). Значение запрета интенсифицируется в случае использования в ВКЛ сочетания *не смети + инфинитив*: *и того для тыи кѣнци чужсии не бѣдѣть смети подъ меръ менишю ни продавати, ни кѣнити, только какъ вышеи выписано* (ПГ, I, с. 624).

В уставных грамотах ВКЛ и в русских текстах запрет может быть выражен с помощью *не* и глагола, имеющих значение разрешения. В уставных грамотах ВКЛ это *не припускасти, не допускати*: *ижбы шляхты тамошнее утискати и некоторого безправья и трудности чинити имъ не допускалъ* (АЗР, III, с. 107). В русских – *не ослобожжати, не освобожжати*: *а скоморохомъ у нихъ въ волости играти не освобожжаетъ* (НГЗУ, с. 10), которые в старобелорусском языке употребляются только в значении ‘вызывающ’ (ГСБМ, 22, 347).

К локальным средствам в уставных грамотах ВКЛ относятся глаголы и наречия, имеющие значение запрета: *боронити*, *забороняти*, *заборонити* ‘забараняць’ (ГСБМ, 2, с. 156; ГСБМ, 10, 91–92), *заборонно* ‘забаронена, не дозволена’ (ГСБМ, 10, с. 92): *теж жаловали люди г(о)с(по)д(а)ръские, што ж дей Юреи забороняеть имъ 8' домех их некоторых речеи гостем, которые до них приездатъ, звери, бобров, куницы <...> и всаких живности продавати* (ВГ, с. 366). Они известны в старорусском языке, но не употребляются в рассмотренных текстах.

В текстах ВКЛ выявлены конструкции *не + повинен + инфинитив*, *не + винен + инфинитив*, *не + надобе + инфинитив*, которые репрезентировали как значение запрета *а безъ бояръ мъщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобъ чинить* (АЗР, I, с. 73), так и значение разрешения: *тежъ серебцины и даровъ, коли пріѣдемъ до Полоцка, съ нихъ не надобъ нам давати* (АЗР, I, с. 200). Сходная конструкция *не надобе + инфинитив* со значением разрешения встретилась и в русских уставных грамотах: <...> ино имъ *ненадобъ во всей моей отчинѣ в Великомъ Княженіи тамга, ни мыть, ни кости, ни гостиное, ни явка, ни иные некоторые пошлины* (НГЗУ, с. 2).

Анализ текстов показывает, что в уставных грамотах ВКЛ шире, чем в текстах русских земель распространены лексические средства репрезентации разрешения (табл. 3).

Таблица 3
Лексические средства репрезентации разрешения

	Общие лексические средства	Локальные лексические средства
ВКЛ	<ul style="list-style-type: none"> – <i>не надобе + инфинитив</i>^{6 / 1}. – <i>воля</i>^{10 / 5}, <i>вольно</i>^{27 / 2}, <i>добровольно</i>^{16 / 2}. 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>вольность</i>¹¹, <i>доброволенство</i>⁸, <i>вольный</i>⁷; – <i>дозволяти</i>¹⁷, <i>призволяти</i>¹⁰, <i>позволяти</i>⁶, <i>допускati</i>³, <i>мочи</i>²; – <i>дозволенъе</i>³, <i>призволенъе</i>¹, <i>позволенъе</i>¹, <i>допущенъе</i>¹; – <i>не боронити</i>², <i>не заборонно</i>¹; – <i>непотреба</i>¹ + инфинитив.
Русские земли		<ul style="list-style-type: none"> – <i>ослобождати</i>³, <i>дати</i>¹; – <i>мочно</i>⁵.

При выражении разрешения среди общих лексических средств, кроме сочетания *не надобе + инфинитив*, выявлен ряд лексем с корнем *вол-* *воля* ‘дозвол, згода’ (ГСБМ, 4, с. 169), *вольно* ‘дозволена, можно’, (ГСБМ, 4, с. 158), *доброволне*, *добровольно* ‘свабодна, бесперашкодна’ (ГСБМ, 8, с. 134), указывающих на возможность совершения действий: *на который вольно всимъ, яко мъщаномъ, такъ и волошаномъ и купцомъ пріѣзджись торговати и шинковати всякими рѣчми* (АЗР, IV, с. 129), *а по берегу у рѣкъ дрова имъ класти волно*, *чья земля нибуди* (НГЗУ, с. 14). Только в уставах ВКЛ отмечены лексемы *вольность* ‘дозвол, права’ (ГСБМ, 4, с. 162), *вольный* ‘вызвалены адякога-небудзь абавязку; надзелены правам паступаць па ўласнай волі’ (ГСБМ, 4, с. 167–168), *доброволенство* ‘вольнасць, свобода; прывілея’ (ГСБМ, 8, с. 133).

Локальную специфику уставных грамот ВКЛ определяет употребление а) ряда глаголов с семантикой разрешения: *допущати / допускати / допустити* ‘дазваляць’ (ГСБМ, 8, с. 301): *допущаєм теж мети в том месте нашом важници*, которая же будетъ ко вжитку нашего скарбу привернена (ПГ, I, с. 480), мочи ‘мець права, адважвацца’ (ГСБМ, 18, с. 191): *отъ старость (иныхъ, кроме старости Жомойтского) и от державцовъ можетъ отзватися до воеводы* (АЗР, II, с. 390), из старопольского языка дозволяти, дозволити (ГЭС, с. 196): *дозволили есмо имъ тежъ млынъ справити на реце Полоте* (ПГ, I, с. 624), призволяти, призволити (ГЭС, с. 751), позволять, позволити (ГЭС, с. 683): *a жесбы то всимъ ко въдомости пришло, тотъ инструктаръ мъщаномъ нашимъ Виленскимъ до друку дати позволяемъ* (АЗР, IV, с. 250), б) отглагольных существительных: *допущенye, дозволенye, призволенye*: як [ж]е виленцы и трочане ѿ предков наших маютъ) и з ѿсобливого дозволенъ) (ПГ, I, с. 649), в) отрицательных форм не боронити, не забороняти, не заборонно: *a врядъ мъстскій того имъ при бытности нашей въ тамошнемъ панствѣ великому князствѣ Литовскомъ николи не борониль* (АЗР, III, с. 271), г) наречия *непотреба* ‘не трэба, непатрэбна’ (ГСБМ, 20, с. 243): *a бояромъ съ ними непотреба тыхъ долговъ платити* (АЗР, I, с. 200).

Среди названных лексем в старорусском языке фиксируются в сходном значении в текстах других жанров *не заборонно* (СРЯ XI–XVII, 5, с. 138), *вольность, вольныи* (СРЯ XI–XVII, 3, с. 17), *допущати, допускати, допустити, допущенye* (СРЯ XI–XVII, 4, с. 321), *дозволити* (СРЯ XI–XVII, 4, с. 286), *дозволенye* (НКРЯ, 1699 г.). Употребляется в другом значении лексема *доброволенство* ‘расположение, хорошее отношение’ (СРЯ XI–XVII, 4, с. 259).

В русских уставных грамотах выявлены а) глаголы *ослобожсати, ослободити* ‘разрешить, позволить’ (СРЯ XI–XVII, 13, с 108): *также есми ихъ пожаловалъ: ослободиль есми имъ за двадцать верстъ от Соли дрова съчи и хоромной лъсь въ моихъ великого князя лъсехъ* (НГЗУ, с. 14), дати ‘позволить, допустить’ (СРЯ XI–XVII, 4, с. 175): *да сверхъ того есми Перемичъ пожаловалъ, даль имъ въ году три недѣли питья варити и пити* (НГЗУ, с. 36), б) лексема *мочно* ‘разрешается, позволительно’ (СРЯ XI–XVII, 9, с. 283): *a вамъ будетъ выборнымъ головамъ, межъ себя поговоря, въ станъхъ и въ волостяхъ и въ селъхъ розбоиничи и татины дъла мочно дѣлати и не всъмъ вмѣсть, и управа въ тыхъ дѣльхъ учинити* (НГЗУ, с. 67–68).

Анализ рассмотренных средств позволяет сделать следующие выводы:

1) сходство в употреблении лексических средств репрезентации текстовой категории императивности между уставными грамотами ВКЛ и русских земель проявляется в функционировании лексем *велети, приказати, указати* (обязывание), сочетаний с частицей *не*: *не велети, не надобе + инфинитив* (запрет), лексем *воля, вольныи, добровольно* (разрешение);

2) локальные отличия обусловлены а) частотой употребления лексических средств в уставных грамотах ВКЛ по сравнению с русскими текстами (424 на 47 568 словоупотреблений и 310 случаев на 61 757 словоупотреблений соответственно), активностью в текстах ВКЛ средств репрезентации разрешения (31,4 % и 6,5 %), активностью в уставных грамотах русских

земель лексических средств репрезентации запрета (5,9 % и 22,9 %); б) употреблением в уставных грамотах лексем, характерных только для определенного региона: в текстах ВКЛ это лексемы *всказати*, *усказати*, *примусити*, *обовязанъ*, *обовязокъ* (обязывание), *не виненъ*, *не повиненъ* (запрет), *призволити* (разрешение) и др., в текстах русских земель это лексемы *нельзе*, *не освобожсати* (запрет), *дати*, *освобожсати* (разрешение).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буряк, В. А. Императивность юридических документов / В. А. Буряк // Экономика и социум. – 2020. – № 6-2 (73). – С. 808–812. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnost-yuridicheskikh-dokumentov> (дата обращения: 12.05.2025).*
2. *Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна ; Волгоград. гос. социал.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 40 с.*
3. *Орлова, Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией / Н. В. Орлова // Вестник Омского ун-та. – 2014. – № 4. – С. 188–193.*
4. *Осипчук, А. Е. Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «Приказание» / А. Е. Осипчук // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 141–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-semantiki-imperativnosti-v-rechevom-zhanre-prikazanie> (дата обращения: 10.06.2025).*
5. *Ширинкина, М. А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти / М. А. Ширинкина // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 60–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-tonalnosti-v-direktivnyh-dokumentah-ispolnitelnoy-vlasti> (дата обращения: 20.06.2025)*
6. *Руднев, Д. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности / Д. В. Руднев, Н. В. Пушкарева // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Языкоznание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 36–49.*
7. *Руднев, Д. В. Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века / Руднев, Д. В., Борисова, Т. Ю. / Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 2.*
8. *Соколова, М. А. Очерки по языку деловых памятниках XVI века / М. А. Соколова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 191 с.*
9. *Пичхадзе, А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках / А. Пичхадзе // Вопросы языкоznания. – 2010. – 5. – С. 14–24.*
10. *Паляшчук, Н. В. Выражэнне імператыўнасці ў старабеларускіх тэкстах дзелавога зместу / Н. В. Паляшчук // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / БДПУ ; рэдкал.: Д. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 199–201.*
11. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления: исследование кандидата прав Николая Загоски-

на, представленное в Юридическом факультете Императорского Казанского университета *pro venia legendi* : в 2 вып. / Казань, 1875–1876. – Вып. 2 : Сведенный текст дошедших и изданных до нашего времени уставных грамот XIV–XVI вв., определяющих порядок местного правительственного управления. – Казань, 1876. – 144 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ И СЛОВАРИ

- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. / С.-Петербург., 1846–1853. – 5 т.
- БА – Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. каміс. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – 3 т.
- ВГ – *Пазднякоў, В. С. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: валасныя граматы: крыніцаўчы дапаможнік* / В. С. Пазднякоў. – Мінск : БелНДІДАС, 2021. – 424 с.
- ГУ – *Пазднякоў, В. С. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: гарадскія уставы: крыніцаўчы дапаможнік* / В. С. Пазднякоў. – Мінск : БелНДІДАС, 2022. – 430 с.
- ГЭС – Гістарычна-этымалагічны слоўнік іншамоўнай лексікі ў старабеларускай мове / НАН Беларусі, Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; склад. А. М. Булыка. – Мінск : Беларус. навука, 2025. – 1078 с.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / пад рэд. А. І. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1982–2017. – Вып. 1–37.
- НГЗУ – Наместниччины, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А. И. Яковлева. – М. : Издание Историко-филологического факультета Императорского Московского университета, 1909. – 208 с.
- ПГ – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. / под общ. ред. А. Л. Хорошкевич. – М. : Русский фонд содействия образованию, 2015. – А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехов, В. А. Воронин [и др.] ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. – Т. 1. – 864 с.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Р. И. Аванесов (гл. ред.) [и др.]. – Т. 1–13. – М. : Русский язык, 1988.
- Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Отд-ніе рус. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ, 1893–1912. – 3 т.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1–31.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. : вып. 1–23 / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Наука, 1992.

Поступила в редакцию 31.07.2025

Маліцкі Юрый Вячаслававіч

кандыдат філалагічных навук,
дактарант Інстытута мовазнаўства
імя Якуба Коласа
Цэнтр даследавання беларускай культуры,
мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі
навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Yury Malitski

PhD in Philology, Post-PhD Researcher
of the Institute of Linguistics named after
Yakub Kolas
Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
sp-sm@mail.ru

БЕЛАРУСКІЯ АНАНІМНЫЯ ГУТАРКІ XIX ст. У ТЭКСТАВАЙ ПРАСТОРЫ ДЫСКУРСУ МАСАВАЙ КАМУНІКАЦЫІ

BELARUSIAN ANONYMOUS CONVERSATIONS OF THE 19th CENTURY IN THE TEXT SPACE OF MASS COMMUNICATION DISCOURSE

У артыкуле аналізуецца беларускія ананімныя гутаркі XIX ст. у аспекте рэалізацыі ў іх асноўных харкторыстык публіцыстычнага тэксту. Разглядаюцца спосабы і моўныя сродкі фарміравання ў тэкставай прасторы твораў актуальнага для таго часу дыскурсу масавай камунікацыі.

Ключавыя слова: беларускія ананімныя гутаркі; дыскурс; сродкі масавай камунікацыі; публіцыстычны тэкст; медыялінгвістыка.

The article analyzes Belarusian anonymous conversations of the 19th century in terms of the implementation of the main characteristics of a journalistic text in them. The methods and linguistic means of forming the relevant for that time mass communication discourse in the text space of the works are considered.

Ключавыя слова: Belarusian anonymous conversations; discourse; mass media; journalistic text; media linguistics.

У другой палове мінулага стагоддзя ў рэчышчы распрацоўкі тэарэтыка-метадалагчыных пытанняў лінгвістыкі тэксту былі сформуляваны прынцыпы дыскурснага падыходу да вывучэння складаных моўных знакаў і мовы ўвогуле. Падыход узняк у выніку спробы амерыканскага лінгвіста З. Харыса прымяніць методыку дыstryбутыўнага аналізу сінтаксічных адзінак да тэкстаў з улікам акалічнасцей сацыякультурнай сітуацыі іх стварэння і функцыянавання. Аўтар называе уласны падыход аналізам звязнага маўлення і бачыў яго прызначэнне ў пашырэнні дэскрыптыўнай лінгвістыкі за межы сказу “ў дадзены момант часу і для суаднясення культуры і мовы” (цит. па: [1, с. 59]).

Неаднастайнасць поглядаў на антalogію тэксту і яго асноўныя функцыянальныя харкторыстыкі абумовіла разыходжанні ў разуменні дыскурсу як навуковага паняцця. Прыярытэт камунікатыўнай скіраванасці тэкставых адзінак вызначыў уяўленне аб дыскурсе як аб сацыяльна значным маўленчым дзеянні, змест якога вызначаецца “намерамі адрасанта маўлення ў працэсе

зносін, узаемасувяззю аўтарскай інтэнцыі з іншымі экстралінгвістичнымі фактарамі ў форме адпаведнасці паміж ілакутыўнай мэтай і абставінамі маўленчага акта, псіхалагічным станам адрасанта маўлення, яго сацыяльным статусам, уяўленнямі аб сітуацыі маўлення і аб слухачы” [2, с. 12]. Прызнанне першаснасці кагнітыўнай (гнасеалагічнай) функцыі тэкстаў абу-мовіла разуменне дыскурсу як “абмежаванага пэўнымі храналагічнымі рамкамі працэсу выкарыстання мовы, абумоўленага тыпам сацыяльнай актыўнасці людзей” [2, с. 12]. Так ці інакш, сучаснае навуковае бачанне дыскурсу базуецца на ўсведамленні цеснага перапляцення лінгвістичных і экстралінгвістичных фактараў, што з’яўляюцца асноўнымі фарміравальными кампанентамі з’явы: “дыскурс разумеецца ў якасці праяўлення мовы як сацыяльна-псіхалагічнай сістэмы ў выглядзе эмпірычнага знака-тэксту (г. зн. рэалізацыі тэксту ў маўленні) і ў той жа час аб’екта даследаванняў, накіраваных на стварэнне тэорыі выкарыстання мовы” [3, с. 35].

Тэкст – базавы элемент дыскурсу. Такі статус засноўваецца на дэнатастыўнай сувязі фармалізаванай семантыкі тэкстаў з канкрэтнымі сітуацыямі рэчаіснасці, акалічнасцямі і ўдзельнікамі працэсу камунікацыі. Ключавымі фактарамі, што вызначаюць зместава-прагматычнае напаўненне дыскурсу, з’яўляюцца ўзаемаадносіны суб’екта і аб’екта камунікацыі, іх экстралінгвістичныя мэтавыя ўстаноўкі, абумоўленыя сацыяльнымі ролевымі функцыямі. Адзін з заснавальнікаў лінгвістыкі тэксту і дыскурснага аналізу Т. А. ван Дэйк асноўную ролю ў фарміраванні і разуменні дыскурсу як сукупнасці разнажанравых тэкставых адзінак надаваў так званным ментальным мадэлям. Яны, на думку мовазнаўца, “рэпрэзентуюць падзею так, як мы яе перажываем (ці так, як даведваемся аб ёй), складаюць базіс усіх жанраў дыскурсу, заснаваных на рэпрэзентацыі такіх падзей, як размовы, гісторыі або навіны” [4, с. 7]. Сапраўды, мадэляванне вызначальных у зместава-структурным плане тэкстаўваральных сувязей немагчымае без апоры на суб’ектыўны і прагматычны аспекты маўлення – індывидуальная і групавая кагнітыўна-псіхалагічныя асаблівасці адрасата паведамлення, яго інфармацыйны запыт у канкрэтны прамежак часу, тып адносін аўтара тэксту і яго чытача/слухача ў працэсе моўнага контакту ў канкрэтных аб’ектыўных абставінах. Інфармацыйную плынь па прычыне вялізной колькасці праяў рэчаіснасці і магчымых спосабаў іх інтэрпрэтацыі складана ўпарадковаваць і сістэматызаваць. Менавіта ў гэтым найбольш значнай бачыцца роля публіцыстыкі і аналітычнай журналістыкі. А фарміраванне дыскурсу, у такім аспекте, – функцыянальным інструментам ажыццяўлення аналітычна-фарміравальнай грамадскай практикі.

Даследчыкі па праву называюць XIX ст. пачаткам новай беларускай літаратуры. Ход нацыянальнага літаратурнага працэсу першай паловы стагоддзя быў вызначаны агульным ростам цікавасці да гісторыі (даследаванні І. Даніловіча, Т. Нарбута, братоў Тышкевічаў і інш.), мовы (параўнальнагістарычныя і дыялекталагічныя работы К. Калайдовіча, А. Кіркора, Ю. Крашэўскага, С. Ліндэ, І. Насовіча і інш.), матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага народа (пошукавая і апісальная фальклорна-этнографічная дзея-

насць З. Даленгі-Хадакоўскага, Р. Зянькевіча, А. Рыпінскага, І. Храпавіцкага, Я. Чачота, П. Шпілеўскага і інш.); уплывам рускіх пісьменнікаў і паэтаў (М. Гогаля, А. Грыбаедава, І. Крылова, А. Пушкіна); творчасцю дзеячаў польскай культуры, ураджэнцаў беларускіх зямель – кампазітараў (М. Агіньскага, С. Манюшкі), мастакоў (В. Ваньковіча, Я. Дамеля, А. Шэмеша і інш.), паэтаў (А. Адынца, Ю. Крашэўскага, Т. Лады-Заблоцкага, А. Міцкевіча, А. Плуга і інш.). Вялікую ролю ў працэсе фарміравання беларускай філасофска-эстэтычнай і літаратурнай думкі ў першай трэці XIX ст. адыгрывала дзейнасць выкладчыкаў і студэнтаў Віленскага ўніверсітэта, беларускі тэатр. На гэты самы час прыпадае і актыўнае пашырэнне матэрыяльна-тэхнічнай базы беларускага друку, развіццё кніжнага гандлю, зараджэнне афіцыйнай і прыватнай прэсы на рускай і польскай мовах.

Ход гістарычных падзеяў XVI–XVIII стст. абумовіў складванне на этнічных беларускіх землях дзяржаўна-палітычнай сітуацыі, у якой беларускае слова было выцеснена з афіцыйнага грамадскага ўжытку. У такіх умовах у першай палове XIX ст. пачалі з'яўляцца і хутка набылі папулярнасць у выніку пашырэння ў рукапісным і вусным выглядзе беларускамоўныя маастацка-публіцыстычныя творы сацыяльна-палітычнай накіраванасці. Гэта былі белетрызаваныя, пераважна вершаваныя, апавяданні, у якіх у форме дыялогу абмяркоўваліся надзённыя пытанні грамадскага жыцця. У айчынным літаратуразнаўстве за такімі творамі замацаваўся тэрмін **гутарка**. Асноўнымі іх персанажамі былі сяляне або іншыя прадстаўнікі беларускага вясковага насельніцтва. Аўтарства гутарак, як правіла, не пазначалася, што было звязана з функцыянаваннем тэкстаў ва ўмовах цэнзуры. Балансуючы на мяжы літаратурнага твора і публіцыстычнага артыкула, гутаркі спалучалі народную сюжэтную і моўна-вобразную базу з вострасацыяльнім зместам. Яны прама або іншасказальна закраналі надзённыя палітычныя праблемы, давалі трапную харектарыстыку прадстаўнікам розных грамадскіх слаёў, распавядалі аб цяжкім жыцці сялян пад прыгонам, актуалізавалі ўяўленні беларускага сялянства і дробнай шляхты аб пажаданым спосабе дзяржаўнага і эканамічнага ўладкавання. Гутаркі надалі беларускаму слову, па аб'ектыўных абставінах выцесненаму на перыферыю грамадской камунікацыі, сацыяльнае гучанне і сформіравалі камунікатыўную прастору, у межах якой быў усталяваны контакт паміж сялянствам, нацыянальна арыентаванай шляхтай, творчай інтэлігенцыяй, іншымі слаямі беларускага грамадства.

Кагнітыўная лінгвістыка, у межах якой нарадзіўся і атрымаў развіццё метад дыскурснага аналізу, разглядае тэкст як складаную камунікатыўную з'яву, што акумулюе іерархію ведаў пра этнакультурныя коды эпохі, ілакутыўныя мэты, ментальную і сацыяльную памяць грамадства канкрэтнага перыяду. Адпаведна, моўна-маўленчыя сродкі, задзейнічаныя ў аб'ектыўных сітуацыях зносін, формы іх сістэмнай арганізацыі з'яўляюцца ёмістай формай перадачы звестак аб экстраполінгвістычнай сітуацыі і, адпаведна, аб дыскурсе канкрэтнага гістарычнага перыяду.

“Гутарка Данілы са Сцяпанам” – адзін з найбольш вядомых і значных у мастацкім плане твораў жанру. Ён з’явіўся ў канцы 1850-х гг., напярэдадні адмены прыгоннага права, калі ў грамадстве шырока абмяркоўваліся варыянты маючай неўзабаве адбыцца сялянскай рэформы 1861 г.

Семантыка слова *гутарка* (*размова*) прадугледжвае двухбаковы харктар арганізацыі маўлення – ‘слоўны абмен звесткамі, думкамі’ [5, с. 682] – і адносны парытэт у размеркаванні роляў у працэсе зносін. У апошнім “Гутарка Данілы са Сцяпанам” выяўляе істотную дыспрапорцыю: аднаму з персанажаў належыць вядучая роля ў дыялогу. Зместавым і кампазіцыйным ядром “Гутаркі” з’яўляецца маналог Данілы. Сцяпан прысутнічае ў размове як слухач, да якога той час ад часу звяртаецца. Такая камунікатыўная арганізацыя яскрава сведчыць аб tym, што “Гутарка”, і іншыя падобныя творы, адназначна разглядалася стваральнікамі як функцыянальная адзінка грамадскага ўзаемадзеяння – як форма звароту да шырокай аўдыторыі ў час лёсавызначальных сацыяльных пераўтварэнняў. Замацаваныя за галоўнымі героямі актыўная і пасіўная камунікатыўныя пазіцыі – эфектыўны спосаб актуалізацыі адносін суб'екта і аб'екта маўлення. У тэкстаўваральным плане вобраз Данілы служыць сродкам непасрэднага выражэння аўтарскіх думак і імкненняў, а вобраз Сцяпана, у сваю чаргу, выступае камунікатыўнай падставай для фармалізацыі звароту да субяседніка і, праз яго, да ўсяго беларускага сялянства: *Будзе тое, браце, дажджом, мой Сцяпане, / Што пан на нас скажэць: “Мой кахраны пане!” / Мы на іх глянем і шапкі не знімем. / Хоць блізка нас будзець, не скланіўшысь мінем* [6, с. 1047].

Публіцыстычнае гучанне беларускіх сялянскіх гутарак абумовіла актуальнае сацыяльна-палітычнае, маральна-этычнае праблематыка, а таксама высокая ступень рэалістычнасці і факталағічнасці. Задача стваральніка “Гутаркі Данілы са Сцяпанам”, відавочна, звязаная з пашырэннем антыпрыгонніцкіх настроў у грамадстве, вызначыла харктар прагматыкі тэксту – устаноўку на адназначнае ўспрынняцце зместу і разлік на канкрэтны перспектывыўны ёфект. Кіруемы маналог як кампазіцыйны стрыжань твора стаў найбольш прыдатнай формай рэалізацыі такой інтэнцыі. Названы спосаб тэкстуалізацыі аўтарскай пазіцыі дазволіў ёфектуўна ўвасобіць думкі і меркаванні, сформуляваць высновы, актуалізаваць пэўныя наратывы.

“Гутарка Данілы са Сцяпанам” – яскравы прыклад рэалізацыі ў літаратурным творы асноўных харктарыстык публіцыстычнага тэксту. У першую чаргу, **падзейнасці**. Падзея як аб'ектыўная праява матэрыяльнага свету – адзін з базавых элементаў зместава-тэматычнага падмурку адзінак грамадской камунікацыі. Падзейнасць цесна звязана з адной з цэнтральных катэгорый тэксту – інфарматыўнасцю [7]. У тэкстаўваральным плане падзейнасць забяспечваецца апісаннем, інтэрпрэтацыяй дзеянняў або станаў суб'екта і/ці аб'екта ў прывязцы да канкрэтных рэалій [8]. Способамі такой прывязкі ў літаратуразнаўстве лічацца “адлюстраванне рэчаіснасці ў формах, узятых з жыцця, якое разглядаецца ў развіцці, паказ чалавечага харктару

ў сувязі з сацыяльнымі абставінамі, псіхалагічны аналіз і матывацыя ўчынкаў герояў, адлюстраванне не выключных, а тыповых харкатаў, акцэнтаванне ўвагі на паўсядзённым побыце сучаснікаў, ацэнка падзеі з пазіцый агульна-прынятай маралі прадстаўнікоў усіх сацыяльных пластоў грамадства (ад жабрака да арыстакрата), павышэнне ролі вобраза апавядальніка” [9, с. 13]. У кантэкст сацыяльных і побытавых умоў сялянскага жыцця чытач пагружаецца ўжо з першых радкоў маналогу Данілы. Тэкстуалізацыя праяў рэчаіснасці ў “Гутарцы” ажыццяўляеца за кошт літаратурнага прыёму нанізвання фактаў – рытмічнага пералічэння тыповых працоўна-гаспадарчых сітуацый. Моўная аб’ектывацыя прыёму найчасцей адбываеца пры дапамозе сінтаксічных канструкцый з аднародным падпарадкаваннем: *На прыгон без счоту: з сярпом із касою, / З валамі да арання, коні з бараною – / Тэй паліць вугалле, тэй рыбу лавіць, / Таму на сенажаці кусты церабіць, / Тэй павязець водку, а тэй муку, збожжса, / Загадаюць работ, сцеражы ты, Божса* [6, с. 1049] або *Ты ідзі малациць, ты ў млын малоці, / Ты картофлю рэзаць, а ты ідзі садзіці; / Таму быдла пасвіць, а таму авечкі, / Ты да коп на варту, а ты ідзі да грэчкі. / Ты ступай да коні, а ты за свіннямі, / Малага да качак, большага за гусямі* [6, с. 1050].

Паслядоўнае выкарыстанне дзеясловаў трэцяй асобы пры фармалізацыі аб’ектна-дзейнасных адносін – выразны маркер аўтарскай прагматыкі ў сялянскіх гутарках XIX ст. Такім спосабам у тэкстах канстатуеца стан рэчаў, фіксуюцца дзеянні актараў у межах сітуацыі. Увасобленая названымі дзеяслоўнымі формамі пазіцыя назіральніка ў сукупнасці з рэлевантнасцю паведамлення забяспечвае такія харкаторыстыкі тэксту, як **аб’ектыўнасць і актуальнасць**. Нямецкі даследчык Г. Рагер найважнейшым паказчыкам актуальнасці публіцыстычнага тэксту лічыць адлюстраванне ў ім аб’ектыўнай сітуацыі з удзелам канкрэтных гістарычных асоб у канкрэтных прасторава-часавых абставінах [10]. Рэальная гістарычныя і абагулененія сацыяльныя тыпы (асноўныя суб’ектныя канцэпты маналогу Данілы) і іх дзеянні прадстаўлены ўжо ў першых радках: *Гавораць на свеце, ў голас талкуюць – / ... усе людзі чуюць, / Што вольнасць **нам** бедным дасць Цар без адкладу, / Што толькі з **панамі** не найдзе ён ладу* (выдзелена намі. – Ю. М.) [6. с. 1047]. У чатырохрадкоўі названы ўсе галоўныя дзеючыя асобы маналогу і аб’ектыўнай грамадской сітуацыі, апісанню якой ён прысвечаны: *мы* (сяляне), *цар*, *паны*. Аб’ектным канцэптом, прадстаўленым у апісьменна-метафарычнай форме, з’яўляеца сялянская рэформа (*вольнасць ... дасць Цар*). Пачатковая страфа ў анатаваным выглядзе раскрывае асноўны змест усяго маналогу. Па сутнасці, яна выконвае ролю медыйнага ліду (ад англ. *lead paragraph*) – уводнага параграфа артыкула або навіны, які “сцісла перадае змест усяго журналісцкага тэксту або яго пэўнай структурнай часткі, выконваючы пры гэтым функцыю інфармавання і эмацыйнага ўздзеяння” [11]. Менавіта сугестыўна-прагматычным прызначэннем гэтих радкоў, на нашу думку, тлумачыцца метафарычны харктор рэпрэзентацыі канцэпту “сялянская рэформа”.

Інтэрпрэтацыя сутнасці сістэмы заканадаўчых актаў 1861 г., рэалізаваная словазлучэннем даць вольнасць, відавочна, валодае значна большым экспрэсіўным патэнцыялам у параўнанні з нейтральнымі намінацыямі кшталту *рэформа, маніфест і да т.п.*

У журналісцкай практыцы выпрацавана эфектыўная і пашыраная сёння формула напісання так званага *рэдакцыйнага артыкула* – SPECS. Тэрмінам *рэдакцыйны артыкул* (англ. *editorial*) абазначаюць жанр аналітычнай журнالістыкі. Такія артыкулы адлюстроўваюць погляд на пэўную падзею або грамадскую з'яву ў адпаведнасці з палітычнай і ідэалагічнай накіраванасцю выдання. Абрэвіятура SPECS раскрывае алгарытм напісання аналітычнага артыкула і прадугледжвае паслядоўнасць пэўных зместавых фрагментаў: *State/Сцвярджэнне – Position/Аўтарская пазіцыя – Evidence/Доказы і аргументацыя – Conclusion/Выснова – Solution/Прапанова па вырашэнні сітуацыі*. Рэалізацыя гэтага алгарытму ў медыйным тэкслце забяспечвае такую зместавую харкторыстыку, як **аналітычнасць** [12]. Менавіта ў адзначанай паслядоўнасці пададзены структурныя часткі маналогу Данілы. Спачатку “агучваеца” тэзіс аб тым, што неўзабаве плануецца правядзенне сялянскай рэформы (*State/Сцвярджэнне*). Далей выкладаецца персанальнае бачанне сітуацыі, дaeцца суб'ектыўная харкторыстыка яе ўдзельнікаў і матываў іх паводзін (*Position/Аўтарская пазіцыя*). Так, Даніла (аўтар) лічыць, што напярэдадні сялянскай рэформы паны не хочуць, каб сялянам далі волю, таму падманваюць цара, малюючы простых людзей у негатыўным свяtle: *Згаварыўшысь з сабою, Цару так талкуюць: / “Пане найяснейши, што з гэтага будзець, / Даўши ўсім вольнасць, кажсан тоя згудзіць; / Бо мужык без пана быць ніяк не можа – / Паб’юца, паколюца, сцеражы ты, Божа, / Над імі трэба штодзень – з кнутом стаяць над каркам, / Розгі каб ляжалі з возам – за хвальваркам”* [6, с. 1047]; *Вот, братка, як яны падлыгаць умеюць, / Перад Царом у вочы на нас плесці смеюць!; Верыць ім Цар смела, Яны й ласку маюць. / А мы, бедныя, церпім скрэзь няволю, / Пракліаем жыццё сваё і горкую долю* [6, с. 1047–1048] і г.д. Канстатацыя цяжкага стану беларускага сялянства ажыццяўляецца за кошт рэалістычнага апісання жыцця ва ўмовах прыгону (*Evidence/Доказы*): *Магазын адсып, аддай да зярняці, / А сам – без кусочка хлеба – аставайся ў хаце* [6, с. 1049]; *У валоуні, як чорт у пекле, таўчыся, / Нямаш там спагаду – ці плач, ці маліся; / Ці дождж, ці завея, ці мароз найгоршы, / Чым горша надвор’е, то тым прыказ большы* [6, с. 1049] і г.д. Паводле аўтарскага меркавання, укладзенага ў вусны Данілы, вырашэнне гэтай сітуацыі магчымае толькі праз поўнае скасаванне прыгоннага права і справядлівае надзяленне сялян зямлём (*Conclusion/Выснова і Solution/Прапанова па вырашэнні сітуацыі*): *Прыгон як урвеца, талакі не стане. / Скончыца адразу іхне панаванне! / Тагды паны, хіба што, бяду пазнаюць, / Бо цяпер ніколі нам не спагадаюць* [6, с. 1050].

Літаратурныя паводле спосабу выкладу гутаркі, тым не менш, выразна дэманструюць рысы мэтавай грамадской функцыянальнасці – іншымі

словамі, **агітацыйна-прапагандысцкага** прызначэння, таксама ўласцівага тэкстам сродкаў масавай камунікацыі. Вершаваная форма, максімальна прыдатная для даслоўнага запамінання і ўзнаўлення, як можна меркаваць, мела важнае значэнне ў плане распаўсюджання і данясення ідэйнага зместу твораў да самых шырокіх слоў грамадства – у першую чаргу, сялянства, прадстаўнікі якога былі пераважна непісьменнымі і не маглі самастойна прачытаць друкаваны або рукапісны тэкст. Асобныя гутаркі валодалі фармальнымі прыкметамі перыядычных выданняў. Напрыклад, “Гутарка двух суседаў” выдавалася на працягу 1861–1862 гг. асобнымі нумараўанымі выпускамі (четырохсторонкавымі брашурамі). Усяго выйшла чатыры нумары, што стала падставай для даследчыкаў лічыць гутарку “першым беларускамоўным перыядычным выданнем” [13, с. 836–837].

Ва ўмовах ізаляванасці беларускага слова ананімныя сялянскія гутаркі XIX ст. адыгралі важную ролю не толькі ў рэалізацыі айчыннага літаратурнага працэсу, але і ў фарміраванні сферы беларускамоўнай грамадской камунікацыі. Яны ў поўнай меры ўвасаблялі асноўныя харктарыстыкі публіцыстычнага тэксту і ў адпаведным фармальна-зместавым выглядзе задавальнялі запыт грамадства на аналітычныя і дыскусійныя матэрыялы, прысвечаныя надзённым проблемам грамадска-палітычнага жыцця. Абапіраючыся выключна на сродкі народнай беларускай мовы, гутаркі заклалі пачатак распрацоўкі медыйных тэхналогій фарміравання кагнітыўных схем адлюстравання падзей рэчаіснасці з падкрэсліванием рыс, аб'ектыўная важнасць і камунікатыўная значнасць якіх вызначалася асаблівасцямі актуальных гістарычных працэсаў. Асвятляючы галоўныя проблемы грамадскага жыцця, гутаркі ў сярэдзіне XIX ст. забяспечылі складванне беларускай грамадска-палітычнай інфармацыйнай павесткі. А дзейнасць, накіраваная на яе канструяванне і карэктроўку, вызначала абрывы інфармацыйнай плыні, што ўвасобіла найважнейшыя элементы дыскурсу на зломе гістарычных эпох.

Аб'ядноўваючы рысы мастацкай літаратуры і вострай публіцыстыкі, вырашаючы актуальныя камунікатыўныя задачы, аўтары ананімных сялянскіх гутарак інтуітыўна шукалі найбольш эфектыўныя спосабы і сродкі данясення да адрасата актуальных зместаў і наратываў. Тэкставая прастора гутарак стала сферай, дзе выпрацоўваліся ўласнабеларускія, заснаваныя на мясцовых асаблівасцях і рэаліях, спосабы тэкстуалізацыі аўтарскай інтэнцыі. У рэчышчы гэтай дзейнасці адбываўся стыхійны працэс фарміравання інфармацыйна-лінгвістычных тэхналогій, якія ў найбольшай ступені адпавядалі стану тагачаснага беларускага грамадства. Пры гэтым трэба заўважыць, што вектар прафесійнага пошуку беларускіх аўтараў у аспекте выпрацоўкі эфектыўных спосабаў і сродкаў увасаблення неабходнага зместу цалкам стасаваўся з агульным напрамкам развіцця сусветнай публіцыстычнай думкі таго часу.

ЛІТАРАТУРА

1. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – URL : http://yanko.lib.ru/books/cultur/makarov-osnovu_teorii_diskursa-8l.pdf (дата звароту: 01.04.2025).
2. *Ермакова, Л. В.* Дискурсивный анализ: современные подходы : учеб.-метод. пособие / Л. В. Ермакова. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021. – 53 с.
3. *Іўчанкаў, В. І.* Дыскурс беларускіх СМИ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 13. – Вып. 18. – С. 5–23.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад. І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
6. Гутарка Данілы са Сцяпанам // Літаратура першай паловы XIX стагоддзя / укладанне і каментарыі М. В. Хаўстовіча ; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Маст. літ., 2012. – 1086 с.
7. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : УРСС Эдиториал, 2008. – 144 с.
8. *Болотнова, Н. С.* Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2006. – 630 с.
9. *Запрудскі, І. М.* Агляд літаратурнага жыцця і тэндэнцыі эстэтычнай эвалюцыі ў прыгожым пісьменстве Беларусі ў XIX ст. / І. М. Запрудскі // Беларуская літаратура і культура XIX стагоддзя: асаблівасці развіцця і актуальная пытанні даследавання. – Мінск : БДУ, 2021. – С. 5–20.
10. *Rager, G.* Qualitat in der Zeitung. Ergebnisse erster Untersuchungen / G. Rager // Redaktion 1994. Almanach fur Jurnalisten / Red. M. Begemann, B. L. Floper. – Bonn, 1993. – Р. 165–170.
11. *Ленкова, Т. А.* Лид – структурный элемент статьи и самодостаточный текст / Т. А. Ленкова // Филология и человек. – 2023. – № 1 – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lid-strukturnyy-element-stati-i-samodostatochnyy-tekst> (дата звароту: 01.04.2025).
12. *Черкашина, А. А.* Композиционные особенности аналитических медиатекстов качественной англоязычной газетной периодики / А. А. Черкашина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 14 (235). – Вып. 30. – С. 98–102.
13. Літаратура другой паловы XIX стагоддзя : у 2 ч. / укладанне Л. Г. Кісялёвой, Н. М. Сенкевіч; каментары Л. Г. Кісялёвой; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Маст. літ., 2013. – Ч. 1. – 847 с.

Поступила в редакцию 16.04.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111-313.1/.2+7.045(045)

Билал Махер Хамдалла

магистр, аспирант кафедры

зарубежной литературы

Белорусский государственный университет

г. Минск, Беларусь

Bilal Maher Hamdullah

MA, PhD Student of the Foreign

Literature Department

Belarusian State University

Minsk, Belarus

bilalma2016@gmail.com

ТИПЫ И ФУНКЦИИ АЛЛЕГОРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. ОРУЭЛЛА «СКОТНЫЙ ДВОР»

TYPES AND FUNCTIONS OF ALLEGORY IN G. ORWELL'S ANIMAL FARM

В данной статье исследуется использование аллегории в антиутопическом романе Дж. Оруэлла «Скотный двор». Выделены три основные типа аллегории в повествовании – историческая, политическая и философская – с соответствующими функциями выявления, критики и символизации. Анализ основан на политических теориях лидерства, предложенных М. Вебером и Дж. Бернсом. Исследование показывает, что главные персонажи (мистер Джонс, Старый Майор, Снежок и Наполеон) аллегорически представляют авторитарный, визионерский, партиципаторный и авторитарно- тоталитарный типы лидерства. Одна из наиболее проявленных философских позиций в романе, изложенная через аллегорическую фигуру Боксера, – терпеливость, послушание и лояльность – оказывается несостоятельной и подвергается автором серьезному сомнению.

Ключевые слова: аллегория; антиутопический роман; политическая аллегория; историческая аллегория; философская аллегория; символизация; проводник; смысловое содержание.

This article examines the use of allegory in G. Orwell's dystopian novel *Animal Farm*. We identify three main types of allegory in the narrative – historical, political, and philosophical – with the relevant functions of exposure, critique, and symbolization. We base our analysis on the political theories of leadership proposed by M. Weber and J. Burns. The research reveals that the major characters (Mr Jones, Old Major, Snowball and Napoleon) allegorically represent authoritarian, visionary, participatory and authoritarian-totalitarian types of leadership. One of the philosophical stands outlined via the allegorical figure of Boxer – tolerance, obedience and loyalty – proves inadequate and is seriously challenged in the novel.

Key words: dystopia; political allegory; historical allegory; philosophical allegory; symbolization; vehicle; tenor.

Allegory, a literary device with roots stretching back to antiquity, has been the subject of extensive scholarly explication and analysis. Its enduring presence, rich literary history and versatile nature have made it a fertile ground for literary criticism, exploration of its forms, functions, and cultural significance. Contemporary researchers continue to unravel its complexities and explore its

evolving role in narrative art focusing on various aspects of this category, primarily paying attention to the evolution of allegorical writing from ancient times to modernity (G. Teskey, A. Fletcher), levels and classifications of allegory (M. Quilligan, M. Bakhtiyorova), and, specifically, allegorical modes in medieval texts (Sh. Delany, N. D. Guynn, S. K. Akbari).

Among the genres that stand out as the most prominent examples of allegorical poetics, one would inevitably mention utopian and dystopian novels. Thus, H. Lefebvre's extensive reflections on the rehabilitation of utopia as a critical tool for conceptualizing modern urban spaces – "...utopia that had successors: the City of God, the City of the Sun" [1, p. 105] – have influenced contemporary discussions on the allegorical dimensions of utopian and dystopian narratives. M. K. Booker examines how dystopian fiction functions as social criticism, using allegory to critique political and social structures, his major assumption being "that the modern turn to dystopian fiction is largely attributable to perceived inadequacies in existing social and political systems" [2, p. 20]. In dystopian novels in particular, allegory plays a significant role in creating the setting and characters, in performing the critique of society and establishing the dominant features of the genre that define the very nature of the dystopian novel. As H. Greven-Borde points out, "allegory as structural framework for modern rebellion against a dystopic system can easily lend itself to visions of distant lands or remote future times..." [3, p. 209]. Allegory may also be a structural element in the dystopias revealing the past. G. Clifford assumes that modern allegories "require a single act of translation (fiction to history for example) and then can be read as straight narratives whose moral significance is obvious" [4, p. 7].

In this paper, we shall focus on such questions as what types of allegory – political, philosophical, religious or cultural – are employed in George Orwell's short novel *Animal Farm* (1945) and what their functions are. We shall also consider the images used to maintain the double plane of reference – that is, to portray the characters and events as belonging to the purely fictional world and simultaneously – to the recognizable reality. Based on A. Fletcher's theory of allegory, researcher O. Oerlemans uses the terms "the vehicle (the surface story)" and "the tenor (the allegorized abstraction)". He argues that "(a)n allegorical representation asserts a hierarchy, since the vehicle of the allegory is inferior to its tenor, and at the same time belies this hierarchy because our attention is drawn to what is immediately presented" [5, p. 31]. Thus, the novel under analysis uses a seemingly traditional "vehicle" (animal characters) which was a typical feature of medieval fables; its "tenor", however, is starkly modern – contemporary oppressive forms of governance.

As *Animal Farm* gained immense popularity immediately after its publication, so too did the proliferation of critical analysis surrounding the book. V. Pietilä, for example, explores how *Animal Farm* functions as an allegory on different levels, using the theories by Dante Alighieri and Fredric Jameson [6]. J. Drew's approach challenges the traditional anthropocentric allegorical interpretations of *Animal Farm*

by employing Derridean deconstruction. He argues for a more-than-human interpretive approach that considers the perspectives of multiple species [7, p. 189]. Tian'ai Xie's analysis centres on the political allegory in *Animal Farm*. The critic looks at such political aspects as leadership, civilians and third party individuals, analysing their behaviours and metaphorical roles in expressing Orwell's central idea: "...the hell of totalitarian rule and the real dark side of democracy" [8, p. 223]. A Salem Press *Critical Insights* publication about *Animal Farm* offers a multidisciplinary range of perspectives on the book, including political and biopolitical studies, readings of the text as a beast fable and from the narratological perspective. Notably, B. Ireland points out that the allegory in the novel "worked because it was simple and uncomplicated" [9, p. 73].

To contradict that latter point, we approach this book as a multi-layered narrative in which allegory presents a complex device and can be split into political, historical, and philosophical types. The background for identifying these types has been established by a number of scholars. Thus, C. S. Lewis emphasizes the visual and symbolic nature of allegory, particularly in medieval works. He contrasts allegory as a "picturable" [10, p. 45] form (e.g., personifications of abstract ideas) with more historically grounded narratives, indirectly touching on distinctions between philosophical and historical allegory. M. Murrin differentiates a hermetic approach to allegory (non-historical, symbolic interpretations) from typological or historical approaches. He points out that "the Hermetic rhetorician could create a Mind-speech, incomprehensible to the many, since they could not possibly understand the 'unheard of'" [11, p. 38]; while a typological level [Ibid, p. 129] presupposes parallels and familiarity with certain implications. Though focused on premodern texts, his analysis provides a basis for distinguishing allegorical types by their relationship to history: "Allegory and poetry civilize men because the present is judged implicitly or explicitly in relation to a mythic past, which itself possesses a transcendent perfection and can apply to any stage of human history" [Ibid, p. 84].

Some scholars address these distinctions indirectly or in specific contexts. N. Frye's concept of a "continuous allegory" [12, p. 90] categorizes allegorical works based on their complexity and intent. He distinguishes between the "naïve allegory" – "a disguised form of discursive writing, [which] belongs chiefly to educational literature on an elementary level: schoolroom moralities, devotional exempla, local pageants, and the like" [Ibid] (e.g., Edmund Spenser's *The Faerie Queene*, where characters directly embody virtues), and modern allegories (without offering any definitive terms) with more abstract or paradoxical themes: "All formal allegories have, *ipso facto*, a strong thematic interest" [12, p. 53]. Frye's framework implicitly allows for categorizing allegories by their thematic focus, such as political, historical, religious, philosophical, etc.

In *Animal Farm*, the most salient type of allegory is definitely political. The animal narrative (the tenor) serves as the signifier which points at the humanist political peripetia as the signified. This allegory is built on political typology of

leaders and their actions. It functions in close alliance with the historical allegory: the events parallel those that took part in history and frame political ideas related to such issues as leadership, class system and power distribution.

One of the central political issues raised in the novel is the theme of leadership. According to political theory, leadership is often defined as an influence relationship between leaders and followers [13]. One of the typologies of political leadership has been suggested by Max Weber. He identified three leader types: traditional, charismatic, and bureaucratic – based on the legitimacy of authority and the leader's interaction with societal norms [14, p. 157]. James Burns expanded on Weber's ideas by distinguishing between transactional and transformational leaders [15, p. 54]. Burns categorized transactional leaders into subtypes, such as opinion leaders and bureaucratic leaders [Ibid, p. 224], while transformational leaders include reformers and revolutionaries [Ibid, p. 189]. R. Tucker suggested the leadership types based on political consciousness, including reformers, revolutionaries, and conservatives who resist change [16, p. 101–104].

In the novel under consideration, we can identify several characters who represent leadership: Mr Jones, Old Major, Snowball and Napoleon. They seem to align with the types suggested by political philosophy. Thus, Mr Jones can be categorized as a negligent, conservative and authoritarian leader. His leadership style is marked by cruelty, exploitation, and incompetence, which ultimately leads to his downfall. He indulges in excessive drinking, neglecting the welfare of the animals and the farm's upkeep: "In past years Mr. Jones, although a hard master, had been a capable farmer, but of late he had fallen on evil days. He ... had taken to drinking more than was good for him. For whole days at a time he would lounge in his Windsor chair in the kitchen, reading the newspapers, drinking... His men were idle and dishonest, the fields were full of weeds, the buildings wanted roofing, the hedges were neglected, and the animals were underfed" [17, p. 12]. This negligence fosters resentment among the animals and sets the stage for rebellion. Symbolically, Mr. Jones represents Tsar Nicholas II of Russia, "an indolent leader asleep (or drunk) at the wheel while his farm careens toward mass poverty" [18, p. 123]. His ineffective leadership and disregard for his subjects contributed to the Russian Revolution.

Old Major can be viewed as a visionary and delegatory leader type. He is characterized by his ability to inspire and motivate the animals through his ideas and speeches, rather than through coercion or manipulation. His leadership style is based on wisdom, bravery, and the power of revolutionary: he "was so highly regarded on the farm that everyone was quite ready to lose an hour's sleep in order to hear what he had to say" [17, p. 4]. He inspires the animals and creates a vision for them to follow but does not engage in decision-making, allowing them to make their own choices. Old Major symbolizes figures like Karl Marx and "the nearest potential analogue" [19, p. 20] of Vladimir Lenin, embodying the ideals of revolution and equality that the animals initially strive for. His legacy continues to influence the narrative even after his death, as his vision of Animalism becomes

the foundation for the animals' rebellion and subsequent governance of the farm. "Napoleon had denounced such ideas as contrary to the spirit of Animalism. The truest happiness, he said, lay in working hard and living frugally" [17, p. 72].

Snowball matches the category of transformational and democratic leaders. He partially embodies visionary leadership, striving to improve the lives of the animals through education, innovation, and collective decision-making. Snowball uses inclusive strategies, engaging all animals in discussions about farm policies and projects, such as the windmill plan, which symbolizes his forward-thinking approach to enhancing productivity and living conditions. Snowball's leadership style can be viewed as participatory and consultative, too. "Snowball also busied himself with organising the other animals into what he called Animal Committees. He was indefatigable at this" [Ibid, p. 19]. Though most of the projects turned out to be a failure, he still inspired collective action. The symbolic personification is straightforward: "Snowball is Leon Trotsky" [9, p. 64], a revolutionary figure who advocated for progress and modernization but was ultimately ousted by Stalin (represented by Napoleon). Snowball's idealism and focus on equality align with Trotsky's vision for a better society, though his lack of military power leads to his downfall.

Napoleon ("the Stalin of the tale" [20, p. 53]), can be classified as an authoritarian, manipulative, and ultimately totalitarian leader. His style is that of coercion, creating fear, and using deception to maintain control over the other animals on the farm. Napoleon consolidates power for himself through ruthless tactics. He establishes a command-and-control structure, making unilateral decisions. He eliminates democratic processes, such as the Sunday debates, and uses intimidation to suppress dissent. He frequently employs propaganda through Squealer, manipulating information to shape the perceptions of the other animals. This includes spreading lies about Snowball, portraying him as a traitor to justify his own actions. Napoleon maintains his authority by utilizing trained dogs to enforce his will. Public executions of dissenters serve to instil terror among the animals and discourage rebellion. His leadership is marked by a lack of empathy for the other animals. "At the Meetings Snowball often won over the majority by his brilliant speeches, but Napoleon was better at canvassing support for himself in between times" [17, p. 29]. "According to Napoleon, what the animals must do was to procure firearms and train themselves in the use of them" [Ibid, p. 31]. Napoleon exemplifies a tyrannical leadership style which can only exist with the support of special forces, or dogs: "It was noticed that they wagged their tails to him in the same way as the other dogs had been used to do to Mr. Jones" [Ibid, p. 32].

Based on the above, it is possible to suggest that the function of the political allegory in the novel is that of harsh critique bordering on satire, "that depends for its effects on a peculiar species of dramatic irony: human readers bear the burden (and the pleasure) of knowing what the animal cannot" [21, p. 40]. Political allegory in this novel condemns the unjust power dynamics, corruption and oppression, and represents and problematizes particular types of leaders.

There is a range of cultural and historical allusions in *Animal Farm*, correspondences in history that justify its reading as a historical allegory. The first commonly acknowledged parallel is between the animals' revolution (the vehicle) and the Russian Revolution of 1917 and the subsequent rise of Stalinism (the tenor). Commenting on his way of mirroring key events and figures from Soviet history through the story of farm animals overthrowing their human oppressors, Orwell admits: "Of course I intended it primarily as a satire on the Russian revolution. But I did mean it to have a wider application in so much that I meant that that kind of revolution (violent conspiratorial revolution, led by unconsciously power-hungry people) can only lead to a change of masters" [quoted from 22, p. 53]. V. C. Letemendia suggests that "Orwell makes it quite clear here that he refers to an animal perspective in defining the class struggle as one between humans and beasts. Certainly the point of departure was, in both the Russian situation and in this particular allegory, the identification and removal of the most evident class of oppressors" [22, p. 50].

Though some steady parallels are commonly recognized, such as between the Windmill project and Stalin's Five-Year economic plans [9, p. 65], the execution of animals confessing to non-existent crimes for dissent and the Stalin's Great Purge [23, p. 112], there are also more ambiguous cases that do not directly hint at specific historical figures, outlining certain facts in history nevertheless. Thus, critics generally agree that "Squealer represents the propagandists of the regime" [24, p. 26]. Orwell's use of animals and a farm setting makes these complex historical events accessible, emphasizing the universal relevance of his critique. While history is encoded in the narrative as its tenor, the allegory's function in this regard is that of exposure, or highlighting aspects that need scrutiny by depicting harsh realities.

We can also distinguish a philosophical allegory in the novel. This type functioned as a separate genre in medieval literature and was structured as personified abstractions: narratives featured personified animals, objects, or forces of nature to deliver a moral or ethical lesson. Some scholars term it "fable allegory" [25, p. 96]. However, not being a pure fable, *Animal Farm* still uses personified animals representing certain human qualities and ideas to teach a moral lesson. V. Meyers writes: "To oppose Marx, Orwell turned to a classic seventeenth-century work of political philosophy, Thomas Hobbes's *Leviathan* (1651). <...> According to Hobbes, <...> all human beings are inclined to 'a perpetual and restless desire after power'" [24, p. 32]. The critic specifically points out that Hobbes did not see "men as capable of creating a new society" [Ibid]. She clarifies that "Orwell did not agree with Hobbes's political philosophy, nor did he, like Swift, find mankind ultimately disgusting. He simply believed that the rise of Russian totalitarianism could best be explained by Hobbes's theory, rather than by Marx's" [Ibid].

Here we could add our argument that philosophical allegory is broader in scope than either political or historical. Therefore, besides standing for the established historical figures, the animals also allegorize a moral message. Thus,

Old Major's role is that of idealistic inspiration, representing wisdom and the ability to envision a better future. Snowball's moral qualities comprise intelligence and innovative thinking, underscoring the values of progress, collaboration, and intellectual engagement. An inner binary opposition within the novel's allegory – Napoleon's manipulative, ruthless, and power-hungry nature vs Snowball's democratic tactics – helps to highlight the immoral stance of corruption and tyranny.

A combination of behavioural patterns and rhetoric creates certain philosophical concepts in the novel. One of the most noticeable of such philosophies is that of Boxer's, which can be termed as the philosophy of self-sacrificial hard work and blind loyalty. His two mottos, "I will work harder" and "Napoleon is always right", encapsulate his approach to life, which is centred on unwavering dedication to labour and uncritical trust in authority. In the end, however, allegiance and perseverance appear to be futile in the face of the authority's hypocrisy, which is proven by Boxer's tragic fate. This philosophy symbolizes the mindset of the working class under oppressive regimes – dedicated, trusting, but ultimately exploited. The image of Boxer represents admirable qualities but also highlights the dangers of unquestioning obedience in the face of corrupt leadership. Other animals enrich this spectrum with kindness and moral conscience weakened by helplessness in challenging injustice (Clover), skepticism and realism (Benjamin) invalidated by apathy, selfishness (Mollie), unthinking loyalty and gullibility (the Sheep), and religious faith (Moses), which may be read as a tool to pacify populations with promises of a better afterlife while distracting them from current oppression. Philosophical allegory thus performs a symbolizing function. As A. Byers asserts, this symbolization was "both a tribute to and a condemnation of the working class that Orwell felt could be led into tyrannical directions" [26].

In conclusion, the identified types of allegory in *Animal Farm* – political, historical and philosophical – aim to subvert the genre of the fable where animal figures stand as only abstract signifiers of certain human traits and qualities, and to broaden the potential of allegorical narratives by bringing them closer to reality and historical fact. The functions of political, historical, and philosophical allegory in *Animal Farm* – critique, exposure and symbolization – articulate the layered meanings and purposes of the narrative. The ideological critique via political allegory targets such types of leadership as authoritarian and totalitarian, while also invalidating weak participatory and reformative governance. Political allegory aptly satirizes the leaders' manipulate language and control over the population, as well as the mechanisms of power consolidation and corruption. Historical parallelism and exposure of the true essence of real events, transforms historical narratives for future reflection. Finally, philosophical allegory challenges the rationality of the philosophies like Animalism or blind obedience to power, showing their vulnerability to corruption. It encourages readers to examine moral questions about loyalty, justice, and equality, and helps grasp the notions of freedom, oppression, and moral qualities through their symbolization.

REFERENCES

1. *Lefebvre, H.* The Production of Space / H. Lefebvre. – Cambridge, Massachusetts : Basil Blackwell, Inc., 1991. – 454 p.
2. *Booker, M. K.* The Dystopian Impulse in Modern Literature: Fiction as Social Criticism / M. K. Booker. – Westport, CT : Greenwood, 1994. – 208 p.
3. *Greven-Borde, H.* The Dynamics of Space in the 20th Century Utopian/Dystopian Fiction / H. Greven-Borde // Utopia Matters: Theory, Politics, Literature and the Arts / ed. F. Vieira and M. Freitas. – Porto : Editora da Universidade do Porto, 2005. – P. 199–219.
4. *Clifford, G.* The Transformation of Allegory / G. Clifford. – London : Routledge and Kegan Paul, 1974. – 132 p.
5. *Oerlemans, O.* Poetry and Animals: Blurring Boundaries with the Human / O. Oerlemans. – N. Y. : Columbia University Press, 2018. – 216 p.
6. *Pietilä, V.* Climbing the Ladder of Allegory: George Orwell's *Animal Farm* and Reader Response / V. Pietilä. – Stockholm : Stockholm University, 2019. – 150 p.
7. *Drew, J.* Re-Animalizing *Animal Farm*: Challenging the “Anthropo-Allegorical” in Literary and Pedagogical Discourse and Practice / J. Drew // HUMANIMALIA. – N 13.1. – Fall 2022. – King's University College at Western University, London. – P. 163–201.
8. *Tian'ai Xie.* An Analysis of Political Allegory in *Animal Farm*: from the Perspective of Animal Metaphor / Tian'ai Xie // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the 3rd International Conference on Humanities Education and Social Sciences. – Vol. 496. – 2020. – P. 219–224.
9. *Ireland, B.* Are Rats Comrades? Metaphor and Allegory in George Orwell's *Animal Farm* / B. Ireland // Critical Insights: *Animal Farm* / ed. by Thomas Horan. – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 63–74.
10. *Lewis, C. S.* The Allegory of Love / C. S. Lewis. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 488 p.
11. *Murrin, M.* The Veil of Allegory: Some Notes Towards a Theory of Allegorical Rhetoric in the English Renaissance / M. Murrin. – Chicago : University of Chicago Press, 1969. – 224 p.
12. *Frye, N.* Anatomy of Criticism / N. Frye. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 1990. – 383 p.
13. *Cho, E. M.* Leadership Defined / E. M. Cho // Harvard Political Review. – July 23, 2021. – URL: <https://harvardpolitics.com/leadership-defined/> (date of access: 14.04.2025).
14. *Weber, M.* Max Weber's complete writings on academic and political vocations / edited and with an introduction by John Dreijmanis ; M. Weber. – N. Y. : Algora Publishing, 2008. – 221 p.
15. *Burns, J. M.* Leadership / J. M. Burns. – N. Y. : Harper Perennial Political Classics, 2010. – 544 p.

16. *Tucker, R. Politics as Leadership / R. Tucker.* – Missouri : University of Missouri Press, 1995. – 164 p.
17. *Orwell, G. Animal Farm / G. Orwell.* – London : Wordsworth Editions. – 256 p.
18. *Carr, R. From Eric to Tony Blair: Animal Farm in Modern British Political Discourse / R. Carr // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 118–129.
19. *Hart, B. Animal Farm and the American Left, 1945-1947 / B. Hart // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 18–31.
20. *McGiveron, R. O. From “A Fairy Story” to “Darning a Worn-Out Sock, Cadging a Saccharine Tablet, Saving a Cigarette End”: Narrative Strategies in George Orwell’s Animal Farm and Nineteen Eighty-Four / R. O. McGiveron // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 48–62.
21. *Brophy, G. Rendering Animals: Thought for Food, Meat for Metaphor / G. Brophy // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 32–47.
22. *Letemendia, V. C. Revolution on Animal Farm: Orwell’s Neglected Commentary / V. C. Letemendia // George Orwell’s Animal Farm: New Edition. Edited and with an introduction by Harold Bloom.* – N. Y. : Bloom’s Literary Criticism, 2009. – P. 45–58.
23. *Gibson, Ch. “Just Smile and Nod”: The Absent Malcontent in Animal Farm / Ch. Gibson // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 105–117.
24. *Meyers, V. Animal Farm: An Allegory of Revolution / V. Meyers // George Orwell’s Animal Farm: New Edition. Edited and with an introduction by Harold Bloom.* – N. Y. : Bloom’s Literary Criticism, 2009. – P. 23–34.
25. *Kodirova, V. S. Analyzing Types of Allegory and Classifying Them / V. S. Kodirova // Central Asian Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies.* – Vol. 2, Issue 1, Part 2. – January 2025. – P. 96–99.
26. *Byers, A. The Biopolitics of Totalitarianism in Orwell’s Animal Farm / A. Byers // Critical Insights: Animal Farm / ed. by Thomas Horan.* – Ipswich, Massachusetts : Salem Press, 2018. – P. 167–179.

Поступила в редакцию 08.05.2025

Вербицкая Юлия Сергеевна
магистр филологических наук,
преподаватель-стажер кафедры
белорусской филологии
и зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Viarbitskaya
MA in Philology,
Trainee Teacher of the Department
of Belarusian Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yuliya.viarbitskaya@gmail.com

ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ И СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ПАРАДИГМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДИАНЫ ГЭБЛДОН

TIME TRAVEL AND VALUE PARADIGM SHIFTS IN THE WORKS OF DIANA GABALDON

В статье исследуются аксиологические аспекты романов «Барабаны осени», «Огненный крест» и «Дыхание снега и пепла» из цикла «Чужестранка» американской писательницы Дианы Гэблдон. Акцентируется внимание на аксиологических центрах персонажей и смене ценностных парадигм американского общества, отраженных в образах героев. Сделан вывод о том, что произведения писательницы являются ярким примером того, как конфликт ценностей расширяет повествовательное пространство произведения и способствует углублению его тематики и проблематики.

Ключевые слова: аксиология; аксиологический подход; ценностный центр личности персонажа; фэнтези; литература США; Диана Гэблдон.

The article explores the axiological aspects of the novels *The Drums of Autumn*, *The Fiery Cross*, *A Breath of Snow and Ashes* from the *Outlander* series by the American writer Diana Gabaldon, focusing on the axiological centers of the characters and the changing value paradigms of the American society reflected in the characters. It is concluded that these works are vivid examples of how the conflict of values expands the narrative space of a literary work, contributes to the deepening of its themes and problems.

Ключевые слова: аксиология; аксиологический подход; ценностный центр личности персонажа; фэнтези; литература США; Диана Гэблдон.

Ценностная парадигма художественного произведения является отражением авторского видения ключевых проблем, которые он/она стремится осветить. В литературоведении для изучения данного явления используется аксиологический подход. Буквальный перевод термина *аксиология* с древнегреческого языка означает следующее: «аксиос» – ценностный и «логос» – учение [1, с. 7]. И. С. Скоропанова определяет аксиологию как «учение, исследующее духовные ценности и их соотношение с миром реальности», подчеркивая, что ценности являются «реальными ориентирами человеческого поведения, формирующими жизненные и практические установки людей» [2, с. 4]. В «Современном философском словаре» под редакцией В. Е. Кемерова ценностью называется «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к обще-

значимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [3].

Существуют различные классификации ценностей. Так, М. Шелер выделяет два порядка ценностей: сущностных носителей (первый порядок) и порядок ценностных модальностей (или ценностных качеств (второй порядок)). К первому порядку исследователь относит личностные (ценности «самой» личности и ценности добродетелей) и предметные ценности («блага», которые могут быть материальными, витально ценными и духовными). Со вторым порядком связаны «четыре области модальных единств: это модальность приятного и неприятного; совокупность ценностей витального чувства; модальное единство духовных ценностей; модальность святого и несвятого; каждому из которых присущи определенный ценностный ряд, соответствующие ему ценность предмета, ценность функции и ценность состояния» [4, с. 70–145]. Эта иерархия особенно важна для анализа аксиологических конфликтов в литературе, где часто сталкиваются ценности разных уровней. Представляется, что ключевыми являются такие ценности, как духовные, социальные, экономические и материальные.

Исследователь Н. Гартман, в свою очередь, выделяет виды конфликтов ценностей, среди которых конфликт истинных/ложных ценностей (добро/зло) и конфликт «долга и склонности», когда человек осознает, в чем состоят истинные ценности и правила нравственного поведения, но в силу своей природы нарушает их. В понимании Н. Гартмана существуют и такие ценности, которые являются противоречивыми и исключают друг друга. В таких случаях возникает конфликт морального и морального (ценности и ценности). При этом Н. Гартман считает, что конфликт ценностей неизбежен, т. к. это лишает человека свободы воли, поскольку свобода воли возможна только в ситуации морального выбора между конфликтующими ценностями [5].

Эти философские концепции предоставляют инструменты для более глубокого понимания аксиологических систем, представленных в литературных произведениях. Именно через систему персонажей эти ценностные ориентиры находят свое конкретное воплощение и раскрытие в художественном произведении. Каждый персонаж, как правило, является носителем определенного набора ценностей, которые мотивируют его поступки, формируют мировоззрение и определяют взаимоотношения с другими героями. Таким образом, система персонажей становится полем, на котором разворачивается диалог или конфликт различных аксиологических позиций.

Как указывает А. В. Филатов, аксиологическое изучение литературы может осуществляться на трех уровнях: микроуровень отдельного произведения, макроуровень литературного процесса, мезоуровень системы ценностей писателя [6]. В этом исследовании анализ произведений будет проводиться на микроуровне.

В своей работе «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтин пишет о том, что эстетическая деятельность носит ценностный характер, при этом герой и его мир составляют «ценностный центр» эстетической деятельности

[7, с. 15]. Важно, что и по отношению к самому герою, как указывает Бахтин, можно говорить о наличии такого «ценностного центра», что также соотносится в его терминологии с «познавательно-этической позицией героя», «предметной эмоционально-волевой установкой» [Там же]. В нашем исследовании мы будем опираться на это положение, применяя термин *ценностный центр* непосредственно к анализу ценностей персонажа.

Цель данной статьи – изучение аксиологических аспектов произведений современной американской писательницы Дианы Гэблдон на примере ее романов «Барабаны осени» (*Drums of Autumn*, 1996), «Огненный крест» (*The Fiery Cross*, 2001) и «Дыхание снега и пепла» (*A Breath of Snow and Ashes*, 2005) из серии «Чужестранка» (*Outlander*, 1991). Данные романы можно отнести к жанру фэнтези и его поджанру portal-quest фэнтези, т. е. «попаданческого» или «трансмиграционного» фэнтези. В терминологии американского литературоведа Фары Мендельсон portal-quest fantasy – вид произведения, где герои из одного мира (условно не-магического) путешествуют в другой (волшебный). Однако иногда мир, в который перемещаются герои, может быть таким же волшебным (или не-волшебным), как и тот, из которого они перемещаются. Как указывают литературоведы К. В. Мельнова и Ж. К. Нурманова, в этом поджанре фэнтези иногда герою, никогда прежде не сталкивавшемуся с магией и военным делом, приходится для своего спасения и возвращения домой научиться владеть этими искусствами [8].

В рассматриваемых романах рассказывается о медицинской сестре Клэр, которая после окончания Второй мировой войны, случайно прикоснувшись к одному из волшебных камней Крейг-на-Дуна, переместились в прошлое, в Шотландию XVIII века. В ходе развития повествования Клэр влюбляется в шотландца Джейми, они перемещаются из Шотландии во Францию и вновь оказываются в Шотландии, а затем в Америке. Вернувшись в настоящее, Клэр вслед за мужем Фрэнком вместе со своей дочерью переезжает в Америку и становится жительницей Бостона, а затем спустя много лет она снова перемещается в прошлое, в Шотландию, где встречается с Джейми. После этого она вместе с ним эмигрирует в британскую колонию Северная Каролина, т. к. в Шотландии Джейми участвовал в революционной деятельности против британцев и опасается преследования. В дальнейшем события в романах происходят на американском континенте. Каждый персонаж в произведениях Д. Гэблдон предлагает свою точку зрения на происходящее в Америке XVIII века. Это создает многослойный нарратив, который позволяет читателю глубже понять данный исторический период.

В романах автор демонстрирует столкновение традиционных ценностей с новыми идеями о свободе и равенстве, что позволяет проследить эволюцию американского общества. При этом необходимо отметить, что период американской истории, выбранный Дианой Гэблдон для своих романов, достаточно турбулентный: герои оказываются на пороге Американской революции. Здесь реализуется специфика поджанра «попаданческого» фэнтези, т. к. Клэр, жительница XX века, осведомлена о последствиях исторических

событий, а остальные герои, не имея возможности заглянуть в будущее, рассуждают исходя из своих взглядов и ценностей, присущих XVIII веку. При этом Клэр делится своими «предсказаниями» с некоторыми людьми, но это все равно не может повлиять на события масштабно.

Он недоверчиво хмыкнул.

– Так в Америке будут жить шотландцы? Это хорошо.

Я не обратила внимания на его замечание и продолжила, глядя в шевелящуюся тень, как будто пыталась рассмотреть там города, которые когда-то появятся на этой земле.

– В Америке будет множество всякого народа. Все земли будут освоены, отсюда и до западного побережья, до области, которая называется Калифорнией. Но сейчас... – я слегка содрогнулась, несмотря на окутавшее меня тепло, – сейчас там лишь три тысячи миль пустыни. И ничего больше [9].

Америка в романах Дианы Гэблдон с содержательно-смысловой точки зрения представлена в различных аспектах в зависимости от ценностного центра личности того или иного героя. Для шотландского революционера Джейми Америка – чужая страна, которая, тем не менее, становится приютом и безопасным местом, где он может демонстрировать свою шотландскую национальную идентичность (например, в его родной Шотландии британцами было запрещено носить килт). В Америке он становится главой клана, возвращает, в некотором роде, свой титул лэрда. Ради этого он готов даже сотрудничать с британцами на своей новой родине. Таким образом, ценностным центром его личности становится возможность реализовать национальный компонент своей идентичности. Через некоторое время Джейми призывают в ополчение для подавления революционных настроений, но сам он не хочет поддерживать королевскую власть. Так, например, когда представитель британской власти на территории колоний призывает предать суду протестующих, Джейми старается сохранить нейтралитет. Таким образом, через конфликт ценностей Джейми переходит от осознания свободы как личной ценности к понятию свободы как общественной ценности и впоследствии выступает на стороне американских революционеров.

Главная героиня, Клэр, оба раза выбирает Америку как место жительства, следуя за мужем. Еще находясь в настоящем, она переезжает жить в Америку, т. к. ее муж получает должность в Гарварде. Оказавшись в прошлом, Клэр следует в Америку за Джейми. Таким образом, ценностный центр ее личности соотносится с такими понятиями, как любовь и семья, семейные отношения, семейная общность. Кроме того, важным компонентом идентичности личности Клэр является ее профессия. Она – медик и четко осознает свое призвание помогать людям. В Америке XX века она сталкивается с гендерными стереотипами, поскольку профессия хирурга считается не женской, женщину-хирурга не воспринимают всерьез. В то же время в Америке XVIII века ее запас знаний по медицине значительно превышает существовавший на тот момент, поэтому некоторые местные жители считают ее ведьмой.

Она подхватила корзину, смущенно глядя на Джейми.

– Ну... нет. Некоторые говорят, что ваша жена, может быть, ведьма. Вы про это слыхали? [10].

Однако Клэр остается верна своим ценностям и продолжает помогать людям, стараясь применить опыт медицины ХХ века.

Для Фергюса, в прошлом простого французского мальчика-беспризорника, которого Клэр и Джейми забрали с собой в Шотландию, а затем и в Америку, Америка становится воплотившейся мечтой. То есть ценностный центр его личности связан с обладанием землей, возможностью на ней жить, обрабатывать ее – тем, чего он был лишен на родине.

– Милорд сказал мне, что тут любой человек может подать прошение, чтобы ему выделили чуть ли не пятьдесят акров земли, если только он обязуется построить там дом и пообещает работать не меньше десяти лет. Вы только вообразите – пятьдесят акров! – Фергюс просто сmakовал эти слова, он произносил их, как некую молитву высшим силам [9].

Америка как страна возможностей и цель многих европейцев упоминается также и мужем сестры Джейми, оставшимся в Шотландии, когда он просит Джейми не отправлять назад своего сына Яна, который вместе с Джейми оказался в Америке: Эмиграция, писал Ян-старший, превратилась «почти в эпидемию», и практически все жители деревни Шегли, например, решили, что это дело стоящее, и надо ехать. <...> Нам, конечно, хотелось бы, чтобы он остался с тобой, если ты не против. Наверное, в Новом Свете у него будет куда больше возможностей, чем он нашел бы здесь [Там же]. Стоит отметить, что образ Яна-младшего претерпевает трансформацию: в Америке он оказывается среди индейцев Чероки и перенимает их образ жизни и систему ценностей.

Джокаста, тетя Джейми, в Америке находится давно. Сначала она уехала за мужем, который бежал от британской тюрьмы, а после его смерти она вышла замуж еще три раза. Ценностный центр ее личности связан с приобретением и сохранением капитала, поэтому в какой-то степени ее второй и третий браки – браки по расчету. На момент действия романа «Барабаны осени» она является владелицей богатой плантации в Северной Каролине, где эксплуатируется труд чернокожих рабов. Джокаста является не единственным представителем шотландской диаспоры среди плантаторов. Клэр отмечает, что во время приема в доме Джокасты список гостей можно было бы читать, как книгу «Кто есть кто в долине реки Кейпфир», существующая книга в восемнадцатом веке. Кэмбелл, Максвелл, Бакхэн, Макнейл, Макэйхерн... это все были имена Горной Шотландии, имена с Островов. Макнейл из Ягодной Поляны, Маклеон из Ислея... названия многих плантаций сохраняли привкус тех мест, откуда явились их владельцы, а сами плантаторы говорили так, что невозможно было ошибиться в их происхождении; от высоких расписных потолков эхом отдавалась гэльская речь [Там же]. Стоит отметить, что писательница здесь придерживается во многом фактов официальной историографии, так как в конце XVIII века население шотланд-

цев в Северной Каролине составляло не менее 11 % от всего населения согласно данным Американского совета научных обществ [11, р. 114]. Вместе с тем Джокаста – вдова, и для женщины того периода это становится угрозой для сохранения и приумножения капитала. В американских колониях она сталкивается с гендерным неравенством и предрассудками.

Ряд ценностей новой родины противоречит личным ценностям героев. Несмотря на то, что Америка является страной возможностей, зачастую герои оказываются в оппозиции по отношению к ценностным и моральным установкам американского общества того времени, особенно с учетом того, что действие происходит в южных колониях. Например, Клэр выступает против казни темнокожего раба за нападение на надзирателя, однако она не может ничего изменить и ощущает свою беспомощность.

– *Вы меня извините, мэм... Мне известно, что вы совсем недавно приехали к нам; многие из наших порядков могут показаться вам неприятными и даже варварскими, но...*

– *Да уж конечно, я считаю это варварством! Что это за закон, который наказывает человека...*

– *Раба, мэм.*

– *Человека! Наказывает без судебного рассмотрения, даже без простого расследования? Что это за закон? [9].*

Джейми также не приемлет систему наказаний для рабов, существовавшую на Юге Америки, т. к. для него это ассоциируется с жестокостью британцев в Шотландии:

– *Вы не знаете, – сказал Кэмпбелл, поворачиваясь в седле, чтобы видеть Джейми, – но это обязательное правило. Когда какого-то раба должны наказать, рабов с соседних плантаций приводят, чтобы они это видели... Ну, это средство устрашения, вы понимаете? Чтобы на будущее знали, что им грозит в случае чего.*

– *Да, я понимаю, – вежливо откликнулся Джейми. – Я уверен, что именно с той же самой целью королевский суд казнил моего деда в Тауэре, после восстания. Весьма эффективно, скажу я вам; все мои родственники с тех пор ведут себя очень хорошо [Там же].*

Но осознание ценности человеческой жизни даже в глазах Джейми не распространяется на индейцев, поскольку, по его мнению, они используют варварские и жестокие методы для защиты от колонизаторов:

– *А с ними что будет? С дикими индейцами? – с любопытством спросил Джейми, тоже взглядаваясь в темноту, и словно пытаясь различить будущее среди качающихся деревьев. – Их разобьют и отгонят куда-то, да?*

<...> – Да, разобьют, – сказала я. – Просто убьют большинство из них. А многих посадят в тюрьмы.

– *Ну, это хорошо.*

– *Как посмотреть, – сухо произнесла я. – Не думаю, чтобы сами индейцы были с этим согласны [Там же].*

Здесь автор также следует данным, приводимым в научной литературе по теме геноцида индейцев. Так, например, исследователь Рассел Тортон указывает, что в 1492 году население индейцев в Америке составляло более 7 млн человек, а к концу XX века их осталось всего 250 тыс. [12].

Ценностные нарративы XVIII и XX веков, представленные в рассмотренных романах Дианы Гэблдон, также различаются. Это особенно заметно на примере еще одной пары героев, которые оказываются в Америке XVIII века после того, как находят в архиве данные о жизни Клэр и Джейми в прошлом. Это их дочь Брианна и ее муж Роджер. В частности, Роджер реагирует на революционную ситуацию в Америке того времени с позиции человека XX века, пацифиста, который не приемлет любые формы насилия. По профессии в настоящем Роджер – историк, однако в прошлом ни Джейми, ни другие персонажи не видят реального применения его навыков в существующих реалиях, что приводит его к нахождению нового призыва – пути священника. Таким образом, для персонажей, попавших в XVIII век из будущего, ценностные установки персонажей, изначально находящихся в прошлом, кажутся неприемлемыми, что зачастую приводит к конфликтам.

Таким образом, романы Дианы Гэблдон «Барабаны осени», «Огненный крест» и «Дыхание снега и пепла» предлагают читателю уникальную возможность исследовать сложные переплетения времен, культур и судеб героев на фоне значимых исторических событий. Через призму системы персонажей в романах мы видим ценности старого и нового мира, а также прошлого и современности, в частности, ассоциирующиеся как с идеями свободы, демократии, так и с несправедливыми законами в отношении расовых меньшинств и женщин в Америке XVIII века. Проанализировав ценностные центры личностей героев, можно сделать вывод об общей ценностной парадигме данных произведений, в которую входят такие понятия и концепты, как семья, любовь, свобода, земля, приобретение и сохранение капитала, профессиональная самореализация человека и верность своим идеалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев, П. Е. Аксиология : учеб. пособие : в 2 ч. / П. Е. Матвеев ; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – Ч. 1. История аксиологии. – 176 с.
2. Скоропанова, И С. Ценностные ориентиры европейской и русской литературы / И. С. Скоропанова // Аксиологический диапазон русской литературы : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Л. Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 4–11.
3. Кемеров, В. Е. Современный философский словарь / под общ. ред. профессора В. Е Кемерова. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/index.htm> (дата обращения: 24.11.2024).
4. Толокевич, Л. А. Проблема эстетических ценностей в феноменологии Макса Шелера / Л. А. Толокевич // Вестн. ЧелГУ. – 2010. – № 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-esteticheskikh-tsennostey-v-fenomenologii-maksa-shelera> (дата обращения: 24.03.2025).

5. *Перов, В.* Конфликт ценностей и ценность конфликта в этике Н. Гартмана / В. Перов // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-tsennostey-i-tsennost-konflikta-v-etike-n-gartmana> (дата обращения: 24.03.2025).
6. *Филатов, А. В.* Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа / А. В. Филатов // Сибир. филол. журн. – 2019. – № 4. – С. 130–140.
7. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
8. *Мельнова, К. В.* Анализ типов героев в фэнтези литературе / К. В. Мельнова, Ж. К. Нурманова // Keruen. – 2023. – Т. 81. – № 4. – С. 142–152.
9. *Гэблдон, Д.* Барабаны осени. О, дерзкий новый мир! – URL: https://modernlib.net/books/gebldon_diana/barabani_oseni_o_derzkiy_noviy_mir/ (дата обращения: 24.11.2024).
10. *Гэблдон, Д.* Дыхание снега и пепла. – URL: <https://ipv6.e-reading.life/book.php?book=1079918> (дата обращения: 24.11.2024).
11. American Council of Learned Societies. Committee on Linguistic, National Stocks in the Population of the United States. Report of the Committee on Linguistic and National Stocks in the Population of the United States. – US Government Printing Office, 1932. – Vol. 1. – 441 p.
12. *Thornton, R.* Native American demographic and tribal survival into the twenty-first century / R. Thornton // American Studies. – 2005. – Vol. 46. – № 3/4. – Р. 23–38.

Поступила в редакцию 27.06.2025

Данилович Татьяна Валерьевна
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
белорусской и зарубежной литературы
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Danilovich
Habilitated Doctor of Philology,
Associate Professor, Professor of the
Department of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tanya.tada@mail.ru

РОМАН И. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И ФИЛЬМ С. РАЯ «МИР АПУ»: ЛЮБОВЬ В СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА

I. BUNIN'S NOVEL *THE LIFE OF ARSENIEV* AND S. RAY'S FILM *THE WORLD OF APU*: LOVE IN THE ARTIST'S DESTINY

В статье сопоставляется влияние любви на творческую личность в романе Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева» и кинофильме Сатиаджита Рая «Мир Апу». Раскрывается общее и индивидуальное в том, как русский писатель и индийский кинорежиссер осмысливают роль любовного опыта в процессе личностного формирования и профессионального становления героя.

Ключевые слова: И. Бунин; С. Рай; русская литература; индийское кино; типологическое сходство; национально-культурная специфика; герой-художник; любовь и творчество.

The influence of love on the creative personality in Ivan Bunin's novel *The Life of Arseniev* and Satyajit Ray's film *The World of Apu* is compared in the article. It reveals the common and individual in the way the Russian writer and Indian film director comprehend the role of love experience in the process of personal development and professional development of the protagonist.

Key words: I. Bunin; S. Ray; Russian literature; Indian cinema; typological similarity; national and cultural specificity; artist as a character; love and creativity.

Формирование творческой личности становится основой художественного исследования в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927–1933) и кинотрилогии С. Рая «Песнь дороги» (1955), «Непокоренный» (1957), «Мир Апу» (1959), что служит веским аргументом в пользу типологического соотнесения этих произведений.

И автор книги, и режиссер фильма рассматривают целый ряд факторов, повлиявших на становление героя, среди которых немало сходных: жизнь в деревне, близость природе, любящие родители, творческая одаренность отца, тесное общение с сестрой и ее ранняя смерть, опыт бедности и др. Значимую роль в судьбе начинающего писателя в обоих произведениях играет любовь. Ее влияние на героя оказывается смысловым центром в книге пятой романа И. Бунина и третьем фильме кинотрилогии С. Рая.

Отношение Алексея Арсеньева и Апурбы Кумара Роя к праву художника на любовь разнится. Для первого она становится важнейшей составляющей полноценного бытия творческой личности, проявлением жажды жизни и любви к миру. Бунинский герой открыт чувствам и к моменту встречи с Ликой пережил несколько влюбленностей. Последние, как отмечает Б. В. Аверин, «по-разному освещают для читателя стадии становления героя», а в любви Арсеньева к Лике «все особенности предыдущих влюбленностей совмещаются» [1, с. 667].

В противоположность Алексею Апу до женитьбы руководствуется философией творческого аскетизма, считая любовь угрозой писательской деятельности. В общении с несколькими героями (соседом, другом Пулу, Апарной) Апу признается, что ни с кем не встречался и не испытывал состояния влюбленности. Более того, герой не хочет впускать любовь в собственную жизнь, осознанно отказываясь от возможных отношений, о чем красноречиво свидетельствует эпизод фильма, в котором Апу, заметив девушку, с интересом наблюдающую за ним из окна, сразу же прячется от нее.

Разнятся и причины, по которым начинается этап совместной жизни главного героя и его избранницы в бунинском романе и фильме С. Рая. Алексей и Лика принимают решение жить вместе, движимые чувством любви, а Апу женится на Апарне под влиянием настойчивой просьбы ее родственников и собственных альтруистических побуждений. В сравнении с последовательностью выстраивания отношений между Алексеем и Ликой взаимоотношения Апу и Апарны развиваются как бы в обратном порядке: впервые герои фильма встречаются в день своей свадьбы, а чувства между ними возникают уже в браке.

Различается также характер взаимодействия персонажей в рассматриваемых парах. В начале связи с Алексеем Лика стремится сохранить независимость и часто остается безучастной к его интересам, мыслям и переживаниям, что передается И. Буниным с помощью целого ряда лексических штрихов: «изумления не испытывала»; «говорила она... глядя искоса, тихо и безразлично» [2, с. 444]; «слушала с беспощадным безучастием»; «невнимательно говорила» [2, с. 445] и др. Впоследствии Алексей и Лика как бы меняются ролями по отношению друг к другу. «Теперь уже я (как прежде, в Орле, она), – отмечает герой, – хотел быть любимым и любить, оставаясь свободным и во всем первенствующим» [2, с. 495]. Лика проявляет эмпатию к своему избраннику, интерес к его личности и творчеству, а Алексей, стремясь доминировать во взаимоотношениях с возлюбленной, часто переступает через ее чувства.

В фильме С. Рая отношения между героями с течением времени становятся все ближе, что наряду с прочим оттеняется с помощью композиции кадров. Во время первого после свадьбы разговора Апарна и Апу находятся на значительном расстоянии друг от друга, героиня отвечает мужу, не глядя на него. Контрастом этому является один из фрагментов о дальнейшей жизни супругов, в котором крупным планом показаны рядом лица

героев, и Апарна, глядя на Апу, упирается подбородком в его плечо. Данный кадр отображает появление дружеской раскрепощенности и внутренней близости между супругами. При этом если в романе И. Бунина воплощается многоаспектность феномена любви, включающей и духовную составляющую, и физическое влечение, то С. Рай оставляет последнее за кадром в силу дозволенных традициями индийского кинематографа и установившейся моральной цензуры.

В обоих произведениях героини, движимые любовью, жертвуют привычным для них комфортом, видя себя в роли хранительницы домашнего очага рядом с любимым человеком. Лика проявляет заботу об Алексее в пору их совместной жизни, мечтает о венчании и рождении ребенка. Однако герой в силу своего противоречивого отношения к возможности создания семьи для художника не рассматривает возлюбленную в качестве спутницы всей своей жизни. Само понятие «хозяйка дома» имеет для Алексея негативную коннотацию. Рассказывая о том, что сделала Лика в порыве ревности, герой отмечает: «...она, в полную противоположность своему добруму, благородному, еще девичьему характеру, вдруг поступила как самая обыкновенная “хозяйка дома” – нашла какой-то предлог и имела резкую твердость рас считать казачку, служившую нам...» [2, с. 500].

Апарна, оказавшись замужем, выполняет, подобно матери Апу в первых двух фильмах, традиционную для индийской женщины роль хранительницы семейного очага. Неслучайно показано, что героиня разжигает огонь, на котором готовит еду. Благодаря Апарне жизнь Апу преображается, что акцентируется посредством контраста его внешнего облика и интерьера комнаты до и после свадьбы. На заявление Апарны, что ей известно слово *жена*, Апу с многозначительной улыбкой отвечает: «Нет, ты не знаешь, а вот я – да». Под сказанным герой подразумевает то душевное тепло и гармонию, которые Апарна привносит в его жизнь. Даже после смерти жены ее забота о муже продолжает проявляться: по просьбе героини соседка готовит ему еду.

И в романе, и в фильме осмысливается влияние любви на творческую деятельность главного героя. Расставание с Ликой, когда она уезжает из Орла с отцом и Богомоловым, становится для Алексея периодом пристального взгляdzивания в окружающий мир в поисках материала творчества, временем размышлений о направлении своей писательской деятельности, собственных эстетических установках. Кроме того, тоска по Лике усиливает творческую фантазию героя, заставляет его видеть мир иначе, как это происходит в ситуации, когда Алексей, блуждая по городу, иногда оказывается на вокзале: «За триумфальными воротами начиналась темнота, уездная ночная глушь. И вот я мысленно видел какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем. Видел широкие, занесенные снегом улицы, чернеющие в снегу хибарки, красный огонек в одной из них... И с восторгом твердил себе: да, да, вот так и написать, всего три слова: снега, хибарка и лампада в ней... больше ничего!» [2, с. 463].

В фильме С. Рая тема творческого воображения связана с отсутствием у Апу опыта любви. Эта ситуация позволяет осмыслить вопросы о роли и соотношении в творчестве реально пережитого и фантазии, способности интуитивного постижения незнакомых художнику сфер жизни. Примечателен диалог между Апу и Пулу, состоявшийся после того, как главный герой сообщает другу, что пишет роман, в котором есть тема любви, и слышит в ответ:

- Не пиши о том, чего не знаешь.
- А воображение?
- Только не в любви.
- Что тут сложного. Я много читал. Этого достаточно.

Кто из друзей, с точки зрения режиссера, прав – остается неизвестным. Пулу высказывает свои мысли, не прочитав роман друга, и в хронологических рамках фильма такой возможности ему не представится. Изменилось ли повествование Апу о любви после встречи с Апарной, зритель тоже не знает. С. Рай задает тему для размышлений, оставляя вопрос открытym.

С любовной линией в обоих произведениях связана также проблема внутренней свободы художника, что осмысливается и И. Буниным, и С. Раев в нескольких ракурсах. Важнейший из них в романе – это необходимость совмещать писательскую деятельность с работой, позволяющей иметь средства к существованию. Алексей, родившийся в обедневшей дворянской семье, не может посвятить себя исключительно литературному труду и вынужден трудиться ради заработка. С появлением в жизни героя любимой женщины возникает обязанность обеспечивать не только себя. По этой причине собственные отношения с Ликой в Орле Алексей характеризует как «счастье нелегкое, изнурительное и телесно и душевно» [2, с. 442]. Необходимость ради комфорtnого существования возлюбленной посвящать свои времена и силы нелюбимому делу иногда вызывает у героя недовольство Ликой:

Помню: как-то вечером она была на катке, я сидел и занимался в редакции <...> в доме было пусто и тихо <...> сердце мне томила тоска, обида, ревность, – вот я тут сижу один, за какой-то нелепой, недостойной меня работой, до которой я унизился ради нее, а ей где-то там, на этом ледяном пруду, окруженном белыми снежными валами с черными елками, оглушаемом полковой музыкой, залитом сиреневым газовым светом и усеянном летающими черными фигурами, – ей там весело... [2, с. 442].

Помимо вопроса о необходимости совмещать творчество и работу ради денег в романе И. Бунина осмысливается такой аспект проблемы свободы художника, как внеутилитарность искусства. Мысли о недопустимости подчинения литературы внехудожественным задачам Алексей высказывает в разговоре с отцом Лики, когда держит негласный экзамен на право стать ее мужем:

И снова вздор полез мне в голову – снова Гете: «Я живу в веках, с чувством несносного непостоянства всего земного... Политика никогда не может быть делом поэзии...»

- Общественность не дело поэта, – ответил я [2, с. 437].

Весомой составляющей независимости творческой личности в понимании Алексея Арсеньева становится и отсутствие обязательств по отношению к любимой женщине. Герой, осознавая, что проявления его свободы причиняют страдания Лике, испытывает угрызения совести, однако не изменяет избранной им линии поведения. О том, что оно детерминировано характером понимания Алексеем роли творчества в собственной жизни, В. Вейдле справедливо замечает: «Грех его [Алексея Арсеньева. – Т. Д.] по отношению к Лике проистекает на всех своих ступенях не из распыленности его внимания или чувственности, а из поглощенности всего его существа той самой, раз навсегда заданной ему художнической задачей» [3, с. 426].

В интерпретации темы творческой свободы у С. Рая обнаруживаются как точки пересечения с бунинской концепцией, так и существенные расхождения. Апу, сын бедного брахмана, рано ставший сиротой, вынужден, подобно Алексею, заниматься не только писательством. При этом первый до и после брака по-разному воспринимает необходимость работы для финансового обеспечения семьи. В начале фильма Апу, мечтая о литературной славе, не хочет связывать себя узами брака, считая, что только художник, не обремененный заботой о материальном благополучии близких, может целиком сосредоточиться на творчестве. Поэтому на предложение Пулу о помощи в поисках работы Апу отвечает отказом, выражая нежелание быть клерком: «Я свободный человек, жены у меня нет, детей у меня нет. Зачем я буду зарывать себя в бумаги?» Однако, обретя счастье в браке, Апу не только не рассматривает заботу о благосостоянии семьи как тяжкое бремя, но и проявляет искреннюю обеспокоенность тем, что из-за его финансовой несостоятельности Апарна не имеет возможности вести такой же беспечный образ жизни, как ранее в доме своих родителей.

В отличие от Алексея, герой фильма демонстрирует принципиально иное восприятие свободы в отношениях с возлюбленной. Если первый, воплощая в жизнь собственное понимание независимости художника, часто отправляется в командировки с разъездными статистками, оставляя Лику в одиночестве, то в изображении семейной жизни второго преобладают сцены совместного времяпрепровождения супругов. Апу счастлив рядом с Апарной и не хочет расставаться с ней, искренне радуется тому, что в его семье скоро будет ребенок.

В отношении героя С. Рая проблема внутренней свободы художника помимо обозначенного связана с тем, что брачные узы отвлекают его от творческой деятельности. Вытеснение в сознании Апу творчества личной жизнью метафорически передается посредством изображения того, что место на кровати возле него, где до свадьбы стояла чернильница и лежала рукопись, после женитьбы заняла Апарна.

Если у Алексея постепенно кристаллизуется представление о творчестве как смысле собственной жизни, которому должны быть подчинены все

остальные стороны бытия художника, то у Апу, отдававшему до свадьбы приоритет служению искусству, с появлением жены изменяется ценностная иерархия: семья в соотношении с творчеством выходит на первый план. Герой признается Апарне: «Знаешь, как много это [работа над романом. – Т.Д.] для меня значит, но ты важнее». Причем любовь не лишает Апу творческой силы, ведь во время отъезда Апарны он планирует дописать роман и посвятить его жене.

В обоих произведениях любовный опыт дарит героям богатую палитру переживаний – от восторженного подъема до мучений. В романе И. Бунина источником страданий Алексея и Лики нередко становится ревность, отравляющая существование каждого из них. О проявлениях этого чувства по отношению к любимой женщине герой вспоминает: «Больше всего мучился я, когда бывал с ней на балах, в гостях. Когда она танцевала с кем-нибудь, кто был красив, ловок, и я видел ее удовольствие, оживление, быстрое мелькание ее юбок и ног, музыка сильно била меня по сердцу своей бодрой звучностью, вальсами влекла к слезам» [2, с. 444]. В свою очередь Лика после рассказа Алексея о земской фельдшерице в Шишаках, испытывая приступ ревности, восклицает: «Как ты жесток со мною!» [2, с. 493].

Во взаимоотношениях персонажей С. Рая отсутствует настоящая ревность: когда в письме мужу Апарна сообщает, что ревнует его к девушке-соседке, которая видит Апу утром и вечером, это воспринимается скорее как элемент легкого флирта, чем как проявление действительного беспокойства. Страдания героя фильма от любви связаны с ранней смертью его возлюбленной. Аналогичное испытание выпадает и на долю Алексея Арсеньева. Оба героя ощущают непоправимость случившегося и теряют на время смысл существования. Алексея это приводит к мысли о самоубийстве, Апу – к попытке суицида.

Путь душевного исцеления рассматриваемых персонажей включает сходные этапы. Оба героя в качестве способа избавления от внутренней боли избирают перемену места. Алексей принимает решение на время уехать из Орла в Батурино, ощущив невыносимость «вездесущего присутствия» Лики [2, с. 508]. Апу покидает Калькутту и путешествует по стране, движимый желанием освободиться от душевных страданий, вызванных смертью Апарны.

В романе не указывается, насколько благотворно повлияло на героя пребывание в Батурино. В отношении Апу подчеркивается, что путешествия не помогают ему изжить боль. Показателен фрагмент фильма, где Апу бредет по лесу: светит солнце, поют птицы, а в глазах героя – тоска. Он оказывается как бы отделен от окружающего мира, не проникаясь жизненной силой и энергией природы, а последняя словно равнодушна к его страданиям, что опровергает суждение Г. Чухрая о фильмах С. Рая: «Природа, герои, действие – все

это едино, все из одной ткани, из одних и тех же молекул, все вместе» [4, с. 7]¹. Творческая деятельность тоже не притупляет в душе Апу боль утраты. В этом плане символична сцена, в которой на фоне прекрасных гор он разбрасывает по ветру рукопись своего романа.

В обоих произведениях опорой для героев после потери возлюбленной становится близкий родственник: для Алексея – отец, для Апу – сын. Бунинский герой спустя годы с благодарностью вспоминает об участии отца в своей судьбе: «... никто в ту зиму не понимал так, как он, что у меня на душе, и, верно, никто не чувствовал так этого соединения в ней скорби и молодости» [2, с. 511]. Если отец в общении с Алексеем преследует цель помочь сыну, проникаясь происходящим с ним, то в фильме С. Рая душевное исцеление Апу происходит из-за осознания героем своего отцовского долга.

Не имея сил забыть, что рождение мальчика стало причиной смерти Апарны, Апу длительное время предельно дистанцируется от жизни ребенка. В процессе общения с Каджалом у героя пробуждается жалость к малышу и желание участвовать в его судьбе. В finale фильма, когда сын радостно восседает на плечах отца, выражение лица Апу, который после потери жены превратился в одинокого странника, становится таким же сияющим от счастья, каким было до смерти Апарны. В кинокартине не показано возобновление творческой деятельности героя, однако последние кадры позволяют предположить дальнейшую судьбу Апу.

Значимость возлюбленной в жизни главного героя и у Бунина, и у С. Рая оттеняется посредством религиозного дискурса. После бегства Лики в сознании Алексея возникает ее символическое соединение с образом Богоматери. Хотя сам Арсеньев воспринимает это сопоставление как «страшное, кощунственное» [2, с. 511], оно подчеркивает судьбоносную роль героини в его жизни, наделяет их отношения вневременным измерением, возводит любовь в ранг высших духовных ценностей, поэтизирует образ Лики, связывает его с мотивами жертвенности и страдания.

В фильме С. Рая проводятся многократные параллели между Апу и Кришной – одним из самых почитаемых богов в индуизме. Это сопоставление, помимо того, что артикулирует креативное начало личности героя (в одной из индуистских традиций Кришна интерпретируется как Бог-творец и одновременно воплощение мироздания), провоцирует на соотнесение истории любви Апу и Апарны с взаимоотношениями Кришны и его возлюбленных. Причем чувства последних символизируют не земную любовь, а бхакти – преданность Богу, жажду души к единению с Абсолютом. Такой культурно-религиозный контекст придает отношениям Апу и Апарны сакральное значение.

¹ В «Песне дороги» природа тоже не всегда оказывается в гармонии с человеком. По поводу эпизода, в котором Дурга танцует под ливнем, С. Рай отмечает: «Картина эта волнует вас не только своими зрительными возможностями, но и скрытым за ними подтекстом: этот дождь убьет ее» [4, с. 55].

Особая ценность пережитой любви в судьбе главных героев обоих произведений раскрывается также через мотив памяти. Спустя много лет после случившегося Алексей вспоминает о взаимоотношениях с Ликой как важнейшей части собственной жизни. Причем героиня существует в сознании Алексея не только в качестве составляющей его прошлого, но и настоящего. Арсеньев, которому в 50-летнем возрасте впервые приснилась Лика, замечает по поводу этого сна: «Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелест увядшей красоты» [2, с. 512]. Обращая внимание на то, что после смерти Лики ее образ для Арсеньева не остается неизменным, Б. В. Аверин поясняет: «Воспоминание, воображение и сон, сливая свои усилия, преодолевают смерть уже не тем, что сохраняют ушедшее в нерушимости, – они продлевают бытие за черту смерти, заставляют его продолжать жить» [1, с. 677–678].

О том, что в памяти Апу тоже прочно закрепляется образ возлюбленной, красноречиво свидетельствует его поведение спустя годы после трагического события. Вопреки оптимистическим словам, сказанным герою вскоре после смерти жены («А ты молодой парень, у тебя еще все впереди, соберись с духом, не надо отчаиваться. Пока у Кришны есть его кнут и волшебная флейта, рядом с ним всегда будет женщина. Можешь жениться еще хоть десять раз, если захочешь»), Апу и по прошествии пяти лет после смерти Апарны по-прежнему остается один, скорбя о жене и не имея сил преодолеть ощущение невосполнимости утраты.

Важная деталь, служащая индикатором состояния героя, – флейта в его руках. Этот музыкальный инструмент является атрибутом Кришны, игра которого на флейте символизирует «гармонию всех живых существ, их любовное единение друг с другом» [5, с. 292]. Если до смерти жены Апу часто играет на флейте, то после трагедии он ни разу не притрагивается к музыкальному инструменту, что становится выразительным символом горя героя.

Несмотря на существенные различия воплощенных в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и фильме С. Рая «Мир Апу» историко-культурных и географических реалий, психотипов персонажей, сходство идейного содержания обоих произведений заключается в том, что на этапе взросления и творческого становления Алексей и Апу проходят через испытание любовью.

Отношение к праву художника на любовь, иерархия между творчеством и личными чувствами, характер взаимоотношений с возлюбленными у героев различаются, но в жизни обоих персонажей любовь становится не просто романтическим переживанием, а подлинным экзистенциальным опытом. И для Алексея, и для Апу она оказывается важным этапом освоения окружающего мира и формирования представлений о нем, способом самопознания, постижения природы искусства и осознания роли творчества в своей судьбе.

Любовь проявляет себя и как созидающая, и как разрушительная сила, открывая героям одновременно поэзию и трагизм бытия, даря счастье и заставляя страдать. Оба персонажа приходят к пониманию безусловной ценности любви в собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин, Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания / Б. В. Аверин // Иван Бунин: pro et contra / сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова ; коммент. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнен, Д. Риникера ; библиогр. Т. М. Двинягиной, А. Я. Лапидус. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 651–677.
2. Бунин, И. А. Избранные произведения / И. А. Бунин. – М. : Панорама, 1991. – 736 с.
3. Вейдле, В. В. На смерть Бунина / В. В. Вейдле // Иван Бунин: pro et contra / сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова ; коммент. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнен, Д. Риникера : библиогр. Т. М. Двинягиной, А. Я. Лапидус. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 419–432.
4. Рей Сатьяджит / сост. А. Софьян ; вступ. ст. Г. Чухрая. – М. : Искусство, 1979. – 216 с.
5. Жуковский, В. И. Искусство Востока. Индия : учеб. пособие / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева. – Красноярск : КрасГУ, 2005. – 400 с.

Поступила в редакцию 28.07.2025

Кислицына Анна Николаевна

доктор филологических наук,
заведующий отделом теории
и истории литературы Института
литературоведения имени Янки Купалы
Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь
г. Минск, Беларусь

Hanna Kislitsyna

Habilitated Doctor of Philology, Head of the
Department of Theory and History of Literature
at the Institute of Literary Studies
named after Yanka Kupala
Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
hanna.kislitsyna@gmail.com

ТРАГЕДИЯ ЧЕРНОБЫЛЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

THE CHERNOBYL TRAGEDY AND ITS REFLECTION IN LITERATURE

В статье рассматриваются самые значительные произведения белорусской литературы, посвященные проблеме Чернобыльской катастрофы. Отмечается роль поэзии и публицистики как видов искусства быстрого реагирования. Автор обращается к фигуре Алеся Адамовича, писателя и литературоведа, который приложил титанические усилия для того, чтобы последствия катастрофы были ликвидированы как можно скорее. Отмечается актуальность дневниковых наблюдений этого писателя для сегодняшнего дня, его феноменальный вещий дар. Автор делает наблюдение о том, что только в соединении работы представителей различных научных дисциплин могут появиться плоды в решении проблем ликвидации последствий катастрофы. Выделяются главные книги белорусской литературы, которые стали самыми популярными объектами литературоведческих исследований. Затрагивается проблема изменения авторских стратегий в связи с необходимостью осознания последствий аварии. Говорится про новую роль литературы нон-фикшн, которая приобрела актуальность в связи с необходимостью фиксации и документализации событий. Среди тех, чьи книги рассматриваются в статье – С. Алексиевич, И. Шамякин, В. Быков, В. Козько, И. Пташников, А. Кожедуб, Р. Бородулин, М. Метлицкий. Сделаны выводы относительно влияния национальной литературы о Чернобыле на выработку экологического мышления у молодежи.

Ключевые слова: Чернобыль; литература; поэзия; проза; публицистика; нон-фикшн; художественная правда.

The article considers the most significant works of Russian literature on the Chernobyl disaster. The role of poetry and journalism as types of rapid response art is noted. The author refers to the figure of Ales Adamovich, a writer and literary critic who made a titanic effort to eliminate the consequences of the catastrophe as soon as possible. The relevance of this writer's diary observations for today, as well as his phenomenal prophetic gift, are noted. The author observes that only the combined work of representatives of various scientific disciplines can solve the problems of disaster relief. The three main works of Russian literature, which have become the most popular objects of literary studies, are highlighted. The problem of changing the author's strategies due to the need to be aware of the consequences of the accident is touched. The new role of non-fiction literature, which has gained new relevance due to the need to record and document events, is emphasized. S. Aleksievich, I. Shamyakin, V. Bykau, V. Kazko, I. Ptashnikau, A. Kazhadub, R. Baradulin, M. Myatlitsky are among those whose works are considered in the article. The conclusions are drawn regarding the influence of the national literature on Chernobyl on the development of ecological thinking amongst young people.

К e y w o r d s: Chernobyl; literature; poetry, prose; journalism; non-fiction; artistic truth.

Чернобыльская катастрофа вошла в историю национальной литературы стремительно. Первыми на нее откликнулись поэты и публицисты, что и понятно, ведь именно поэзия и публицистика являются видами искусства, способными на мгновенное и яркое, как молния, реагирование. Первой поэтической реакцией на трагедию стали строки Анатолия Велюгина, Анатолия Гречаникова, Рыгора Бородулина, Пимена Панченко, Миколы Метлицкого, Максима Танка, Дануты Бичель-Загнетовой, Владимира Веремейчика, Олега Лойко, Сергея Законникова, Любы Тарасюк, Аллы Конопелько, Геннадия Буравкина, Евгении Янищиц. Позже появятся рассказы, повести, романы, пьесы и многоголосные нон-фикшн произведения, которые будут положены в основу кинематографических полотен. Появятся сборники произведений о Чернобыле к очередным годовщинам, где, кажется, уже все описано – боль и страх первых дней, трудности и последствия переселения сотен тысяч людей, экологические проблемы. Наши писатели никогда не замалчивали народной беды.

Однако следует помнить, что мы должны быть благодарными мастерам слова не только за то, что они осмысливали чернобыльскую трагедию в своих произведениях на художественном уровне, но и в первую очередь за то, что некоторые из них реально и действительно, иногда в ущерб собственной карьере, боролись за жизнь и здоровье каждого белоруса конкретными поступками. И в первую очередь здесь следует упомянуть имя писателя, публициста и литературоведа, доктора филологических наук Алексея Адамовича, который первым в Беларуси поднял атомную проблему еще за пять лет до Чернобыля.

Этот литератор, в то время сотрудник Института литературы имени Янки Купалы, по словам академика Евгения Велихова, «одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб его родной земли и нашей планеты» [1, с. 3]. Эти слова директора Курчатовского института открывают книгу А. Адамовича «...имя сей звезде Чернобыль» (2006). Невероятно, но писатель и литературовед, казалось бы, далекий от проблем энергетики, задумался об угрозе мирного атома еще в 1981 году, свидетельством чему – записи в книге дневниковых заметок «От не убий человека до не убий человечество». Вообще уровень предвидения глобальной катастрофы у Адамовича просто феноменальный. Его дневниковые записи еще до Чернобыля читаются так, как будто написаны сегодня. Например: «Новый виток по спирали: выживание рода зависит сейчас от “не убей!”, поскольку убить человека и убить человечество – эти понятия опасно сблизились. Как две половинки той самой битвы. На планете нет надписи на каких-то дверях: “Запасной выход”. Некуда будет бежать в случае ядерного пожара» (1985) [1, с. 340].

В записи за тот же год читаем: «...Что может литература? Додумывать до конца и других заставлять. Но что сделала литература, чтобы этот всеобщий процесс осознания риска пришел раньше? Мало сделала, очень

мало. Наука так, врачи, Велихов, Сагдеев и др., а мы – почти ничего. Был принцип: “Не пугайте населения! победим, если страна прикажет! и пр., и пр. И мы молчали”. Какие проблемы нужно решить сегодня, чтобы не опоздать снова? Уже опоздали! Бюрократия. Бюджет. А голос из рядов литературной бюрократии: не чернить, хватит! Что хватит? Где “Баня”, где “Ревизор”, где?..» [1, с. 339].

В том же 1985-м появится адамовичевский «Катехизис ядерного века», который и сегодня звучит остро и актуально, ведь он в первую очередь об ответственности ученых перед человечеством. Позднее – литературное предупреждение «Последняя пастораль» (1986). В 1992 году появится «Апокалипсис по графику», в котором описаны события тех страшных послечернобыльских дней, когда писатель добивался правды о Чернобыле на государственном уровне. Благодаря его обращению к генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с загрязненных территорий уже в первые годы после трагедии были отселены 135 000 человек, которым он если и не спас жизнь, то точно продлил.

Стоит заметить, что и у Адамовича вряд ли бы что-то получилось, если бы у него не было дружеской поддержки, голосов писателей со всего мира. Как известно, Адамович был в дружеских отношениях с Чингизом Айтматовым, одним из тех, кто поднимал экологическую тему в литературе задолго до Чернобыля. Тут стоит заметить, что у белорусов тема экологии в прозе до Чернобыля не поднималась ни разу. Неудивительно, что, стремясь быстро среагировать на глобальную чернобыльскую катастрофу, Адамович обращается к творческому опыту кыргызского писателя. Прежде всего к «Плахе», которую он защищает в «Литературной газете» от 14 декабря 1988 года. Под небольшим редакционным материалом “Чингизу Айтматову – 60», подписанным правлением союза писателей СССР, можно прочитать его суровую статью «Юбилей проблем не отменяет», где Адамович рассуждает о главном таланте Айтматова, задавая вопрос: «Удается ли это: говорить **всю** правду, именно **всю** Чингизу Айтматову? Всегда ли удавалось?» И отвечает на него: «Путь этот проходит и Айтматов, как и многие другие большие писатели, именно ко всей правде. И он скорее решительнее многих других, ему равнозначенных. Пример тому – “Плаха”. Такое произведение, появляясь, детонирует оглушительный взрыв правды во всей общественной жизни. Именно это произошло после публикации романа».

К опыту «Плахи» обращается Адамович и в своих рассуждениях о сверхлитературе, термине, придуманном им для того, чтобы обозначить главные тексты XX века, тексты, где писатели реализуют свое право «додумывать до конца», говоря не только о прошлом, но и о будущем человечества.

В дневниковых записях Адамовича за 1986 г., опубликованных в журнале «Неман» (1998), есть несколько записей, посвященных именно «Плахе». «Айтматов, “Плаха”».

Толстой: Люди воюют, работают, торгуют, но одновременно – это главное – решают вопрос: что добро, а что – зло...

Роман из притч: Христос – Пилат, Авдий – “и торгующие в храме”, Бостон и парторг.

Ну и волки, тоже притча, а точнее, подсветка всему – из недр жизни.

Да, разные времена, люди, условия, но все, как в зеркале, в другой притче: Авдий распятый и Христос, Бостон и они же.

И по Толстому: что зло, что добро. По-разному отвечают разные эпохи, но и однозначно: служение людям – и себялюбие.

Про Бостона-убившего: страшен всем, как был бы страшен воскресший!

Мучило: как написать о ядер[ном] конце. И тут это: гибель, конец света – он погиб (нравственно, все нравственно уже погибло).

Роман-трагедия, вот как выразилась ядер[ная] тема у Айтматова» [2, с. 122–123].

И почти там же, в соседнем абзаце: «Упругий свет, удар волной и вот это. Так, наверное, умирают... Не страшно. Это вас и погубило, что не страшно» [2, с. 122–123]. Это тоже из дневниковых записей, но относится скорее к тому, как видит Адамович собственное произведение о ядерной угрозе, в котором писатель также обращается к произведениям Айтматова, но более ранним, это говорит о том, что диалог великих глубже, чем просто реакция на широко обсуждаемую в то время «Плаху».

В 1987 г., уже через год после катастрофы выходит антиутопия «Последняя пастораль» Адамовича, которую одинаково часто называют и научной фантастикой, и антивоенной притчей. Действие ее происходит на небольшом острове, причем острове скалистом, где есть водопад с пресной водой. В принципе топос повести крайне ограничен – песчаный пляж, тропинка к водопаду и собственно скала. Это удивительно, учитывая равнинный характер белорусской земли, которая, как известно, не имеет выхода к морю, но совершенно естественно, если прочитывать произведение глазами читателя айтматовской повести «Пегий пес, бегущий краем моря». И в одном, и в другом произведении количество персонажей минимально ограничено. Собственно говоря, Адамович прямо говорит, что остров со скалой – это лодка, Ноев ковчег, где собраны последние люди, спасение которых зависит от их нравственного выбора. Обращает на себя внимание и такая деталь: один из двух героев-мужчин – «мореход», профессия для белорусов необычная. Тема воды, описание которой занимает едва ли не четверть повести, в принципе не белорусская тема, т. к. пресная чистая вода – это то, чего в Беларуси вдосталь, но жажды, когда на счету каждая капля пресной воды, очень хорошо прописаны у Айтматова, как и голод, испытуемый героями «Пегого пса». Понимая преемственность этих произведений, становится ясно, почему главная героиня, которая должна стать праодительницей нового человеческого рода, так любит плавать: «Вода – истинная Ее стихия, если кем и была в прошлом, так дельфином» [3, с. 521]. Как не вспомнить женщину-рыбу из «Пегого пса»? Возможно, это было бы не так заметно, если бы не отсутствие морей у белорусов.

Питаются герои «Последней пасторали» практически исключительно рыбой. Это собственно Адам, Ева и Каин (именно так переводит фамилию

Смит с арабского главный герой). Мужчине и женщине автор собственных имен не дает. Каждый этап микроинициации героев сопровождается обретением ими нового имени, особенно это касается героини-женщины. Очевидно, что поиск имен-обозначений для человека и человечества – одна из стратегических философских задач писателя, которую он ставит перед собой в этом произведении.

«– Он называет меня Мария! – вдруг вспомнила, засмеялась.

– Почему – Мария?

– Это тебе было безразлично, кто с тобой. Как ты меня еще не окрестил Матушкой Природой? А что, хорошее для женщины имя!» [3, с. 568].

Между тем, именно так, собственно, и видит, и называет главный герой свою подругу, последнюю женщину земли. «Мать Земля», «Мать-природа» – девственная и невинная, обязанная возродить человечество – такой видится ему она. И тут невозможно не вспомнить айтматовское «Материнское поле». Но если на первых страницах пасторали женщина целиком соответствует этой деиндивидуализированной роли, мечтая о ребенке, который спасет человечество, то в середине произведения, вопреки ожиданиям, ее роль резко меняется. Всевышний – бог, Великий Драматург, смотрящий (для него у автора тоже много имен и функций), посыпает на остров Третьего, Воина, непосредственного участника атомной войны, отравившей все живое радиацией, не способного иметь детей, в которого влюбляется женщина, лишая человечество последнего шанса. По злой иронии вселенной последняя женщина на земле начинает видеть в солдате своего ребенка, а в finale, будучи беременной, умирает от радиации. Если в «Пегом псе» Айтматова именно ребенок остается жив, давая надежду читателям, на благополучный исход их собственной жизни, то в произведении Адамовича – явно в полемическом диалоге с Айтматовым – такой надежды на спасение нет.

«– Он ребенок, хотя с виду... Стесняется, будто мне это важно. Забрала бы в себя и носила, как кенгурунка!

– Я думал, он только меня вытеснил. А этот гад (вот кто истинно гад!), а он – и детей! Кенгурунок! Пристроился! Да вы оба враги человечества! И поступать с вами соответственно! А ты – ты просто Медея! Вот кто ты!

– Пусть, пусть Медея! Да только кому меня судить? Я тебе объяснила бы, если бы ты способен был услышать хоть одно слово. Я и сама этого не знала, не подозревала, как важно – выбрать самой и вообще выбрать. Мне этого не было оставлено. И вдруг!.. Наверно, то же самое, что родить» [3, с. 571].

По Адамовичу получается, что сама Мать-Земля выбрала бесплодие, устав от человеческих конфликтов, войн и техногенных катастроф. Главная героиня, она же мать-природа, объясняет это так: «Я хочу любви и ничего больше. А там пусть будет как будет! Ну нарожали бы еще одно племя таких же. Чем бы кончилось, если не тем же? Так пусть кончится один раз, но любовью. Если бы ты мог знать, что это такое, ты бы меня не упрекал» [Там же, с. 569].

«Последняя пастораль», как и «Материнское поле» – произведения антивоенные, но если в первом речь идет о последствиях гипотетической атомной войны, то во втором – о войне реальной, о прошедшей Второй мировой. Между написанными произведениями – четверть века. Интересно наблюдать, как Адамович, через диалоги своих героев, акцентирует изменение отношения к Матери-земле за это время.

У Айтматова читаем:

«– Ты задала трудный вопрос, Толгонай. Были народы, бесследно исчезнувшие в войнах, были города, сожженные огнем и засыпанные песками, были века, когда я мечтала увидеть след человеческий. И всякий раз, когда люди затевали войны, я говорила им: “Остановитесь, не проливайте кровь!” Я и сейчас повторяю: “Эй, люди за горами, за морями! Эй, люди, живущие на белом свете, что вам нужно – земли? Вот я – земля! Я для всех вас одинакова, вы все для меня равны. Не нужны мне ваши раздоры, мне нужна ваша дружба, ваш труд! Бросьте в борозду одно зерно – и я вам дам сто зерен. Воткните прутик – и я выращу вам чинару. Посадите сад – и я засыплю вас плодами. Разводите скот – и я буду травой. Стройте дома – и я буду стеной. Плодитесь, умножайтесь – я для всех вас буду прекрасным жилищем. Я бесконечна, я безгранична, я глубока и высока, меня для всех вас хватит сполна!” А ты, Толгонай, спрашиваешь, могут ли люди жить без войны. Это не от меня – от вас, от людей, зависит, от вашей воли и разума» [4, с. 332].

У Адамовича все более радикально, так как претензии накопились с обеих сторон: «И мы, оставив в покое друг дружку, общими силами набрасываемся на... матушку природу. Она виновата, она породила, допустила, позволила, даже спровоцировала, да, да, именно так! Ну зачем ей было только припасать для нас каменный уголь да нефть? Как специально. Не будь этих двух планок на лесенке, ни за что не добраться бы до ядерного горючего. Паслись бы мирно среди стогов сена да шустрой паровозиков, гоняемых древесным углем, время от времени кусались бы, но так, насмерть, как получилось, не смогли бы при всей нашей неуемности.

Как это она, мудрая наша матушка, не разглядела, что никакие мы не мирные, не травоядные, что такими только казались или прикидывались поначалу, выпрашивая у любящей родительницы право не попадать под опеку Великого Инстинкта. Мешал он нам, не позволял самопроявляться всласть и сполна, этот самый инстинкт самосохранения вида. А он у матушки природы почему-то товар дефицитный. Вручала его лишь самым забиякам: всяким там волкам-тиграм да гремучим змеям. Этим намордник Великого Инстинкта, конечно, нужен. А зайцу – зачем? А голубю – зачем? Человеку тем более не надо, он такой весь голый, без рогов, без когтей и клыков! Ну укусит собрата мелкими зубами, ну даст подзатыльник – велика трагедия! Не разглядела матушка родительница, какие клыки, какие когти спрятаны под круглой, как крышка реактора, черепной коробкой. Какой взрыв, выброс возможен – страостей, жестокости, ненависти, кровожадности. И именно

к себе подобным. Когтей нет, говорите? А камень зачем, что под рукой? Нет клыков, зато есть палка. Согнуть ее и совсем здорово – получился лук. А если дунуть огнем да через железный “тростник” – кто сильнее, кто дальше? Что, если это да соединить с этим, да еще вот так – что получится?.. До чего же любопытные детки! С собой бы заняться, так нет, каждому другого подавай! Кого бы повернуть, приспособить так, чтобы самому было не просто хорошо, а лучше, чем всем остальным?» [3, с. 532–533]. С осуждением выступает и сама земля, воплощенная в образе женщины, осуждающей убийство своих детей во имя нелепых целей.

Айтматовская традиция – а традиция, как известно, не заимствование, а преодоление и продолжение мысли предшественника – имеет и другие, более явственные формы, а именно введение притч, имеющих библейскую и фольклорную основу. Так, в тексте «Пасторали», которую, как мы уже отмечали, и саму можно назвать научно-фантастической притчей, много эпиграфов. Это и «Сказание о Гильгамеше», и цитаты из Библии, и стихотворения белорусских классиков. Но внутри самого текста используются притчи о Даждь-боге, о многоголовом драконе и о женщинах, деливших ребенка (источник тут не указан, хотя очевидно, откуда автор взял эту притчу, поданную, как повествование главного героя).

Надо сказать, что эта традиция – сопровождать произведения, связанные с чернобыльской темой, притчами и иным фольклорным материалом, берущая начало в произведениях Айтматова, до сих пор жива, что свидетельствует о нестихающем интересе к произведениям великого кыргызского писателя. И все же «Плаха» Айтматова на сегодняшний день остается наиболее близким произведением к творчеству Адамовича, который в своих полемических статьях неоднократно писал об ответственности человечества перед лицом грядущих поколений. Стоит заметить, что писатели не только были знакомы, но и переписывались, о чем свидетельствует письмо Айтматова Адамовичу.

Во времена больших испытаний – прежде всего в произведениях о Первой и Второй мировых войнах – белорусские авторы часто обращались к теме природы, которая служила и поддержкой, и спасением, и источником, из которого черпаются силы для поддержки души. Чернобыльская катастрофа не стала исключением из правила. Очевидное тому свидетельство – повести А. Кожедуба и В. Козько.

В своей повести «Спаси нас и помилуй, черный аист» В. Козько сочетает миф и сказку, реальные события накладываются на фантастические, создавая вязь новых смыслов. Писатель создает специфическое текстопространство, которое живет по своим художественным законам. Природа играет здесь роль не просто пейзажного фона, а становится одним из основных героев. В повести самым радикальным средством борьбы со страхом перед катастрофой предлагается смелость смеха и карнавальное очищение, что, в принципе, является довольно нетипичным для нашей национальной

литературы и для творчества самого писателя. В повести «Дуб» А. Кожедуба описана коварная трагедийность новой действительности, где отравление окружающей среды напрямую связывается с болезнями общества, уничтожающими души тех, кто раньше жил в связке с миром природы. И в одном произведении, и в другом также используется фольклорный материал – притчи, предания, легенды, опять же отсылающие к айтматовской традиции экологической прозы. Вставные фольклорные материалы в данном случае являются маркером, по которому можно определить мировоззренческую позицию писателя, уровень его социального и экологического оптимизма.

В повести «Волчья яма» В. Быкова, друга и соратника А. Адамовича, который и сам внес огромный вклад в дело продвижения правды о Чернобыле, этот маркер отсутствует полностью. Его герои – солдат-дезертир и бомж, волей судьбы оказавшиеся в зоне отселения – живут в лесу, который у белорусов всегда считался местом силы, местом связи с предками. Безымянные – как и у Адамовича – они вынуждены выживать, мучаясь от голода и холода, питаясь лишь лягушками да речной водой. Это произведение о трагической судьбе двух мужчин, которые оказались в смертельной ловушке чернобыльской зоны. Однако, в первую очередь, это произведение – размышление над масштабом чернобыльской трагедии, которая видится писателю в том числе и катастрофой человеческих отношений.

По сути, «Последняя пастораль» А. Адамовича и «Волчья яма» В. Быкова – являются главным литературным достоянием белорусов на тему катастрофы, теми произведениями, которые не обходит вниманием ни один исследователь литературы. И связано это прежде всего с глубокой философичностью произведений, масштабностью авторских обобщений и понятным «прямым» публицистическим языком, который апеллирует не столько к чувствам, сколько к разуму.

По-другому подошли к раскрытию темы последствий катастрофы Иван Пташников и Иван Шамякин, предпочитая не глобальность осознания трагедии, а создание убедительных художественных образов и деталей. Невозможно не упомянуть настоящий шедевр отечественной изящной словесности – пташниковский рассказ «Львы», который надолго запоминается благодаря символичности, которую придал писатель судьбе обычной деревенской собаки Джукки. Этот рассказ, кстати, отличное напоминание о том, что глубина произведения не всегда коррелирует с его размером.

Роман И. Шамякина «Злая звезда» уже своим названием четко очерчивает и избранную тему произведения, и его трагедийный пафос. В центре романа – образ председателя райисполкома, на плечи которого ложится бремя ликвидации последствий аварии. Один его сын – инженер атомной станции, второй – офицер, летчик, который в это неспокойное время отправляется в Афганистан и погибает там. Таким образом семейная трагедия накладывается на общегосударственную. Не случайно финал романа трагичен: от пережитых испытаний умирает жена героя. Однако такой финал выглядит

вполне реалистично в свете описанных событий. В повести «Зона повышенной радиации» автор продолжает начатую ранее в романе «Злая звезда» тему Чернобыля. Но теперь его интересуют уже последствия этой катастрофы, а именно то, как социальная трагедия постепенно складывается в личную трагедию человека.

Здесь следует отметить, что Чернобыльская катастрофа повлияла не только на выбор писателями новых тем, образов, героев, общей тональности произведений. Катастрофа во многом изменила писательские стратегии, затронув, например, такую проблему, как выбор жанра. Отметим, что трагедия породила интерес к типу литературы нон-фикшн, или, как ее иначе называют, «непридуманной литературы». Нон-фикшн существовал и раньше, достаточно вспомнить «Я из огненной деревни» Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника или адамовичских «Карателей». Однако до катастрофы этот тип литературы был скорее маргинальным, а сейчас стал мейнстримом. Здесь стоит упомянуть такие книги, как «Взрыв над Припятью» А. Крыги, «Краснополье в лучах Чернобыля» Л. Лобановского, «Стали воды горькими. Хроники чернобыльской беды» В. Гигевича, «Чернобыльская боль» П. Каменкова, «Память Чернобыля» В. Гацко.

Как уже отмечалось выше, первыми на трагедию Чернобыля откликнулись поэты. Сразу после катастрофы было создано более 300 стихов. Среди поэтов были классики, такие, как П. Панченко, и новички, такие как А. Сыс. Серьезный вклад в тему Чернобыля в белорусской литературе внес и друг А. Адамовича поэт Рыгор Бородулин. Самой яркой его книгой на эту тему можно считать поэтический сборник «Быть! = То Be!». В центре поэтического внимания – герой-переселенец, тот, кого трагедия оторвала от родной земли. Отлично раскрывает тему Чернобыльской трагедии в своей поэзии Микола Метлицкий, который посвятил книгу «Бабчин» родной деревне, отселенной в результате катастрофы. Кстати, он не только сам писал на Чернобыльскую тему, но и был составителем антологий художественных текстов, посвященных этому событию.

Практически к каждой годовщине чернобыльской трагедии выходят коллективные сборники, которые включают в себя прозаические, публицистические, стихотворные и драматические произведения. Написаны тысячи ученических и сотни студенческих работ, посвященных освещению темы Чернобыля в литературе. Если говорить, что конкретно сделали литературоведы для ликвидации последствий Чернобыля, то, очевидно, ответ будет: «Почти ничего». Однако они сделали очень многое для того, чтобы предотвратить новые «чернобыли», воспитав на книгах белорусских писателей новое, более ответственное поколение, для которого экологичность мышления – уже норма. Анализ книг, посвященных катастрофе на ЧАЭС, позволяет сделать вывод, что созданы эти книги не только для молодого поколения, как свидетельство прошлых времен. Они адресованы прежде всего ученым, тем людям, от нравственного выбора которых зависит общее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович, А. М. Имя сей звезде Чернобыль / А. М. Адамович. – Минск : Ковчег, 2006. – 544 с.
2. Адамович, А. Записные книжки разных лет / А. Адамович // Неман. – 1998. – N 11/12. – С. 59–129.
3. Адамович, А. М. Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль: Повести / А. Адамович. – М. : Советский писатель, 1989. – 640 с.
4. Айтматов, Ч. Т. Материнское поле / Ч. Т. Айтматов / Собрание сочинений : в 3-х т.– М. : Молодая гвардия, 1982. – Т. 1. – 607 с.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Курыпка Мікалай Алегавіч

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай філалогії
і замежнай літаратуры
Мінскі дзяржкаўны лінгвістычны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Mikalai Kurypka

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of
Belarusian Philology and World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kuripych@gmail.com

**РАСПРАЦАВАНАСЦЬ ТЭМЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ
Ў АЙЧЫННЫМ І БРЫТАНСКІМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ:
ПАРАЎНАЛЬНЫ АСПЕКТ**

**EXPLORING THE THEME OF WORLD WAR II IN BELARUSIAN AND
BRITISH LITERARY STUDIES: A COMPARATIVE ASPECT**

У артыкуле разглядаецца праблема даследавання тэмы Другой сусветнай вайны ў беларускім і брытанскім літаратуразнаўстве на мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў. На прыкладзе крытычных твораў выяўляюцца спецыфічныя для кожнай краіны асаблівасці ў асвятленні гэтай тэмы, а таксама вызначаюцца глыбіня распрацаванасці тэмы Другой сусветнай вайны ў парападобным аспекте.

Ключавыя слова: англійская літаратура; беларуская літаратура; Другая сусветная вайна; ваенная проза; герайчнае; трагічнае.

The article touches upon the problem of researching the theme of World War II in Belarusian and British literary studies at the turn of the XXI century. The example-oriented study focuses on the specific features of how the topic has been explored in each country, and determines the depth of the development of the theme in a comparative aspect.

Ключавыя слова: English literature; Belarusian literature; World War II; war novel; the heroic; the tragic.

Пачынаючы з сярэдзіны ХХ ст. тэма Другой сусветнай вайны была адной з асноўных у нацыянальных літаратурах краін-удзельніц ваеннага канфлікту. Па сваім эмацыянальна-псіхалагічным напаўненні ўплыў гэтай крывавай вайны на гісторыю чалавечства, яго грамадскую свядомасць і мастацкае асэнсаванне падзей быў значна большым, чым за ўсе мінулыя войны разам узятыя. Па словах А. Адамовіча, «сведкам і ўдзельнікам сваім вайна дала такі эмацыянальны зарад, адкрыла ім свет і чалавека ў такіх высокіх і ў такіх, не пабаюся гэтага слова, страшных праявах, што не пісаць аб гэтым нельга праста па прычынах унутранага – маральнага і псіхалагічнага – парадку»¹ [1]. А. Адамовіча паўтарае і адзін з найбольш таленавітых паслядоўнікаў ваеннай тэмы В. Быкаў, калі сцвярджае, што ў ваеннай прозе «... няма межаў, магчымасці гэтай тэмы бясконцыя» [2]. Гэтыя слова сведчаць аб неабходнасці і далей захоўваць памяць пра вайну праз літаратурныя творы.

¹ Тут і далей пераклад на беларускую мову наш. – M. K.

У літаратуразнаўстве неабходнасць кампаратыўнага аналізу мастацкіх твораў розных нацыянальных літаратур узікае ў першай палове ХХ ст. (даследаванні М. Бахціна, А. Весялоўскага, В. Жырмунскага і інш.). Напрыклад, В. Жырмунскі зазначае, што «пытанні аб падобных шляхах развіцця літаратуры розных народаў, аб гісторычна-тыпалагічных аналогіях літаратурнага працэсу ўвесь час скрыжоўваюцца з пытаннем аб міжнародных літаратурных узаемадзеяннях і уплывах. Відавочна, што цалкам выключыць гэтыя апошнія немагчыма» [3, с. 71].

Пытанне наяўнасці гісторычных аналогій ці падабенства тых або іншых катэгорый у мастацтве звязана з проблемай міжнароднага развіцця і узаемадзеяння літаратур, аб чым В. Жырмунскі пісаў у працы «Параўнальнае літаратуразнаўства: Усход і Захад»: «Асноўнай перадумовай парашунальнага вывучэння літаратур розных народаў з'яўляецца адзінства і заканамернасць агульнага працэсу сацыяльна-гісторычнага развіцця чалавечства, якім абумоўлена і заканамернае развіццё літаратуры і мастацтва як вобразнага спазнавання рэчаінасці, адлюстраванай у свядомасці чалавека» [3, с. 138].

Беларуская і англійская ваенная проза з'яўляецца часткай адной гісторычнай спадчыны – антыфашистскай літаратуры. І калі ідзе гаворка пра іх суаднясенні, можна звярнуць увагу як на адсутнасць паралелей і аналогій, так і на наяўнасць агульных харектарыстык. Паводле справядлівага сцвярджэння В. Жырмунскага, важна даследаваць не толькі непасрэднае падабенства дзвюх літаратур, але і бачыць адрозненні, бо «гэта дазваляе вызначыць агульныя заканамернасці літаратурнага развіцця ў яго грамадскай абумоўленасці і ў той жа час нацыянальную спецыфіку літаратур, якія з'яўляюцца прадметам парашунання» [3, с. 68].

Даследчыкі-кампаратывісты Р. Андрэ-Мішэль, П. Брунэль і К. Пішуа суадносяць парашунальнае даследаванне з «вынікам той скрытай духоўнай працы, што адбываецца ў грамадстве. Перад намі не проста здабытак чалавечага разуму, а вынік самога жыцця чалавека з усімі яго цяжкасцямі, сляпымі інстынктамі, высакароднымі імкненнімі і несупынным рухам самога жыцця» [4, с. 41]. Больш ёмістое тлумачэнне неабходнасці парашунання дае М. Бахцін: «тэкст жыве толькі маючы дачыненне да іншага тексту (кантексту)» [5, с. 138]. Справядліва прымяняць падобную формулу і да канкрэтных образаў, сюжетаў, канцэпцый і г. д.

Ваенная проза ў пэўнай ступені знаходзіцца пад уплывам грамадскіх працэсаў, што робіць яе, па сцвярджэнні В. М. Жырмунскага, відам ідэалогіі. Ідэйна-арганізуючая функцыя мастацтва, што падкрэсліваецца ў працах М. М. Бахціна і В. Н. Валошынава, пакідае адбітак на мастацкім увасабленні рэчаінасці, якое не становіцца «пасіўнай копіяй, яно актыўна афармляецца гісторычна абумоўленай грамадскай свядомасцю пісьменніка» [3, с. 76]. Акрамя індывідуальных творчых задум аўтараў, ваенная проза рэалізуе сацыяльны, палітычны і нават эканамічны патэнцыял мастацтва. Аб грамадска-выхаваўчай функцыі ваенай прозы пісаў В. Жыбуль у працы «Бела-

руская проза пра вайну і класічна трагедыя»: «Кожная вайна не можа быць без ахвар і чалавечых пакутаў. Пагроза атамнай вайны, якая ставіць пад сумненне каштоўнасць жыцця ўжо не асобных людзей, і нават не асобных пакаленняў, а каштоўнасць жыцця наогул, зразумела, не можа не ўносіць сваіх асаблівасцей, у прыватнасці, у абвостраных адносінах пісьменніка да вайны як сацыяльной з'явы, якая атрымлівае асуджэнне не толькі ў апасрод-кавана-маральнай (выражанай мастацкімі сродкамі) форме, але і ў форме прамога “аўтарскага прысуду”» [6, с. 22].

Другая сусветная вайна стала гістарычным апагеем пастаяннага працэсу супрацьстаяння вайны і міру, які характарызуе дынаміку сусветнай гісторыі і ўласцівы кожнаму грамадству ў яго ўнутраным і знешнім развіцці. Тлумачэнне і раскрыццё чалавечага образу на вайне адбываецца не толькі ў агульным разуменні герайчнага і трагічнага, але і ў кантэксце асаблівасцей грамадска-палітычнага развіцця краін, гістарычных перадумоў і спецыфікі менталітэту. Таму будзе справядліва сцвярджаць, што нацыянальная самабытнасць складаецца не толькі з сацыякультурных працэсаў (рэлігійнай, прававой, грамадской эвалюцыі), але і з маральна-псіхалагічнага стаўлення чалавека да вайны, што і можна заўважыць у нацыянальных літаратурах.

Разважаючы аб даследаванні тэмы Другой сусветнай вайны, вельмі важна разглядаць проблему не толькі ў аблежаванай мастацкай сістэме, але і ў глабальным кантэксце, бо ідэя нацыянальнай і індывідуальнай спецыфікі спалучаецца з ідэй адзінства і заканамернасці існавання агульнагуманістычных каштоўнасцей, якія ўласцівыя і літаратуры. У творчасці беларускіх і англійскіх пісьменнікаў можна ўбачыць як істотныя адрозненні (не індывидуальная асаблівасці, а эпахальныя, тыпалагічныя), якія маюць дачыненне да нацыянальнага вопыту ўдзелу ў Другой сусветнай вайне, так і падабенства асноўных жыццёвых праблем: станоўчага і адмоўнага героя, гуманістычных ідэалаў, маральных каштоўнасцей і жыццёвага працэсу.

Параўнанне мастацкага ўвасаблення тэмы вайны ў англійскай і беларускай літаратурах спрыяе больш глыбокаму асэнсаванню ўнутранага свету асобнага чалавека і ўзаемаадносінаў паміж народамі, фарміраванню нацыянальнай і агульначалавечай свядомасці. Асаблівую актуальнасць падобны падыход набывае ў ХХІ ст. ва ўмовах цеснага ўзаемадзеяння нацыянальных літаратур і глабалізацыі культуры.

Безумоўна, вышэйзгаданыя тэндэнцыі і падыходы да тэмы Другой сусветнай вайны знайшлі сваю глыбокую і рознабаковую распрацоўку ў англійскім і беларускім літаратуразнаўстве канца ХХ – пачатку ХХІ ст.

У беларускім літаратуразнаўстве існуе вялікая колькасць даследаванняў, дзе супастаўляюцца беларуская і іншыя сусветныя літаратуры. Узаема-сувязям беларускай літаратуры з літаратурамі іншых краін прысвяцілі свае працы А. Адамовіч, Г. Бутырчык, А. Крыклівец, А. Лойка, В. Рагойша, У. Сакалоўскі і інш.

Разам з тым англійская вайнная проза не была шырока распаўсюджана ў былым Савецкім Саюзе. У друку пастаянна з'яўляліся пераклады раманаў

I. Во, Дж. Олдрыджа, Дж. Б. Прыстлі і іншых вядомых пісьменнікаў, але даволі вялікая колькасць твораў так і не была перакладзена на рускую ці беларускую мову. Прычынай таму было як ідэалагічнае супрацьстаянне дзвюх дзяржаў, погляды якіх на вайну і яе вынікі значна разыходзіліся, так і адносная непапулярнасць ваенай тэмы ў самой англійскай літаратуры, асабліва ў 50–60 гг. XX ст. Заняпад Брытанскай імперыі і значныя грамадска-палітычныя змены ў краіне скіроўвалі ўвагу пісьменнікаў да іншых проблем.

Не сакрэт, што савецкая ідэалогія зредку дапускала канкурэнцыю ідэй, таму ў літаратурразнаўстве катэгорыі гераічнага і трагічнага ў адносінах да вайны разглядаліся выключна з пункту гледжання адзінага падыходу і метаду. Гэта стварала сістэму, якую можна назваць «бліскучай ізаляцыяй» [3, с. 71], як выказваўся В. Жырмунскі ў дачыненні да літаратуры, недастаткова адкрытай творчаму ўзаемадзеянню з іншымі нацыянальнымі літаратурамі. Распрацоўка ваенай тэмы ў ідэалагічнай светапогляднай сістэме няспынна звужала колькасць праблем і матываў да выключна аднаго гераічнага характару літаратуры і гераічнага ў літаратуры, што пакідала без належнай увагі іншыя праблемы: наватарства, гуманізм ці трагічнасць. Таму нельга не пагадзіцца з М. Кромам, што «менавіта ў ХХІ ст. адчуваецца патрэба ў асэнсаванні пэўных катэгорый нацыянальнага мінулага пры дапамозе параўнальнага аналізу» [7, с. 76].

У беларускім літаратурразнаўстве тэма ваенай прозы і гераічнага змагання чалавека была і застаецца традыцыйнай і актуальнай. Яшчэ ў савецкі час з'явіліся шматлікія крытычныя працы, прысвечаныя ваенай тэматыцы, П. Дзюбайлы, С. Духана, М. Каваленкі, В. Локун і інш.; некалькі выданняў зведала ёмістая праца М. А. Тычыны «Народ і вайна»; да пытання гераізму на вайне звярталася Э. Гурэвіч у кнізе «Пафас гераізму: Сучасная савецкая проза аб Вялікай Айчыннай вайне» (1979), англійская ваенная проза даследавалася такімі навукоўцамі, як А. Анджапарыдзэ, В. Івашова, А. Саруханян, П. Топер і інш. Сярод тых, хто звяртаўся і распрацоўваў тэму гераічнага ў савецкай літаратуры, можна назваць такія імёны, як А. Бачароў, В. Жыбуль, Л. Іванова, Г. Ламідзэ, Б. Лявонаў і інш.

Асаблівай увагі ў савецкім літаратурразнаўстве заслугоўваюць працы А. Адамовіча «Аб сучаснай ваенай прозе» (1981), «Вайна і вёска ў сучаснай літаратуре» (1982). Раней у сваім артыкуле «Узаемадзеянне беларускай і рускай “ваенай прозы” з еўрапейскай літаратурнай і гуманістычнай традыцыяй» (1977) А. Адамовіч праводзіў парыўнанне савецкіх ваенных твораў і лепшых здабыткаў заходнега ўрапейскай і амерыканскай літаратуры. У 1986 годзе з'явілася яркая па асаблівасці асэнсавання матэрыялу праца В. Жыбуля «Беларуская проза пра вайну і класічная трагедыя», у якой літаратуразнаўец упершыню суаднёс вопыт беларускай літаратуры пра вайну і дасягненні сусветнай класікі. Героіка і трагедыя вайны ўзгадваюцца ў працах С. Андраюка, Д. Бугаёва, П. Васючэнкі, Л. Гараніна, М. Мушынскага і інш.

Гэтая тэма працягвала заставаца адной з вядучых і ў паслясавецкі час, калі з'явіліся працы са свежымі поглядамі на гісторыю. Прычым у рамках не толькі міжлітаратурнай сферы, але і літаратурнага працэсу пэўнай нацыянальнай літаратуры. Гэтыя даследаванні, безумоўна, таксама ўваходзяць у сферу прадмета парашынальнага літаратуразнаўства, бо «асноватворныя зыходныя метадычныя пазіцыі адноўкавыя як пры міжлітаратурным, так і пры нацыянальна-літаратурным даследаванні» [8, с. 22].

Варта ўзгадаць працу П. В. Васючэнкі «Пошукі страchanага дзяцінства: Беларускія празаікі “сярэдняга пакалення” аб Вялікай Айчыннай вайне» (1995). Вайна стала вызначальным фактарам у фарміраванні светапогляду пісьменнікаў, дзяцінства якіх выпала на цяжкія 1940-я гады, таму даследаванне іх творчасці звязана з біяграфічным падыходам, што дапамагае высветліць харектар твораў і псіхалогію герояў.

У 1995 годзе з'яўляецца праца В. Локун «Маральна-філасофскія пошуки беларускай ваеннай і гістарычнай прозы, 1950–1960-я гады»; актуальная пытанні ваеннай прозы закранаюцца ў даследаванні П. Дзюбайлі «Час, літаратура, крытыка» (1992); паварот сучаснай прозы да найбольш праудзівага і поўнага асэнсавання падзеі Вялікай Айчыннай вайны адзначаецца ў працы Т. Грамадчанкі «Перад праўдай высокай і адвечнай» (1991), рэгулярна з'яўляюцца аналітычныя артыкулы С. Андраюка, У. Гніламёдава, В. Жураўлёва, А. Марціновіча, Т. Шамякінай і інш.

У 2015 годзе з'явілася маштабная па сваіх памерах і глыбіні праца даследчыка-тэарэтыка М. Тычыны, якая стала перапрацоўкай і паглыбленнем матэрыялу яго вядомага даследавання «Народ і вайна» 1985 года выдання. У сваёй манаграфіі аўтар не толькі аналізуе праblemу «чалавек-народ-вайна» ў гістарычным ракурсе, але праводзіць глыбокое даследаванне «чалавечага вымярэння» ў літаратуры. Даследчык прытрымліваецца меркавання, што герайчны патэнцыял літаратуры ў асэнсаванні трагедыі чалавека на вайне не можа абмяжоўвацца пэўнымі ідэалагічнымі ці палітычнымі рамкамі, а мусіць разглядацца толькі з боку агульначалавечых гуманістычных каштоўнасцей, што дазваляе ставіць беларускія ваенныя творы на адзін узровень з лепшымі дасягненнямі сусветнай літаратуры.

Надзвычайнай з'явай для беларускага літаратуразнаўства стала навуковая дзейнасць прафесара Лонданскага ўніверсітэта А. Макміліна, а менавіта яго працы «Гісторыя беларускай літаратуры ад вытокаў да нашых дзён» («A History of Byelorussian Literature from its Origins to the Present Day», 1977), «Беларуская літаратура ў 50–60-я гады XX стагоддзя» («Belarusian Literature in the 1950s and 1960s: Release and Renewal», 2001) і тысячастаронковая манаграфія «Напісанае ў халодным клімаце: беларуская літаратура ад 1970-х гадоў да нашых дзён» («Writing in a Cold Climate: Belarusian Literature from the 1970s to the Present Day», 2010).

Прафесар А. Макмілін, абапіраючыся на гістарычныя факты і біяграфічныя даследаванні, аналізуе праblemу ідэалагізацыі мастацтва. Шматлікія вядомыя імёны беларускіх класікаў і сучаснікаў паўстаюць у святле

супрацьстаяння мастацтва і палітызацыі літаратуры і ў спробах «смела пісаць псіхалагічна дакладную праўду, якой бы непрыемнай яна ні была» [9, с. 72], у тым ліку і ў дачыненні да Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар заўважае, што для літаратуры кожнай краіны ўласціва сутыкацца з цяжкасцямі, калі пачынаецца гаворка аб захаванні сапраўднай гістарычнай памяці, якая тоіцца за наносным гераізмам і зніжаным градусам трагічнасці. Беларуская літаратура ў гэтым сэнсе ўзяла на сябе «звышлітаратурную» місію захоўвання памяці пра вайну.

Актуальнасць ваенай тэматыкі як сродку асэнсавання праблемы «расчалавечвання» разглядаецца ў навуковай працы Г. Пяткевіча «Праблема станаўлення і самавызначэння асобы ў беларускай і літоўскай прозе 80-х гадоў», аб'ектам якой стала творчасць В. Адамчыка, В. Быкава, В. Казько і іх літоўскіх сучаснікаў. Доктарская дысертация Т. Тарасавай прадстаўляе беларускую літаратуру XX ст. у кантэксце агульнаеўрапейскай літаратурнай традыцыі, у тым ліку разглядаюцца кампаненты ваенай прозы ў творчасці М. Гарэцкага і К. Чорнага. Даследчыца З. Траццяк падтрымлівае тэму вывучэння ваенай прозы ў шматлікіх артыкулах і манаграфіі «Паэтыка амерыканскай і беларускай прозы пра Першую сусветную вайну (на прыкладзе творчасці Э. Хэмінгуэя і М. Гарэцкага)» (2015). У 2020 годзе Т. Багарадава абараніла дысертацийнае даследаванне «Эвалюцыя ўласаблення ваенай тэмы пісьменнікамі-ветэранамі і сведкамі Вялікай Айчыннай вайны ў беларускай аповесці (1980–1990-я гг.)».

Ваенную прозу Расіі і Беларусі даследаваў В. Каваленка; Г. Тварановіч праводзіла тыпалагічнае вывучэнне беларускай ваенай прозы і паўднёваславянскіх літаратур; у міжнацыянальным кантэксце І. Шаблоўская разглядала сучасную ваенную прозу еўрапейскіх сацыялістычных краін. Акрамя гэтага, даследчыца звярталася да параўнання беларускай і амерыканскай ваенай прозы ў зборніку артыкулаў «Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Рэцэпцыя. Тыпалогія. Кантакты» (2007); беларускую спавядальную прозу ў еўрапейскай традыцыі аналізуе А. Бярозка. У 2014 годзе В. Кавальчук абараніла дысертацию на тэму «Сюжэталогія беларускай і польскай антываеннай прозы (А. Адамовіч, В. Быкаў, Т. Новак, Т. Бароўскі)».

Гераічны ўчынак з трагічным падтэкстам адзначаецца важным сродкам раскрыцця характару ў дысертациі І. Шпакоўскага «Сюжэтна-кампазіцыйная структура апавядання (на прыкладзе беларускай і рускай прозы)». На прыкладзе Парфена з апавядання І. Чыгрынава «За трэцім разам» аўтар робіць акцэнт на тым, што гераіzm чалавека можа трактавацца з розных бакоў, асабліва калі адчуваецца складанасць адназначнай маральна-этычнай ацэнкі падзей, якія раскрываюцца ў творы. Падчас вайны Парfen забівае палоннага немца, самавольна выносячы яму прысуд. Героя паступова паглынае канфліктнае супрацьстаянне, калі першапачатковое задавальненне сваім учынкам змяняецца цяжкімі душэўнымі перажываннямі ажно да адмаўлення таго, што ён зрабіў.

Дысертацыя А. Данільчык прысвечана аналізу эвалюцыі беларускай і італьянскай ваенай прозы. На канцэрэце супастаўлення пошукаў абедзвюх літаратур на розных этапах стаўлення даследчыца ўсебакова і шырока разглядае паглыбленне канцэпцыі духоўнага свету чалавека і прыходзіць да выисновы, што катэгорыі трагічнага і герайчнага адпавядаюць не толькі патрабаванням часу, але і ўнутранай прыродзе чалавека.

Важныя назіранні пра герайчнае і трагічнае на вайне ў творах брытанскіх аўтараў можна знайсці ў працах В. Мінінай і В. Судлянковай. У манаграфіі «Мастацкая проза Кадзуа Ішыгурэ» (2012) В. Мініна разглядае ролю ваеннай тэматыкі, якая ў многім вызначыла мастацкую спецыфіку раманаў К. Ішыгурэ. У 2015 годзе В. Судлянкова выдала зборнік артыкулаў «Англійская паэзія рамантызму і сучасная проза: артыкулы розных гадоў», значную частку якога прысвяціла ваеннай прозе Вялікабрытаніі канца XX – пачатку ХХІ ст.

Такім чынам, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што сучасныя беларускія літаратуразнаўцы (П. Васючэнка, У. Гніламёдаў, В. Жураўлёў, В. Локун, Г. Тварановіч, М. Тычына і інш.) грунтоўна даследуюць праблему герайчнасці чалавека і трагічнасці вайны ў айчынных і замежных мастацкіх творах.

Англійскі літаратуразнавец М. Брэдбэры падкрэсліваў: «пасля пачатку вайны ў 1939 годзе начальні спрайджацца самыя кашмарныя фантазіі, якіх пісьменнікі 1930-х нават не адважваліся ўявіць» [10, р. 264]. Справядліва будзе сказаць, што катастрофа такога маштабу безумоўна пакінула свой адбітак на гісторыі Вялікабрытаніі, а значыць, ваенная проза таксама з'яўляецца адной з вартых увагі тэм у працах крытыкаў і даследчыкаў.

Тэме Другой сусветнай вайны ў літаратуры прысвяцілі свае даследаванні У. Ален, Б. Бергонзі, К. Маклафлін і А. Рутэрфорд; пррама ці ўскосна ўзгадвалі ваеннную прозу ў агульным кантэксце англійскага рамана пісьменнікі і літаратуразнаўцы Дж. Ліндсэй, П. Ньюбі, Дж. Олдрыдж і інш. Англійскія літаратуры перыяду Другой сусветнай вайны прысвячаны маштабныя працы А. Мантана, К. Мілер, Р. Мэнгама, А. Рутэрфорда, Дж. Харта і інш.

Аб'ёмныя даследаванні Б. Бергонзі, Дж. Ф. Інгліша, П. Парындэра, М. Пэрыса, П. Свіндэна і інш., як у дыяхраніі, так і сінхраніі, прапануюць глыбокую характарыстыку культурнага і літаратурнага кантэксту, у тым ліку ў дачыненні да тэмы вайны. Гісторыі і развіццю брытанскай і сусветнай ваеннай прозы прысвячаны зборнікі артыкулаў пад рэдакцыяй М. Макей «The Cambridge Companion to the Literature of World War II» (2009) і К. Маклафлін «The Cambridge Companion to War Writing» (2009). Даследаванні ў галіне брытанскай ваеннай прозы праводзіць літаратуразнавец В. Сцюарт, чыя навуковая дзейнасць панарамна ахоплівае багатую літаратурную спадчыну Брытаніі другой паловы XX ст.: «Women's Autobiography: War and Trauma» (2003), «Narratives of Memory: British Writing of the 1940s» (2006), «The Second World War in Contemporary British Fiction: Secret Histories» (2011).

Варта адзначыць цікавае даследаванне С. Барэнберга «Memory and Representation of World War II in Contemporary British and German Fiction» (2010). На прыкладзе мастацкіх твораў брытанскай і нямецкай літаратур аўтар аналізуе адлюстраванне калектыўнай і персанальнай памяці аб Другой сусветнай вайне, абгрунтоўвае існаванне «транснацыянальнага літаратурнага падыходу да Другой сусветнай вайны, які выходзіць за межы нацыянальнага» [11, р. 231]. Аналіз творчасці выбітных пісьменнікаў сучаснай брытанскай і нямецкай ваеннай прозы (Л. Йенсэн, Дж. Картрайта, А. Кенэдзі, Т. Медзікуса, М. Эміса і інш.) дазваляе сцвярджаць, што ва ўмовах, калі знікае «жывая памяць» пра вайну, літаратура выпрацоўвае новыя падыходы да ўзгадвання падзеі мінулага. Паступова развеяваюцца старыя дыскурсы, якія прапаноўвалі рэзкае супрацьстаянне брытанскага і нямецкага ў адлюстраванні вайны: «Толькі зрэдку мы зараз сутыкаемся са стэрэатыпным уяўленнем класічнай палярызацыі “злога” немца і “прыстойнага” брытанца, або выразнага злачынцы і пераможцы. Клішэ хутчэй выкарыстоўваюцца ў брытанскай ваеннай белетрыстыцы, якая малюе халодных, асцярожных і бюракратычных нацыстаў, што зрэдку можна ўбачыць у сучаснай ваеннай прозе» [11, с. 232].

Такім чынам, з сярэдзіны XX ст. тэма Другой сусветнай вайны выступае нязменна актуальнай у літаратуры і мастацтве. Зацікаўленасць мінульым сведчыць аб неабходнасці больш глыбокага даследавання сучаснай ваеннай прозы, бо з цягам часу больш актуальным становіцца адноўлены інтарэс да мінулага, традыцыйных і новых сувязяў вайны і чалавека. Нягледзячы на вялікую колькасць літаратуразнаўчых прац у галіне параўнальнага даследавання беларускай ваеннай прозы і іншых нацыянальных літаратур і дастаткова шырокое поле аналітычных крыніц, нельга з упэўненасцю казаць аб вычарпанасці пошукаў сучасных беларускіх і англійскіх даследчыкаў у рэчышчы тэмы Другой сусветнай вайны.

ЛІТАРАТУРА

1. Адамович, А. Почему мы не можем не писать о войне / А. Адамович // Собр. соч. : в 4 т. – Минск, 1982. – Т. 3 : Хатынская повесть ; «Врата сокровищницы своей отворяю...» : эссе ; Статьи, выступления, интервью. – С. 513–525.
2. Быков, В. Публицистика / В. Быков // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1986. – Т. 4 : Знак беды : повесть ; Рассказы ; Публицистика. – С. 312–320.
3. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад : избр. тр. / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1979. – 493 с.
4. Брунэль, П. Што такое параўнальнае літаратуразнаўства? / П. Брунэль, К. Пішуа, А.-М. Русо ; пер. з фр. С. Барысевіча, А. Дынька ; пад рэд. В. Булгакава. – Мінск : ЭўроФорум ; Беларус. Фонд Сораса, 1996. – 238 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

6. Жибуль, В. В. Белорусская проза о войне и классическая трагедия / В. В. Жибуль ; ред. В. А. Коваленко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 149 с.
7. Кром, М. М. Введение в историческую компаративистику : учеб. пособие / М. М. Кром. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2015. – 247 с.
8. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М. : Прогресс, 1979. – 317 с.
9. Макмілін, А. Пісьменства ў халодным клімаце: беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён / А. Макмілін. – Беласток : Orthdruk, 2011. – 910 с.
10. Bradbury, M. The modern British novel / M. Bradbury. – London : Penguin Books, 1994. – XVI, 515 p.
11. Barenberg, C. Memory and representation of World War II in contemporary British and German fiction: a comparative analysis : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / C. Barenberg. – Nottingham, 2010. – 272 p.

Поступила в редакцию 01.04.2025

Ли Цзя

магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Li Jia

MA in Philology, PhD Student
of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
bo328229287@gmail.com

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ НARRАЦИЯ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «СТРАНА ВИНА»

THE MYTHOLOGICAL NARRATIVE IN THE NOVEL *THE REPUBLIC OF WINE* BY MO YAN

В романе Мо Яня «Страна вина» вино выступает ключевым элементом модернизации и насилиственной деконструкции традиционных китайских мифов. Используя многолинейную структуру и новаторскую нарративную стратегию, автор раскрывает духовное опустошение и отчуждение власти, с которыми столкнулось китайское общество в начале реформ и открытости. Одновременно, опираясь на существующие исследования и современные теоретические рамки, роман демонстрирует локализацию магического реализма, обнажая дилеммы китайской литературы и предлагая инновационный путь для деконструкции традиционных мифов в современном Китае.

Ключевые слова: Мо Янь; «Страна вина»; мифологическая нарратация; мифологическое пространство; деконструкция.

The Republic of Wine by Mo Yan takes wine as the core element and wine as the entry point, and adopts a multi-linear structure and pioneering narrative strategy to modern and violently deconstructed traditional Chinese myths, revealing the spiritual deprivation and power alienation faced by Chinese society in the early period of reform and opening up. At the same time, based on the existing research and current theoretical framework, the localization of magic realism reveals the dilemmas faced by Chinese literature, and provides an innovative path for the deconstruction of traditional myths in contemporary China.

Key words: Mo Yan; *The Republic of Wine*; mythological Narrative; mythological Space; deconstruction.

The Republic of Wine is one of Mo Yan's most controversial works, and since its release in 1992, it has attracted strong reactions in both Chinese and foreign literary circles due to its sharp social criticism, multidimensional narrative structure, and magical realism. “Since Mo Yan was awarded the Nobel Prize for Literature in 2012, the re-reading of *The Republic of Wine* and the reminiscence of Mo Yan's ‘disgruntled’ voice have continued to unfold amidst the heat of the award” [1], and in less than a decade since then there have been hundreds of critical articles on *The Republic of Wine*.

Wine is the core element in *The Republic of Wine*, and before analyzing *The Republic of Wine*, one needs to have an understanding of Chinese wine culture and wine. Wine had a profound significance in ancient China, not only used for rituals (*The Book of Rites*, ‘the goodness of fine and sweet wines is used to honour the

ancestors'), and as a medium of communication between people and the gods of heaven and earth, but also an important vehicle for literati and ink writers to honour the ancestors. It also became an important carrier for literati to express their inner feelings. The birth and development of wine in the Chinese people, with a deep historical memory, "the history of China's brewing, drinking Long-standing, wine culture has become an important part of Chinese culture, its roots deep into all corners of the social fabric" [2]. Throughout the thousands of years of China's history, the invention and birth of wine is not only the crystallization of labour and wisdom, but also closely related to the gods and goddesses in traditional Chinese mythology. Chinese forefathers combined wine with gods and star worship, believing that there was a heavenly god of wine, the 'Wine Flag Star' in the sky dedicated to the management of wine (*Book of Jin*). As history evolved, Chinese folk regarded Du Kang as the 'god of wine' and the inventor of winemaking.

This is also confirmed by later discoveries, "as chemical analyses of ancient organics absorbed into pottery jars from the early Neolithic village of Jiahу in Henan province in China have revealed that a mixed fermented beverage of rice, honey, and fruit (hawthorn fruit and or grape) was being produced as early as the seventh millennium. have revealed that a mixed fermented beverage of rice, honey, and fruit (hawthorn fruit and or grape) was being produced as early as the seventh millennium before Christ (B.C.)" [3]. With the development of agricultural productivity, grains became the main raw material for brewing wine, and a mature brewing process was developed in China during the Shang and Zhou Dynasties (*Book of Rites*). China's modern brewing materials have diversified and the drinking base is huge, and the phenomenon has gradually formed four major wine capitals, namely Yibin in Sichuan, Renhuai in Guizhou, Fenyang in Shanxi, and Suqian in Jiangsu. Based on the culture of wine, the important position of wine in China's historical lineage, subconsciously influencing Mo Yan's conception and creation, giving wine in *The Republic of Wine* not only a social symbol, but also a social function and cultural symbol.

Through the fictional literary terrain of the 'Jiu Guo' in this novel, Mo Yan creates a mythic space with localized colours, "the myth being an overarching metaphorical world in which everything in it is potentially unified, as if they are all in a single infinite whole" [4]. This mythic space is hardly distinguishable from real-world social organizational structures, except that nearly all socio-political carrying out and interpersonal interactions in the city of Wine Country are closely linked to wine. In this mythic space, wine replaces the people as the keystone of society by covering the sky and the earth.

However, "*Republic of Wine* does not become an appendage of politics, but rather completes its examination and amplification of reality and human nature with the support of a cultural core that not only maintains a certain distance from the social and political, but also is able to elevate the height of the work's critique by integrating the writer's forward-thinking understanding of the future under the revelation of a certain cultural commonality" [5]. Using the city of Jiu Guo as a spatial carrier, the fictional narrative maps out a microcosm of modern Chinese

society, creating an antagonistic conflict between the sanctity of wine and its secularization, and is viewed as a modern mythological tale that reveals the alienation of human nature and the corruption of power.

I. The Structure of the Novel with Multiple Parallel Lines

“The classical nature presented in *The Republic of Wine* is not a simple inheritance of classical Chinese literature, but a conscious blending of classical Chinese literary techniques into a pioneering narrative, which is prominently demonstrated in the structure of the text” [6]. In the novel, a number of parallel threads are used to advance the storyline, namely the investigative experience of Ding Gouer, an investigator, who travelled to Jiu Guo; Mo Yan’s correspondence with Li Yidou, a doctoral student in Jiu Guo; and what Mo Yan saw and heard when he was invited to Jiu Guo. These story lines are not independent of each other and unrelated, but are intertwined, not only driving the storyline and dissolving the boundary between fiction and reality, but also exposing the sensitive topic of corruption to the light of day.

The provincial investigator Ding Hooker, as the first character to appear on the scene, does not have the so-called protagonist’s aura, but because of the hitchhiking fiasco, she was scolded by the female driver as “You are a secret agent!” [7], as a specialized government investigator, what he does before the mission begins is dramatic and at the same time, ironic.

The correspondence between Li Yidou, a doctoral student in Jiu Guo City, and Mo Yan already appeared in the first chapter of the novel. According to the development of the story in the novel, Dinghou’er is only a character in Mo Yan’s writing, and he has a predetermined developmental destiny, which should not be affected by the will of the outside world. But in Li Yidou’s letter to Mo Yan, we can see that “Jiu Guo City, some corrupt and humane cadres cooking babies is true, and it is said that some people are investigating the case, and once it comes out, it will shake the world” [Ibid], and “Eating baby boys and drinking ape wine are two important things, and now it’s also the time for the city of Jiu Guo to have a major crisis. are now the very same major events in the city of Jiu Guo, or the two keys to unravelling the mystery of Jiu Guo” [Ibid]. The span from page 16 of the novel, when Ding Gouer receives orders from his superiors to investigate, to the ambush laid in the letters on page 192, makes the overall reading of the work more difficult while at the same time contributing to the inextricable link between the two story lines.

Mo Yan travelled to Jiu Guo not only because of Li Yidou’s frequent invitations, but also because of the influence of society of interpersonal connections that have been passed down in China for thousands of years, and this outcome was inevitable. Mo Yan overlaps with Ding Gouer in Jiu Guo and sinks into the hospitality of Jiu Guo as Ding Gouer does, and this to be identical scene becomes the end of the novel, which makes the novel’s plot echoing the beginning and the end of the novel into a complete closed loop.

“Although these texts are self-contained and relatively independent, they are also characterized by openness and intertextuality, and it is the existence of this

characteristic that creates an intrinsic connection between the different texts, forming an organic narrative whole” [8]. *The Republic of Wine*’s multiple parallel structures have long since transcended simple formal innovations, and are a bold innovation of the novel’s content. Through artistic processing, Mo Yan intertwines official corruption, literary dilemmas, and the magic of reality, constructing a tension-filled space of literary significance.

II. Modern Deconstruction of Traditional Myths

1. Double Metaphors of Taotie Cannibalism Myths

“From the ‘cannibal feast’ in the memory of the past to the ‘baby feast’ in the fictional world, the author borrows the medium of writing and literary narrative to realize the conversion of the carrier from oral memory to written text, revealing the dynamic construction process of the interaction between individual memory and group memory, and ultimately pointing to the traditional cultural proposition of what makes a human being” [9]. In the Classic of Mountains and Rivers, the myth of Taotie, one of the four great beasts of the past, is recorded as a cannibalistic creature with great power and an insatiable desire to eat. In *The Republic of Wine*, the baby boy is served as a special dish for honored guests and named “Kirin bestows child” [7], while the Kirin is a divine creature representing justice in traditional Chinese mythology. Mo Yan’s treatment has a double meaning: on the one hand, he writes that the leading officials of Jiu Guo, led by Jing Gangzuan, are consumed by desire and alienated into the power of the Taotie’s evil camp; on the other hand, he also sets a dark and depressing tone for the whole novel in advance, in which the Kirin, a symbol of righteousness, is eroded and defeated by the Taotie’s camp, and the transcendent power of the traditional divinity is degraded to become an tool for the exchange of power and interests.

2. Capital control and industrialized dismemberment

In both Chinese and Western mythology, babies are symbols of life and hope, but in the novel babies are seen as special commodities and food. The staff in the novel asks the father of the baby “So you are selling a special commodity, not a child, right?” [7] and also grades the quality of the babies according to a so-called standard, using the phrase “one hundred yuan per catty for special grade” [Ibid]. “Behind these mixed with both good and bad and even a bit vulgar depictions lies a reference to the spiritual situation of human beings at this time, which is precisely a concentrated outbreak of some kind of resistance or anxiety, and also an effective expression of the underlying emotions hidden behind the material prosperity and physical awakening of society” [10]. This is a disregard for life, a disintegration and dismemberment of traditional myths by capital-controlled industrialization, revealing the devouring of the ethics of life by the commodity economy.

3. The Destruction of Justice and the Demise of Chivalry

In analyzing the novel’s multi-stranded structure, representative characters such as Ding Gouer and the Fish-Scaled Youth emerge. Ding Gouer, as an investigator who accepts the mission of his superiors, from the absurd behavior on the way to the mine, to the drunkenness that delays the investigation process, to the

loss of faith and perseverance, and finally to the death in the cesspool, “compared to the limitation of verbal irony, situational irony pursues a kind of holistic effect, which is highly hidden, but this kind of untraceable paradox also gives the text a broader space for interpretation” [11]. The period seems to be close to the truth of the event, but ends in failure. In essence, it is Mo Yan’s interpretation of the myth of ‘Kuafu Chasing the truth,’ that the cesspit is not only a burial place for Ding Gouer’s body, but also for Ding Gouer, who eventually “sank to the bottom of the latrine” [7], and that his hero’s end is not only an irony of heroism, but also an end to the myth of enlightenment. “In addition to the irony of heroism, his hero’s end is more like the end of the Enlightenment myth” [12], which is a ruthless dismantling of the traditional Chinese redemption myth.

The Fish-Scaled Youth, as another representative character, appears more frequently in the ‘*Rouhai*’ and ‘*Shentong*’ chapters of the novel, and the origin of the Fish-Scaled Youth is blurred, to make him more mysterious, and he combines a child’s body with extraordinary intelligence and strength, which is in line with the traditional image of the Chinese chivalrous warrior. Although the Fish-Scaled Youth tries his best to free the imprisoned children, but due to the smallness of his power, he can only end up in failure, and his individual power is unable to carry out real redemption. the Fish-Scaled Youth defying danger but eventually to return empty-handed, “eventually disappeared without a trace” [7]. Although the ending of the Fish-Scaled Youth is not explicitly stated in the novel, it can be seen from the ending of Ding Gouer’s death. Mo Yan’s repeats the same mistake, and the promotion of the main officials in Jiu Guo City, that the Fish-Scaled Youth must end up in failure, which also symbolizes that the traditional chivalry is annihilated in the corrupt and degenerate society. annihilation in the corrupt and degenerate Jiu Guo.

III. Reflections on Literary Dilemmas

“In *The Republic of Wine*, human emotions are deeply suppressed by the material space, which is the hidden disadvantage of Jiu Guo, and also the worries and calls conveyed by the novel” [13]. Literature is the artistic presentation of human emotions and thoughts, taking into account both academic exploration and popular entertainment. Although the audience of literature has a wide range, it does not mean that the purity and sanctity of literature can be tainted. In the novel, whether it is Li Yidou’s correspondence with Mo Yan, or Li Yidou blatant mixing of artistic creation, such as acting blatantly ‘giving gifts’ and showing off his family’s status, such behaviour is the corruption and defilement of literature.

Excellent literature can react on the productive forces, and then pull the development of the economy. The famous wine ‘Eighteen Mile Red’ derived from the literary work ‘*Red Sorghum*’ could have become one of the classic cases of literature pulling the development of the economy, but it has been stolen by the power of the capital of the fruits of literature, which led to the ‘Eighteen Mile Red, which is made by Gaomi Winery’ has become one of the most popular wine in the world. “The Eighteen Miles of Red made by the Gaomi Winery is now illegal” [7].

In literary research, appreciation and creation, it is crucial to master the method of literary criticism, but in the novel, Li Yidou does not correctly understand the meaning of literary criticism, let alone the dialectical interaction between criticism and self-criticism, and even threatens that “I don’t know if one day these two boys, Zhou Bao and Li Xiaobao, will run into the muzzle of my gun!” [7]. By adding the story line of Li Yidou’s correspondence with Mo Yan, the story shows the erosion and alienation of literature by capital and secular forces, and reveals the dilemma of literary research.

The Republic of Wine seems to be a sharp attack on the officialdom and power in the early period of China’s reform and opening up, but in fact it is a narrative revolution against the spiritual and cultural deprivation of the Chinese people after a special period of Cultural Revolution. On the one hand, Mo Yan actively invokes traditional Chinese mythological archetypes; on the other hand, he uses pioneering Mythological Narrative strategies to modernise and deconstruct traditional myths, pointing out the nature of ‘blasphemy’ (渎神) in modern Chinese society. When myths and legends no longer play a role in guiding spiritual culture, but are instead downgraded to become tools for exploitation and oppression by power and capital, literary creators and literature should actively take social responsibility for criticism and self-criticism, actively engage in cultural exchanges, and gradually answer the traditional cultural proposition of what makes a human being a human being in depth, improve the framework of theoretical research on contemporary Chinese literature, and promote the benign interaction between social reality and traditional cultural resources, so as to provide a constant force for the development of the society and the enrichment of the spiritual world of the general public.

REFERENCES

1. 慕江伟 (2021). 冷落、热评与经典化 – 《酒国》 与当代文学生态的关系 [Cold, Hot Criticism and Canonization – The Republic of Wine and Contemporary Literary Ecology]. 中国现代文学研究丛刊 (03): 219–227.
2. 徐玉松 (2017). 酒文化的批判与反思: 论《酒国》 [Criticism and Reflection of Wine Culture: On The Republic of Wine]. 小说评论 (03) : 65–69.
3. McGovern, P. E., Zhang, J., Tang, J., Zhang, Z., Hall, G. R., Moreau, R. A., ..., & Wang, C. (2004). Fermented beverages of pre-and proto-historic China. Proceedings of the National Academy of Sciences, 101(51), 17593–17598.
4. [加]诺斯罗普·弗莱 (2006). 《批评的解剖》 [The Anatomy of Criticism] (陈慧、袁宪军、吴伟仁 译). 百花文艺出版社. pp. 355–358.
5. 杨荔斌 (2013). 论《酒国》之“酒”的叙事原点 [On the Narrative Origin of “Wine” in The Republic of Wine]. 广西民族大学学报 (哲学社会科学版) (06) : 157–161.
6. 马云鹭 (2020). 先锋实验与古典传统的合谋—重读莫言长篇小说《酒国》 [The Collusion between Pioneering Experiment and Classical Tradition – Re-reading Mo Yan’s Novel The Republic of Wine]. 当代文坛 (05) : 104–109.

7. 莫言 (2017/2021). 《酒国》 [The Republic of Wine] // 莫言作品全编 [The Complete Works of Mo Yan]. 杭州: 浙江文艺出版社, 2017 (初版), 2021 (再版) : 367.
8. 张学军 (2016). 多重文本与意象叙事0—论《酒国》的结构艺术 [Multiple Texts and Imagery Narrative – On the Structural Art of The Republic of Wine]. 东岳论丛 (01) : 86–93.
9. 柴鲜 (2017) 符号化的“食婴”记忆 — 莫言《酒国》的文化命题 [Symbolic Memory of ‘Eating Babies’ – The Cultural Proposition of Mo Yan’s The Republic of Wine]. 陕西师范大学学报 (哲学社会科学版) (06) : 108–116.
10. 褚云侠 (2016). “酒”的诗学—从文化人类学视角谈《酒国》 [The Poetics of “Wine” – A Cultural Anthropological Perspective on The Republic of Wine]. 小说评论 (01) : 92–97.
11. 叶永胜, 刘桂荣 (2001). 《酒国》: 反讽叙事 [The Republic of Wine: An Ironic Narrative]. 当代文坛 (03) : 38–39.
12. 赵坤 (2016) 《酒国》中的精神现象浅析 [An Analysis of Spiritual Phenomena in The Republic of Wine]. 小说评论 (03) : 87–91.
13. 边佳丽 (2024) 《酒国》中的三重叙事空间 [Triple Narrative Space in The Republic of Wine]. 中原文学 (30) : 12–14.

Поступила в редакцию 24.04.2025

Нестер Анна Ивановна

магистрант кафедры русской литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Nestser

MA Student of The Department
of Russian Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
annanoy91@gmail.com

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ В. М. ГАРШИНА: ОБНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ

POEMS IN PROSE OF VSEVOLOD GARSHIN: RENOVATION OF THE GENRE TRADITION

В статье рассматриваются характерные жанровые черты и особенности средств выразительности в стихотворениях в прозе В. М. Гаршина «Она была милая девушка...» (1875), «Юноша спросил у святого мудреца Джифара...» (1884), «Когда он коснулся струн смычком...» (1884). С применением метода лингвостилистического анализа отстаивается формально-жанровая обусловленность содержательного и выразительного планов художественного текста. Определение наиболее часто используемых художественных средств выразительности позволяет выявить характерные черты идиостиля автора, что релевантно для более масштабных исследований творческого наследия Гаршина в компаративном ключе.

Ключевые слова: творчество В. М. Гаршина; стихотворение в прозе; лирическая прозаическая миниатюра; лингвостилистический анализ; жанровый канон; литературная традиция.

The article considers the characteristic genre means and features of the means of expressiveness in the poems in prose by V. M. Garshin *She Was A Nice Girl...* (1875), *A Young Man Asked The Holy Saint Sage Jifar...* (1884), *When He Touched The Strings With His Bow...* (1884). Using the method of lingo-stylistic analysis for the selected works, the formal-genre conditionality of substantial and expressive levels of the text is defended. The identification of the most frequently used artistic means of expressiveness reveals the distinctive features of the author's idiosyncrasy, which is relevant for larger-scale studies of Garshin's works in a comparative way.

Ключевые слова: poem in prose; lyrical prose miniature; Vsevolod Garshin; linguo-stylistic analysis; genre canon; literature tradition.

Лирическая прозаическая миниатюра, стихотворение в прозе или лирический отрывок в прозе – в некоторой мере противоречивый жанр, не обладающий собственно стиховыми признаками (рифма, ритм, метр, особое графическое оформление), но отличающийся общей установкой на выражение субъективного впечатления, эмоциональной экспрессивностью, бессюжетностью, афористичностью и лаконизмом выражений, характерными для поэтической лирики. Термин был введен Ш. Бодлером в «Цветах зла» (1857), однако в качестве первого образца обычно приводится книга А. Бертрана «Гаспар из тьмы» (1842) [1, стб. 1039]. Наибольшую известность в русской

литературе стихотворения в прозе приобрели в творческом наследии И. С. Тургенева. Редко, в силу специфики жанра, обращались к подобным произведениям и такие авторы второй половины XIX – начала XX веков, как В. Г. Короленко, И. Ф. Анненский, но хронологически первым среди них после Тургенева стал В. М. Гаршин.

Стихотворения в прозе Гаршина как автономная часть его литературного наследия детально не исследовались. Лирические прозаические миниатюры автора системно рассматривались в трудах Е. Ю. Геймбух в рамках комплексного анализа поэтики соответствующей жанровой формы. Недостаточная степень разработанности темы и оригинальность постановки проблемы определяют актуальность работы. Для формирования полноценного представления о творческом методе писателя и особенностях его идиостиля необходимо включать в рассмотрение максимальный объем написанных им произведений. Вопрос о жанровом определении в аспекте анализа художественного текста крайне существенен, т. к. жанр оказывает значительное влияние на поэтические и архитектонические особенности произведения, является одним из магистральных компонентов при выборе методологического направления анализа.

Цель исследования – установить правомерность отнесения избранных художественных произведений к жанру стихотворения в прозе и выявить их характерные специфические черты с учетом оригинального художественного метода Гаршина, а также поставить лирические прозаические миниатюры автора в жанровый контекст, сопоставив их с образцами, которые могли быть для него актуальны. Аналитическое ядро работы – рассмотрение, исследование и систематизация лингвостилистических средств художественной выразительности в качестве магистрального критерия оценки силы и оригинальности литературного текста, поскольку именно художественный текст «строится на использовании образно-ассоциативных качеств речи» [2, с. 115], следовательно, грамотный подбор средств языковой выразительности в нем невероятно значим. Использование лингвостилистической теории жанров в рамках данного исследования оценивается нами как наиболее закономерное и перспективное. Данный метод предполагает комплексный подход, позволяющий сделать процедуру жанровой атрибуции более обоснованной, целостной.

Точно установить авторское жанровое обозначение, которому традиционно отводится предопределяющая роль, в данном случае не представляется возможным. Анализируемые произведения были напечатаны посмертно, при жизни Гаршин не комментировал рассматриваемые тексты в каком-либо ключе. Г. А. Бялый в собрании сочинений Гаршина размещает исследуемые произведения в качестве приложения, группирует и определяет их как «стихотворения в прозе»; здесь же, в примечаниях, обнаруживаем информацию о том, когда и где они были напечатаны. «Она была милая девушка...» впервые появилось в № 1 «Русской мысли» за 1917 год на стра-

нице 65. Изначально стихотворение в прозе было размещено в альбоме Р. Александровой, в которую Гаршин был влюблён в молодые годы. «Юноша спросил у святого мудреца Джияфара...» впервые напечатано в сборнике «Привет» 1898 года на 217-ой странице. Написано в альбом собирателя автографов Г. Л. Кривцова. «Когда он коснулся струн смычком...» было впервые опубликовано в «Современном мире» за 1909 год (№ 11, стр. 39). В нем передано впечатление от посещения Гаршиным концерта в пользу тяжело больного поэта С. Я. Надсона, с которым автора связывала близкая дружба [3, с. 435].

Прозаические произведения Гаршина характеризуются длительным периодом предварительной разработки, детальным и кропотливым конструированием сюжета, системы персонажей, построением аксиологической концепции. Стихотворения и лирические прозаические миниатюры автора обыкновенно носят импрессионистический, рефлексивный характер, отражают внутреннюю реакцию на какие-либо события. Эти произведения более сублимативны по своей природе, они создавались как бы по наитию, интуитивно. Данное существенное различие подчеркивается как самопозиционированием Гаршина исключительно в качестве прозаика, так и обстоятельствами появления анализируемых текстов в печати. Первичным оказывается выражение чувственно-эмоциональной сферы, а не оттачивание художественно-изобразительного мастерства. В этом контексте особенно продуктивным оказывается исследование стилистических особенностей. По утверждению Б. В. Томашевского, именно стилистика занимает промежуточное положение между лингвистическими и литературоведческими науками, представляя собой связующую дисциплину [4, с. 7–9].

Тем не менее Гаршин определенно ориентировался на существующий жанровый канон, в первую очередь – на продолжение традиций стихотворений в прозе И. С. Тургенева. Писатели долгое время вели переписку, Тургенев поддерживал творчество Гаршина, положительно отзывался о его рассказах «Денщик и офицер» и «Из воспоминаний рядового Иванова». Гаршин же, в свою очередь, посвятил своему наставнику на литературном поприще программный рассказ «Красный цветок» и стихотворение «Остановилась кровь поэта...». Именно лирические прозаические миниатюры Тургенева философско-притчевого содержания («Нищий», «Посещение», «Враг и друг», «Восточная легенда» и др.) могли вдохновить Гаршина обратиться к рассматриваемой жанровой форме.

Стихотворение в прозе «Она была милая девушка...» написано в 1875 году. Каждая смысловая часть произведения (деление не в полной мере совпадает с абзацным) начинается единообразно, с синтаксически параллельных анафорических конструкций, преимущественно инвертированных (*Она была милая девушка, Его брат был славный юноша, Она была хорошая мать, Это был великий и несчастный народ, И это был его камень* [3, с. 372]). В качестве характерной синтаксической черты можно

также выделить полисинкетон: многократно повторяется соединительный союз *и* и противительный *но*. Первый воздействует на формальном уровне, визуально и фонетически «сглаживая» повествование, благодаря чему при прочтении достигается притчево-медитативный эффект. Второй же тесно связан с семантическим ядром миниатюры: роковое *но*, трижды подкрепленное сказуемым *не верил*, противопоставляет лирического героя окружающим его людям и не позволяет жить.

Произведение выстроено градационно, при этом каждый новый уровень носит все более обобщенный характер. Так, девушка, характеризующаяся эпитетами *милая, добрая, хорошенькая*, олицетворяет, безусловно, любовь, эрос; брат, *славный юноша со смелыми честными глазами и крепкими руками* – родственные и семейные связи, мужество, честь и смелость; мать – архетип витального начала, но концептуально переосмысленный: вместо безотказной жертвенности, всепрощения и принятия – ожидание «лавровых венков» у ног; и, наконец, народ – в глобальном смысле символ всего человечества. Очерчен в произведении и мотив борьбы, вечного сражения, реализующийся через соответствующую лексику (*ружье, в бою за свободу, ждала смерти или победы, спасти от тьмы рабства, вывести на путь свободы* [3, с. 372–373]).

Наиболее примечателен символический образ камня, сдавливающий лирическому герою грудь. Он *тяжелый и холодный, заставляющий больного человека стонать от боли*. Намеренная тавтология подчеркивает невыносимость этого испытания. В метафорическом смысле камень может быть расшифрован двояко – как душевная болезнь, приведшая к трагедии и самого Гаршина, и как «недуг человечества», невозможность разрешения социальных и нравственных противоречий.

С использованием антитезы построен и последний абзац. Могила безвременно ушедшего юноши посреди цветущей степи: вечный покой и пышущая здоровьем, благоухающая жизнь природы. Искусные метафора (*солнце обливало своим мягким сиянием всю степь и его могилу* [3, с. 373]) и олицетворение (*степные травы качали над могилой своими цветущими головками* [Там же]) контрастно соседствуют с просторечным *склонили и поистине жутким образом мертвца* (*скелет с вечною и страшною улыбкою на костяном лице* [Там же]). Контрастные образы (*прекрасная девушка и страшная улыбка*), ознаменовывающие начало и конец произведения, подчеркивают трагичность мироощущения, характерную для автора.

Лирическая прозаическая миниатюра «Юноша спросил у святого мудреца Джияфара», датированная 1884 годом, на наш взгляд, наиболее философична и афористична. Буквально в трех предложениях заключен микрокосм автора, благодаря чему это стихотворение в прозе можно назвать квинтэссенцией мировоззрения и мироощущения Гаршина. Стоит обратить внимание на соблюдение жанрового канона притчи и использование типичной синтаксической конструкции в начале произведения (*Юноша спросил у святого*

мудреца Джсафара [3, с. 373]). Ответ на заданный им вопрос о сущности жизни в тексте реализуется на уровне имманентного противопоставления образов, в смысловом отношении приближаясь к понятию энтилемы. И вновь мир сквозь призму авторского восприятия оказывается бинарным, что ярко отражает противопоставление тропов: с одной стороны, *грязный рукав, отвратительная язва, разъедающая руку*, с другой – *благоухание роз*. Нестандартное сочетание экспрессивного глагола *гремели* с существительным *соловьи*, по нашему предположению, подчеркивает порой дисгармоничную и от того более яркую красоту вселенной, особо острое и проникновенное ее восприятие. Актуализированная концепция двоемирия найдет свое воплощение чуть позже, в поэзии символистов, использование же экзотизмов в лексике – в основном относительно имен собственных – свидетельствует о тяготении автора к неоромантическим чертам.

Последняя лирическая миниатюра в прозе, «Когда он коснулся струн смычком...», тоже была создана В. М. Гаршиным в 1884 году. Ослабленная,rudimentарная сюжетность в тексте дополняется скрытыми подсказками, суггестией, интенцией и намеками. Рамочный сюжет – концерт, посвященный умирающему юноше. Центральный сюжет – реконструкция мгновений жизни больного в воображении повествователя.

Обрывочность, фрагментарность произведения закономерно отражается в его архитектонике. Каждый абзац содержит от одного до трех небольших предложений, которые практически не связаны между собой на формальном уровне, однако композиция подчеркнуто закольцована (*Когда он коснулся струн смычком – Виолончель смолкла* [3, с. 374]). Так передается цикличность, повторяемость, извечная *суета сует*, в которой в *бешеном плеске и вопле удовлетворенной толпы* [Там же] так легко раствориться и бесследно исчезнуть.

Несмотря на некоторую отвлеченность, изображенное в произведении представлено в реалистическом ключе. В качестве примера приведем ряд эпитетов и метафор, описывающих умирающего: *исхудалое лицо, бледное лицо, прекрасные глаза горят больным пламенем, огонь покрывает его лицо*. Звуки виолончели *страстны и печальны*, мысль лирического героя *горькая и тяжелая* – эти определенияозвучны ведущему эмоциональному тону произведения.

Иносказательно и образно в лирической миниатюре передана музыка. Ее чудодейственность реализуется через градационный ряд глаголов *вились – переплетались – росли – наполняли* (звуки виолончели). Живое искусство противопоставляется замершей зале [Там же]. Метонимический эпитет подчеркивает людскую черствость. Вновь используется прием контраста: тонко чувствующий мир и осознающий масштаб человеческой трагедии герой противопоставлен бездумному гедонизму *бешеної толпы*.

По утверждению И. Р. Гальперина, «логические и стилистические виды когезии в тексте, в особенности в поэтическом, лежат на поверхности» [5, с. 77]. В анализируемом же тексте связи, скорее, имплицитные, реализуются в общности идеи и единстве достигаемого эффекта. Драматизм

достигает апогея в предпоследнем абзаце (*Что он читает в нем* [во взгляде – А. Н.]? *Смерть или надежду?* [3, с. 374]). Противопоставление надежды (веры в лучшее, победы созидательных начал, вечной жизни) и смерти (апокалипсиса, забвения, тупиковости и абсурдности бытия) – лейтмотив всех трех миниатюр.

Система образных средств, ключевых для идиостиля Гаршина, характеризуется сравнительно постоянным и небольшим составом – чаще всего автор использует эпитеты, метафоры и антitezы. При этом лирические прозаические миниатюры более экспрессивны и оригинальны, нежели стихотворения («На первой выставке картин Верещагина» (1874), «Когда науки трудный путь пройдется...» (1876), «Пленница» (1876), «Свеча» (1887) и др.). «В “стихотворениях в прозе” проблема соотношения личности и бытия, центральная в творчестве В. М. Гаршина, предстает перед читателем не столько в анализе различных жизненных коллизий, сколько в форме их субъективного авторского восприятия. Это ведет к возникновению в тексте повышенной экспрессии, лирической по своему характеру» [6, с. 68]. В рамках «традиционной» поэзии Гаршин, убежденный и признанный прозаик, чувствовал себя не совсем уверенно и уместно, зачастую чрезмерно тяготея в стилистическом плане к классическим образцам литературы Золотого века, отчасти подражая А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву. Новеллы автора в плане выражения обнаруживают больше общих черт со стихотворениями в прозе (натуралистическая метафорика, экспрессия, монтаж, фрагментарность, прием контраста), однако субъективный фактор в них перемещается на второй план, уступая реалистическому и даже натуралистическому отображению действительности.

Семантическое ядро большей части произведений Гаршина различных жанров – трагическая раздвоенность мира, концептуально воплощаемая в бинарных оппозициях (свет – тьма, благоухание – увядание, жизнь – смерть, творец – толпа, подвиг – бес смысленная жертва, прекрасное – безобразное и др.). Однако, несмотря на идеино-тематическую общность, его стихотворения, лирические прозаические миниатюры и непосредственно прозаические произведения характеризуются разной степенью свободы выражения и художественной значимости, что объясняется фактором субъективной авторской модальности и стремлением к соблюдению формально-жанрового канона.

Обращаясь к жанру стихотворений в прозе, Гаршин в определенной степени продолжает и развивает заложенную Тургеневым традицию. При комплексном сравнительно-сопоставительном анализе лирических прозаических миниатюр двух авторов в лингвостилистическом ключе обнаруживаются сходства, подтверждающие валидность, основательность отнесения произведений к обозначенному жанру, и различия, являющиеся следствием специфической адаптации жанровой формы с учетом индивидуальных авторских взглядов.

В стихотворения в прозе Тургенева и Гаршина вплетены следующие характерные для данного жанра черты:rudimentarnaya сюжетность, лаконичность, малый объем прозаического текста (не более / около страницы), притчевый характер изложения (через конкретные сюжеты просматривается всеобщее, глобальное), скрытая мораль, подчеркнутая эмпиричность и лиричность, абстрактность и ассоциативность, субъективный характер изложения, целостность производимого эффекта, суггестивность. При этом лирические прозаические миниатюры Гаршина менее богаты с точки зрения разнообразия тропов и стилистических фигур, более фрагментарны, экспрессивны и обрывочны; их немного в количественном отношении и они не выделены самим автором в некий цикл.

Специфика жанровой реализации исследуемых произведений Гаршина содержательно связана с концептуальным бинарным противопоставлением, на уровне же выражения – с особенностями художественного метода, сопряженными с использованием характерных лингвостилистических средств. В текстах Гаршина обнаруживаются резкость, зигзагообразность, стремительность, кинематографическая кадрированность, стремление сохранить впечатление в первозданном виде, не исказив ни одной детали, и передать его вербально в духе предмодернизма, к представителям которого относят автора некоторые исследователи. Проанализированные стихотворения в прозе достаточно органично вписываются в рамки жанрового канона, что позволяет констатировать правомерность жанрового определения выбранных художественных произведений, и вместе с тем ярко отражают индивидуальные, оригинальные черты авторского идиостиля, благодаря которым осуществляется обновление жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. – М. : НПК «Интелвах», 2001. – 1600 стб.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М., 2003. – 280 с.
3. Гаршин, В. М. Сочинения / В. М. Гаршин ; [вступ. ст. и примеч. Г. А. Бялого]. – М. : Гослитиздат, 1955. – XXIV, 439 с.
4. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский. – Л., 1959. – 535 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 144 с.
6. Геймбух, Е. Ю. В. М. Гаршин. «Стихотворения в прозе» / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. – 2005. – № 1. – С. 63–68.

Поступила в редакцию 09.04.2025

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (137), 2025

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *O. B. Лущинская*

Редактор *E. И. Ковалёва*
Ст. корректор *C. O. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 07.08.2025. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Sans. Ризография. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 12,04. Тираж 100 экз. Заказ 26.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 3820000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172